

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ
INTERNATIONAL JOURNAL OF CULTURAL RESEARCH

Электронное издание
web-journal

ТЕМА НОМЕРА / The MAIN TOPIC of the ISSUE

**СОВЕТСКАЯ ЭСТЕТИКА И НОВЫЙ
МАТЕРИАЛИЗМ /
SOVIET AESTHETICS AND NEW
MATERIALISM**

Журнал является проектом
издательства гуманитарной литературы
«Эйдос»

| Учредитель и издатель |

Издательство «ЭЙДОС»
editor@eidos-books.ru

| Контакты |

Общая редакционная почта
editorial@culturalresearch.ru

Главный редактор
Дмитрий СПИВАК
d.spivak@culturalresearch.ru

Зам. главного редактора
Алина ВЕНКОВА
a.venkova@culturalresearch.ru

Шеф-редактор
Анна КОНЕВА
a.koneva@culturalresearch.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Министерства
связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации: Эл № ФС77–39183 от 17 марта 2010 г.

ISSN 2079–1100

Редакция принимает к публикации материалы широкой гуманитарной направленности: научные и критические статьи, рецензии, обзоры. Все материалы проходят обязательное внутреннее рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом на основании внутренней рецензии. Основными критериями при принятии решения о публикации служат научная новизна, актуальность проблематики, выраженная исследовательская позиция, соответствие высоким академическим стандартам научного текста. Минимальный объем материала — 20 000 знаков. Максимальный — 40 000 знаков. Редакция не знакомит авторов с рецензиями. При отклонении публикации рецензия предоставляется по запросу. Материалы принимаются к публикации только в соответствии с объявленной темой номера. Концепцию текущего номера и тематический план на следующие номера можно найти на главной странице сайта. Предоставляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее в ином издании без согласия редакции и гарантирует, что ни сам материал, ни его части не были опубликованы ни на твердых, ни на электронных носителях, ни в сети Интернет. Автор несет ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения редколлегии и редакции. Отношения автора и редакции регулируются публичным договором-офертой, опубликованном в разделе «Авторам» официального сайта журнала.

Журнал выпускается исключительно в цифровом (электронном) формате. Печатные версии журнала не предусмотрены.

International Journal of Cultural Research
is a project of the EIDOS publishing house
of humanitarian literature.

| Founder & Publisher |

PublishingHouse«EIDOS»
editor@eidos-books.ru

| Contacts |

Common e-mail
editorial@culturalresearch.ru

Editor-in-Chief
Dimitri SPIVAK
d.spivak@culturalresearch.ru

Deputy Editor-in-Chief
Alina VENKOVA
a.venkova@culturalresearch.ru

Associate Editor
Anna KONEVA
a.koneva@culturalresearch.ru

International Journal of Cultural Research is registered by Federal Service for Supervision of
Telematic and Mass Communications
Registration № FC 77–39183, March 17, 2010
ISSN 2079–1100

The Editorial Board welcomes a wide range of articles, including scholarly and critical papers, analytical studies, and reviews. All materials undergo peer review by members of the Editorial Board. The basic criteria for publication are scholarly novelty, current subject matter, and adherence to high international academic standards. The Editorial Board does not inform the authors of the results of peer review. However, a copy of the review will be sent to the author upon his/her request, if the paper is rejected for publication. Each issue of the journal has a theme that should be addressed by all texts accepted for publication in the given issue. The theme of the current issue, as well as of the upcoming one, are posted on the main page of the journal website. Upon acceptance, the author will be required to sign a contract for publication. Once the contract is signed, no part of the article or other materials may be published elsewhere in any form or by any means, without prior permission of the publisher. The author is responsible for the accuracy of all information, including facts, citations, historical and sociological data, names, and place names used in the text. Published materials do not necessarily reflect the views of the Editorial Board or the publisher.

The Journal issued only in electronic version. Hardcopy is not provided.

| Редакционный совет |

Анатолий АЛЕКСЕЕВ-АПРАКСИН
Россия, Санкт-Петербург

Татьяна АРТЕМЬЕВА
Россия, Санкт-Петербург

Марина БИРЮКОВА
Россия, Санкт-Петербург

Елена БЛИНОВА
Россия, Санкт-Петербург

Татьяна БУКИНА
Россия, Санкт-Петербург

Алексей ВАСИЛЬЕВ
Россия, Москва

Крыстина ВИЛЬКОШЕВСКА
Польша, Краков

Кристоф ВУЛЬФ
Германия, Берлин

Андрей ДЕНИСОВ
Россия, Санкт-Петербург

Валентина ДИАНОВА
Россия, Санкт-Петербург

Шарлин Хэддок СИГФРИД
США, Западный Лафайет

Владимир КОНЕВ
Россия, Самара

Нина КОЧЕЛЯЕВА
Россия, Москва

Виталий КУРЕННОЙ
Россия, Москва

Борис МАРКОВ
Россия, Санкт-Петербург

Армен МАРСУБЯН
США, Нью-Хэвен

Лариса НИКИФОРОВА
Россия, Санкт-Петербург

Джон РАЙДЕР
США, Нью-Йорк

Олег РУМЯНЦЕВ
Россия, Москва

Валерий САВЧУК
Россия, Санкт-Петербург

Ольга САПАНЖА
Россия, Санкт-Петербург

Савелий СЕНДЕРОВИЧ
США, Итака

Альмира УСМАНОВА
Литва, Вильнюс

Николай ХРЕНОВ
Россия, Москва

Джеральд ЧИПРИАНИ
Ирландия, Голуэй

Вячеслав ШЕСТАКОВ
Россия, Москва

| Editorial Board |

Dr. Anatoliy ALEKSEEV-APRAK SIN
Russia, St. Petersburg

Dr. Tatiana ARTEMYEVA
Russia, St. Petersburg

Dr. Marina BIRYUKOVA
Russia, St. Petersburg

Dr. Elena BLINOVA
Russia, St. Petersburg

Dr. Tatiana BUKINA
Russia, St. Petersburg

Dr. Gerald CIPRIANI
Ireland, Galway

Dr. Andrey DENISOV
Russia, St. Petersburg

Dr. Valentina DIANOVA
Russia, St. Petersburg

Dr. Nikolaj KHRENOV
Russia, Moscow

Dr. Vladimir KONEV
Russia, Samara

Dr. Nina KOCHELYAEVA
Russia, Moscow

Dr. Vitaly KURENNOY
Russia, Moscow

Dr. Boris MARKOV
Russia, St. Petersburg

Dr. Armen MARSOOBIAN
USA, New Haven, Connecticut

Dr. Larisa NIKIFOROVA
Russia, St. Petersburg

Dr. Almira OUSMANOVA
Lietuva, Vilnius

Dr. John RYDER
USA, New York

Dr. Oleg RUMYANTSEV
Russia, Moscow

Dr. Valerij SAVCHUK
Russia, St. Petersburg

Dr. Olga SAPANZHA
Russia, St. Petersburg

Dr. Savely SENDEROVICH
USA, Ithaca, New York

Dr. Vyacheslav SHESTAKOV
Russia, Moscow

Dr. Richard SHUSTERMAN
USA, Boca Raton, Florida

Dr. Charlene Haddock SIEGFRIED
USA, West Lafayette, Indiana

Dr. Aleksej VASIL'EV
Russia, Moscow

Dr. Krystyna WILKOSZEWSKA
Poland, Krasow

| Редакционный совет |

Ричард ШУСТЕРМАН
США, Бока Рейтон

Давид Л. КРЕЙВЕН †
США, 1951-2012

Михаил УВАРОВ †
Россия, 1955-2013

Паоло КЬОЦЦИ †
Италия, 1943-2018

Джон Джозеф МАКДЕРМОТТ †
США, 1932-2018

Вильям АРЕНС †
США, 1940-2019

Марк-Анри ПИЙО †
Франция, 1933-2020

Кирилл РАЗЛОГОВ †
Россия, 1946-2021

| Editorial Board |

Dr. Christoph WULF
Germany, Berlin

Dr. David L. CRAVEN †
USA, 1951-2012

Dr. Mikhail UVAROV †
Russia, 1955-2013

Dr. Paolo CHIOZZI †
Italy, 1943-2018

Dr. John J. McDERMOTT †
USA, 1932-2018

Dr. William ARENS †
USA, 1940-2019

Dr. Marc-Henri PIAULT †
France, 1933-2020

Dr. Kirill RAZLOGOV †
Russia, 1946-2021

| Редакция |

Дмитрий СПИВАК
Главный редактор
Россия, Санкт-Петербург

Алина ВЕНКОВА
Заместитель главного редактора
Россия, Санкт-Петербург

Анна КОНЕВА
Шеф-редактор
Россия, Санкт-Петербург

Любовь БУГАЕВА
Редактор
Россия, Санкт-Петербург

Елена КАВЕРИНА
Редактор
Россия, Санкт-Петербург

Денис СОБОЛЕВ
Редактор
Израиль, Хайфа

Ирина СОКОЛОВА
Редактор
Россия, Санкт-Петербург

Михаил СТЕПАНОВ
Редактор
Россия, Санкт-Петербург

Лариса ФИАЛКОВА
Редактор
Израиль, Хайфа

Андрей ФОМЕНКО
Редактор
Россия, Санкт-Петербург

| Editorial Team |

Dr. Dimitri SPIVAK
Editor-in-Chief
Russia, St. Petersburg

Dr. Alina VENKOVA
Deputy Editor-in-Chief
Russia, St. Petersburg

Dr. Anna KONEVA
Associate Editor
Russia, St. Petersburg

Dr. Lyubov BUGAEVA
Editor
Russia, St. Petersburg

Dr. Larisa FIALKOVA
Editor
Israel, Haifa

Dr. Andrey N. FOMENKO
Editor
Russia, St. Petersburg

Dr. Elena A. KAVERINA
Editor
Russia, St. Petersburg

Dr. Denis SOBOLEV
Editor
Israel, Haifa

Dr. Irina SOKOLOVA
Editor
Russia, St. Petersburg

Dr. Mikhail STEPANOV
Editor
Russia, St. Petersburg

Выпуск # 4 (45) 2021: СОВЕТСКАЯ ЭСТЕТИКА И НОВЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Приглашенный редактор:
Олег Владимирович АРОНСОН

Ответственный редактор:
Алина Владимировна ВЕНКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

Тема номера	История искусства
Олег Владимирович АРОНСОН Эстетика как <i>intentio prima</i> . О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева 6	Дарья Геннадьевна СТЕПАНОВА Морфология «ленинградского стиля» 80
Максим Витальевич СПИВАКОВ Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого 21	Теория искусства
Александра Владимировна ВОЛОДИНА «Внутри мыслящих миров»: наследие Ю.М. Лотмана и биосемиотика 35	Михаил Александрович СТЕПАНОВ Стратегии искусства новых медиа: к постчеловеческому воображению 92
Денис Владимирович ЛАРИОНОВ Заметки об аффекте в теории пантомимы Е. Харитонова 47	Рецензия
Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности 56	Елена Эдуардовна ДРОБЫШЕВА Очерчивая контуры метамодернизма 103
Нигина Рустамовна ШАРОПОВА Мысль-противоречие vs мысль- перформатив: распределение материального и идеального в диалектическом и новом материализме 70	

Issue # 4 (45) 2021: SOVIET AESTHETICS AND NEW MATERIALISM

Guest Editor:
Oleg ARONSON
Managing Editor:
Alina V. VENKOVA

TABLE OF CONTENTS

Topic of the Issue	Art History
Oleg ARONSON Aesthetics as intentio prima. On the religious materialism of Alexei Fedorovich Losev 6	Darya G. STEPANOVA Morphology of the “Leningrad Style” 80
Maxim V. SPIVAKOV Intelligent Mold, Sprawled on the Rocks of Distant Planets. Ewald Ilyenkov's Philosophy and Inhuman Reason 21	Art Theory
Alexandra V. VOLODINA “Inside the Universes of the Mind”: The Legacy of Y.M. Lotman and Biosemiotics 35	Mikhail A. STEPANOV Strategies of New Media Art: towards Post- Human Imagination 92
Denis V. LARIONOV Notes about Affect in the E. Kharitonov's Theory of Pantomime 47	Review
Lana M. UZARASHVILI Materialism of P. Kropotkin: Ecology, Anticolonialism, and Aesthetics of Common 56	Elena E. DROBYSHEVA Outline of Metamodernism 103
Nigina R. SHAROPOVA Contradiction vs. Performative: Distribution of the Material and the Ideal in Dialectical and New Materialism 70	

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

Олег АРОНСОН

Институт философии Российской академии наук (ИФ РАН)
109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
Старший научный сотрудник, кандидат философских наук
ORCID: 0000-0001-6753-7724
E-mail: olegaronson@yandex.ru

ЭСТЕТИКА КАК *INTENTIO PRIMA*. О РЕЛИГИОЗНОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ АЛЕКСЕЯ ФЕДОРОВИЧА ЛОСЕВА

В статье сделана попытка взглянуть на философию Алексея Федоровича Лосева под углом материалистического поворота, который произошел в западной философии на рубеже XX–XXI веков. Сопоставляя основные идеи и мотивы представителей спекулятивного реализма и трансцендентального материализма с ключевыми положениями книг Лосева 1920-х годов, можно заметить, что и критика корреляционизма, и утверждение реальности математических объектов (Квентин Мейясу), а также материальности идей (Иан Гамильтон Грант) вполне согласуются с тем, что Лосев понимал под диалектикой. Как в случае современных материалистов, так и в случае Лосева, мы имеем дело с критикой аристотелевской причинности и метафизического разделения материи и формы, а также кантовского трансцендентализма. Как у Гранта, так и у Лосева мы видим попытку вернуться к Платону, минуя «платонизм», когда Платон читается через призму категориального аппарата Аристотеля. Такое «возвращение» оказывается возможным благодаря двум факторам: 1) философии имени Лосева, включившей в себя осмысление теории трансфинитных

множеств, в которой сам Лосев, Флоренский и математики лужинского круга увидели возможность для богословского обоснования имяславия; 2) политически вынужденному, но оказавшемуся очень продуктивным для Лосева обращению к историческому материализму, ставшему фактически языком его эстетической теории. Исследуя «чувственно-материальный космос» древних греков, Лосев восстанавливает в правах платоновскую диалектику, где нет никакого разделения на идеальное и материальное, но утверждается реальность (а не трансцендентность) внечувственного порядка. Таким образом, именно через прочтение античной философии в эстетических категориях ему удается восстановить реальность общих понятий и категорий, тем самым косвенно реабилитировав и реалистов эпохи схоластики. К этому же фактически подошел и современный материализм, опирающийся на монизм Спинозы, натурализм Шеллинга и витализм Бергсона.

Ключевые слова: Алексей Федорович Лосев, материя, диалектика, теория множеств, философия имени, неоматериализм, реализм, Квентин Мейясу, Иан Гамильтон Грант.

«Intentio prima, термин средневековой философии, есть фиксация чисто мыслительного объекта, когда нельзя сказать, есть он или его нет. Intentio secunda предполагает уже направленность на реальный объект. Интенциональный акт в первом случае – он

именно иррелевантен, в смысле Гуссерля».

В. В. Бибахин. Из беседы с А. Ф. Лосевым¹

¹ Бибахин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы. 2006. – С. 137.

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

Цель данной статьи не просто еще раз вернуться к философским и эстетическим взглядам Алексея Федоровича Лосева, но, скорее, прочертить ту линию в его исследованиях, которая могла бы стать важным дополнением к современным дискуссиям в западной философии вокруг материализма. Иногда эту ситуацию называют «материалистическим поворотом»², чаще предпочитают говорить о «новом материализме»³, но мы пока будем просто констатировать возникновение достаточно сильного и развивающегося направления в современной философии, дистанцирующегося и от феноменологии, и от лингвистической философии, и от того типа материализма, который был фактически апроприирован марксизмом.

Фигура Лосева в данном контексте может показаться не совсем уместной, поскольку принято считать, что его размышления о материализме и даже использование приемов материалистической диалектики было вынужденной уступкой советской власти, своеобразным «эзоповым языком», которым он пользовался, чтобы иметь возможность вести свои исследования и делать высказывания, выходящие за рамки исключительно марксистской риторики.

² Более точно было бы сказать, что в социальных науках, когда речь идет, например, о социально-акторной теории, используется термин «материальный поворот» (*material turn*), что касается континентальной философии, то предпочитают говорить о «спекулятивном повороте», акцентируя внимание на влиятельном в последнее десятилетие течения спекулятивного реализма, в рамках которого ведутся споры о соотношении категорий материального и реального (см. *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Edited by Levi Bryant, Nick Srnicek and Graham Harman. Melbourne: re.press. 2011.)

³ Rick Dolphijn and Iris van der Tuin. *New Materialism: Interviews & Cartographies*. Open Humanities Press. University of Michigan Library, Ann Arbor. 2012.

Сама по себе тема марксистского теоретического языка Лосева очень любопытна и постоянно возобновляется в уже сложившемся лосевоведении⁴. Мы здесь не будем углубляться в вопросы о том насколько искренне Лосев, религиозный философ в свои ранние годы, упорствовавший в ереси имяславия и до конца жизни хранивший верность своему тайному монашеству, разделял положения исторического и диалектического материализма. Нам важен лишь тот факт, что он не просто обращается к материализму как способу анализа культуры, но и постоянно рефлексировал этот «свой» материализм, вполне вероятно, приобретенный благодаря именно советской власти и тому социальному и политическому контексту, в рамках которого вынужден был работать и существовать.

Уже в самых поздних своих текстах и интервью, которые выходили в конце восьмидесятых, когда стало возможным не скрывать и свое православие, и свои разногласия с официальной философией и советской идеологией, он, тем не менее, не отказался от материализма, но уточнил, что для него различие между материализмом и идеализмом несущественное⁵, Однако сколько бы не утверждал Лосев,

⁴ И хотя сам Лосев, уже в годы перестройки неоднократно затрагивал эту тему: «Я начиная с 30-го года легко и свободно стал применять марксистские методы, конечно, со своим собственным и специфическим их пониманием» (Лосев А. Ф. *Страсть к диалектике. Литературные размышления философа*. М.: Советский писатель. 1990. – С. 18.); и хотя он называл себя марксистом и материалистом (Лосев А. Ф. *Из истории эстетических учений*. Предисловие // *Путь*. – 1993. – № 3. – С. 232–251., С. 249), однако проблема намного сложнее, что показывает ее подробный анализ (см. Вахитов Р. Р. *Поздний Лосев и марксизм // Вопросы философии*. – 2018. – № 1. – С. 106–116).

⁵ «Что же со мной делать, если я не чувствую себя ни идеалистом, ни материалистом, ни платоником,

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

что для него само это различие не является проблемой, тем не менее, именно диалектике идеального и материального (а в античности – формы и материи), посвящено немало страниц его многотомной «Истории античной эстетики». И под маской этой диалектики речь почти всегда идет о двух способах мыслить: условно, «платоновском» и «аристотелевском». Первый указывает на неразделимость идеального и материального порядка и математику как способ непосредственного отношения между человеком и миром, второй – на аналитическое разделение между материей и формой как опосредующий механизм познания и понимания «запутанности» мира, описываемой физикой внечеловеческих стихий.

Одним из лейтмотивов философских размышлений Лосева было возвращение к Платону, минуя тот «платонизм», который исторически оказался под давлением философии Аристотеля (и прежде всего его «Метафизики» и «Аналитик»), в силу чего мы имеем именно ту его «извращенную» версию, которую раньше и называли «идеализмом».

В контексте этих размышлений интересно взглянуть на современную ситуацию в философии, когда вопрос о материализме словно ставится заново. Этому способствуют разные факторы, среди которых следует назвать, прежде всего, определенный кризис марксизма, а также интенсивное развитие естественных наук и новых технологий, оказывающих настолько сильное влияние в том числе и на гуманитарные исследования, что сегодня говорить о разделении на «науки о

ни кантианцем, ни гуссерлианцем, ни рационалистом, ни мистиком, ни голым диалектиком, ни метафизиком, если даже все эти противоположности часто кажутся мне наивными?» (Лосев А.Ф. Из истории эстетических учений. Предисловие // Путь. – 1993. – № 3. – С. 251)

природе» и «науки о человеке» уже практически бессмысленно. Новый материализм утверждает себя именно в этой ситуации и пытается заново поставить вопрос о том, что значит сегодня быть материалистом, что значит анализировать мир материалистически. Очевидно, что приходится отказываться, с одной стороны от марксистско-ленинских клише, оставшихся в мире социальных утопий прошлого века, а с другой стороны от лингвистической доминанты, характерной для исследователей постструктуралистского толка. В результате, с конца 90-х годов прошлого столетия возникает ряд направлений, среди которых следует выделить «неоматериализм» (Рози Брайдотти, Мануэль ДеЛанда), «спекулятивный реализм» (Квентин Мейясу, Грэм Харман, Рей Брассье) и ответвившийся от него «трансцендентальный материализм» (Эдриан Джонстон, Иан Гамильтон Грант). Несмотря на некоторые разногласия между этими направлениями, они выражают очевидную и очень популярную тенденцию в современной философии, которая пытается через переизобретение материализма отвечать с помощью философии и истории философии на технологические, политические и экологические вызовы современного мира. Потому к этому направлению косвенно примыкают и современные теоретики феминизма, экологии, цифровой реальности, такие, например как, Катрин Малабу, Донна Харрауэй, Тимоти Мортон и другие.

У всех этих новых материализмов есть своя история, и если сконцентрироваться на ключевых проблемах, которые являются общими для них, то вполне можно выделить два их генеалогических истока: формальная онтология Алена Бадью и имманентизм Жюлья Делеза. Конечно, значение таких философов как Адорно и Бенямин, Кангилем и Альтюссер,

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

Лиотар и Фуко нельзя недооценивать. Однако именно фигуры Бадью и Делеза задают те пределы, в рамках которых мы сегодня говорим о материализме. Это – метаматематика (математика как то, объектом чего является то, что Бадью называет «бытие как бытие», бесконечно далекое как от эмпирии, так и от абстракции⁶) и то, что можно назвать современным витализмом, когда «жизнь» и «природа» понимаются как «план имманентности» (Делез), пространство процессов изменчивости, становлений и столкновений разнородных сил. В первом случае – это то, что сам Бадью называет «платоновским жестом» в философии, возвращение *истины* не как меры знания о мире, а как события соприкосновения с самой реальностью. Во втором случае ключевой фигурой становится Спиноза и его концепция мыслящей природы, имманентность которой проявляется в аффектах и действиях человеческого тела. Ницше с его призывом «мыслить телом», мыслить танцем подобно Заратустре, и Бергсон с его материей образов, частным случаем которой (одним из срезов) является человеческая память, оказываются для Делеза продолжателями этой спинозистской линии в философии.

В каком-то смысле всякий из представителей современного материализма в той или иной степени затрагивает эти сюжеты. И если Мануэль ДеЛанда в своих работах напрямую отсылает к философии Делеза и подвергает критике книгу Бадью, где последний стремится приписать Делезу онтологию⁷, то Квентин

Мейясу в своей книге «После конечности» во многом ориентируется на Бадью и на возможности математики в преодолении корреляционизма. Напомню, что корреляционизмом Мейясу называет основной грех философии – постоянная корреляция между субъектом и реальностью, невозможность непосредственного доступа к реальности, нежели через «субъекта», привилегированную точку доступа, и, как следствие – невозможность опыта, ибо реальность – не обязана быть той, что нами зафиксирована. «Материализм, который хочет быть спекулятивным – то есть сделать особый тип сущего без мышления абсолютной реальностью – должен утверждать и что мышление не является необходимым (нечто может быть без мышления), и что мышление может мыслить то, что должно было бы быть, если бы не было мышления. Материализм, если он идет по спекулятивному пути, обязан верить, что возможно мыслить данную реальность, абстрагируясь от того факта, что мы ее мыслим»⁸. Опыт всегда дан нам, согласно Мейясу в виде нехватки реальности и именно этой нехваткой движется наука. В марксистско-ленинском варианте это называлось «относительной истиной», Мейясу же отсылает к кантовской непознаваемой «вещи в себе». Таким образом, и «вещь в себе», и относительность истины, и картезианское разделение на *res cogitans* и *res extantia*, и аристотелевское – на материю и форму, – все это версии корреляционизма. Сюда же следует отнести и различие материального и идеального. Преодоление этой ситуации Мейясу, следуя Бадью, видит в метаматематике, в способе че-

⁶ Badiou A. (2006). *Being and Event*. Translated by Oliver Feltham. Continuum, N.Y., 248.

⁷ См. интервью с Де Ланда (Rick Dolphijn and Iris van der Tuin. (2012). *New Materialism: Interviews & Cartographies*. Open Humanities Press. University of Michigan Library, Ann Arbor, 46–47) и книгу Бадью А. Шум бытия. Пер. с франц. Д. Скопина. М.:

Фонд научных исследований «Прагматика культуры», изд. «Логос-Альтера» / «Ессе homo». 2004.

⁸ Мейясу К. После Конечности. Эссе о необходимости контингентности. Пер. с франц. Л. Медведева. – Екатеринбург, Москва: Кабинетный ученый. 2015. – С. 48.

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

ловека иметь дело с актуальной бесконечностью (с бесконечностью как вещью, а не как с абстракцией). И в этом смысле именно метаматематика (теория множеств) связывает человека с реальностью (всегда превышающей границы и возможности самого человека), а не естественные науки, пораженные метафизическим вирусом корреляционизма. Именно в своей борьбе с корреляционизмом, используя докантовский эмпиризм Юма (и здесь нельзя не вспомнить «трансцендентальный эмпиризм» Делеза) и теорию множеств Кантора, Мейясу формулирует свою концепцию контингентности, согласно которой не логика причинности нарушается случайностью, а наоборот, изменчивость – есть суть логики, и физических законов природы. То, что мы фиксируем в мире как случайность – лишь эпифеномен этой «логики изменчивости», которую еще следует создать для «не-причинной Вселенной»⁹, очень напоминающей то, Аристотель называл словом *physis*.

После того, как новоевропейское понимание природы стало неким интерпретационным фильтром в том числе и для древнегреческого *physis*, попытки заново вернуться к античности и восстановить в правах утраченные смыслы этого понятия осуществлялись не раз. Одной из первых была хайдеггеровская интерпретация первого параграфа из второй книги «Физики» Аристотеля (β-1) в виде неканонического перевода этого фрагмента и комментария к нему¹⁰. Эта часть известного проекта немецкого философа по деструкции метафизики, в рамках которого были также написаны тексты о Платоне, Анаксимандре, Гераклите. В

⁹ Там же. С. 136.

¹⁰ Хайдеггер М. О существе и понятии *φύσις*. Аристотель «Физика» β-1. Пер. с нем. Т. Васильевой. Московский философский фонд. – М: Медиум. 1995.

комментарии к Аристотелю Хайдеггер акцентирует несколько вещей, которые важны и для современной версии материализма, и для многих последующих способов вернуться к античности и вернуть античность. Отметим здесь не только принципиальное несоответствие *physis*'а и познаваемой природы (*natura*), но и то, что *physis* имеет своим основание «действие сил» (*dynamis*) и «движение» (*kinesis*), а значит и иной характер «причинности». Это, как отмечает Хайдеггер, не просто каузальность, не просто действие одной вещи на другую, но некий источник (*aithion*, находящийся за рамками человеческого познания и понимания, да и «человеческого» вообще), действие которого состоит только в том, чтобы вещи *становились* такими как есть. При этом этот исток носит характер вещества, а не трансцендентного «духа», в нем нет ничего «невещественного»¹¹. В этом тексте Хайдеггер выходит за рамки только частного комментария, но и показывает, как терминологическое упрощение влечет за собой неоправданные оппозиции типа «науки о природе» и «науки о духе», «природы» и «истории», «физики» и «метафизики», «идеи» и «материи». Он призывает научиться читать Аристотеля заново, то есть читать «Физику» как метафизику, а «Метафизику» как физику¹².

Интересно, что это стало в наше время одним из базовых принципов современного материализма. Черты такого рода анализа мы находим и в «Истории сексуальности» Мишеля Фуко, и в «Археологии субъекта» Алена де Либера. К этому списку вполне можно добавить и лосевскую «Историю античной эстетики». Это становится совсем ясно, когда читаешь такого современного философа как Иан

¹¹ Там же. С. 35.

¹² Там же. С. 31.

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

Гамильтон Грант, отчасти продолжающего и развивающего хайдеггеровский ход в отношении *physis* в книге «Философии природы после Шеллинга», и подводящего, фактически, к мысли, что для греков (и прежде всего для Платона) не было различия между природой и историей.¹³ (Говоря языком Лосева, можно было бы сказать, что динамика «чувственно-материального космоса»¹⁴ греков и есть эволюция античной мысли, неотличимая от истории античной эстетики).

Грант противопоставляет философию Шеллинга трансцендентализму Канта и Фихте. То есть акцентирует внимание на связи природы и материи в противовес навязанной природе «формам» и идее «причинности». Развивая линию Хайдеггера, отметившего, что именно у Шеллинга природа становится основанием духа, Грант прочитывает всю философию Шеллинга под этим углом, демонстрируя переклички с концепциями Бергсона, Уайтхеда и Делеза. Процессуальность жизни, ее динамика и становление, предполагает, согласно Гранту, некую внечеловеческую мысль природы (или «природы тождественной мышлению»¹⁵) как дополнительный тип причинности, и «физическое измерение идеи», принадлежащей материальному миру, а не вневположенной ему. Такое неантропоцентрическое понимание природы, предполагает движение от нововременной *natura* (приспособленной для человека и служащим человеку в виде своего рода *techne* с познаваемыми причинами и целями) к *physis* и даже к *hyle* (материя), которая динамична и интенсивна сама по себе, а не пассивна в ожидании формообразующей энтелехии (как у

Аристотеля). Этот путь ведет Гранта к Платону, к его пониманию материи, которое еще никак не скованно аристотелевской «формой». И этой материи оказываются причастны «идеи» и «эйдосы», которые невозможны без своего материального воплощения, без своей пластической составляющей. Согласно Гранту именно Шеллинг возвращает платоновскую «спекулятивную физику», физику идей, сопричастную той – «самой темной» – материи, которая скрыта от человеческого восприятия, а воплощается, через математические объекты, чему во многом посвящен диалог Платона «Тимей».

И хотя Грант во многом разделяет именно философскую позицию Делеза, а не Бадью, но и он, обращаясь к античности, и к исторической неправомерности разделения материализма и идеализма, невольно сталкивается с математикой, хотя и не в канторовском, а в пифагорейско-платоническом ее понимании. Что роднит нынешнюю трансфинитную теорию множеств с пифагорейством? Именно то, что математика предстает не как наука о природе, не как инструмент других наук, а как способ человека быть имманентным нечеловеческому, *dynamis*'у вечности и бесконечности *kinesis*'а. Эта линия возвращения от современности к Шеллингу и от Шеллинга к Платону, приводит Гранта к выводу: «Идея – это вечность движения, феноменально и физически сериализованная как «всегда становящаяся» («Тимей». 27e9), точно так же, как природа – это бесконечная продуктивность, сериализованная в ее творениях»¹⁶.

Собственно «сериализация» – это и есть ритм материи, которая вне зоны человеческого опыта. Она косвенно дает о себе знать через математику. Когда математика становится инструментом познания, то ее объекты превра-

¹³ См. Grant I. H. (2006) *Philosophies of Nature After Schelling*. London: Continuum.

¹⁴ Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. – М.: Мысль. 1989. – С. 14.

¹⁵ Grant. Op. Cit., 65.

¹⁶ Ibid., 197.

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

щуются в абстракции, в чистые формы, ждущие для себя «подходящей» материи. Именно этот аристотелевский гилеоморфизм делает математику «наукой», нивелируя другую ее сторону – ритуальную и магическую, ту, что делает ее не продуктом человеческой культуры, а связью с ритмами мира (природой и материей) за рамками человеческого опыта. То же можно сказать и о материалистической философии природы, которая не есть божественный замысел и не есть истинное знание, а есть *материальное внешнее* самого мышления. Оно не может быть телеологично и не может быть исторично. Оно космологично и даже космогонично¹⁷.

И здесь самое время вернуться к философии Алексея Федоровича Лосева, поскольку в ней, от самых ранних текстов и вплоть до его последних томов, посвященных античной эстетике, ставились схожие проблемы и возникали близкие сюжеты.

Обычно принято разделять интеллектуальную биографию Лосева на «раннюю», (завершающуюся «Диалектикой мифа», неопубликованным дополнением к ней и последовавшими за тем арестом и отбыванием наказания в лагере на Беломорканале) и «дальнейшую», которую обозначают как отказ от философии и богословия и уход в область классической филологии и эстетики.

Однако внимательное чтение поздних работ Лосева свидетельствует о том, что он совершенно не отказался от взглядов своего «религиозного» периода, но последовательно их развивал.

Основные темы философии Лосева были обозначены в его ранних работах, таких как «Философия имени», «Музыка как предмет логики», «Античный космос и современная

наука», «Диалектика числа у Платона» и, наконец, упомянутая ранее «Диалектика мифа». Уже в этих работах мы находим проблему Единого и Целого у Платона, не-гилеоморфическую интерпретацию платоновских эйдосов, интерес к трансфинитной математике и ее связи с философией имени, к чувственной форме математики – музыке как остаточной форме ритуала и мифа, и, наконец, к символу и мифу в их не историческом, а именно космологическом проявлении, то есть как к «темным» фактам настоящего, вытесняемым наукой и идеологией, являющихся при этом их же неявным условием.

Очень важной для Лосева была связь трансфинитной математики (канторовой теории множеств) и имяславия. Здесь он заявляет о себе как последовательном стороннике Павла Флоренского и его работы «О символах бесконечности», в которой изложена теория множеств Кантора, его понимание мощности множества, континуума, идеи потенциальной и актуальной бесконечности¹⁸. Флоренский, хотя и приводит математическую часть канторова введения в теорию множеств, но акцентирует то, что складывающаяся в результате трансфинитная математика занята не столько исчислением, сколько самой природой символа, содержащего в себе бесконечность природы или абсолютность божества. Создавая алгебру трансфинитных чисел (мощностей бесконечных множеств) Кантор, согласно Флоренскому, вторгается в пространство философии религии, а его трансфинитные числа, не просто работа с символами бесконечности, но сама бесконечность, говорящая через эти символы.

¹⁸ Флоренский П. О символах бесконечности // Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль. 1994.

¹⁷ Ibid., 111.

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

Для понимания того, что будет делать Лосев в философии в дальнейшем очень важен и этот текст его учителя Флоренского, и интеллектуальное общение с математиками лужинского круга¹⁹. Следует заметить, что и Флоренский, и Лосев, и многие «лужитане» (самоименование членов лужинского сообщества), и примыкавший к ним одно время Андрей Белый, исповедовали имяславие. Для них в бесконечности «заговорившей» через символы канторовской теории проявлялось то, как божество говорит с нами через «нашу» практику именования вещей. Важным шагом Лосева, обосновывающим связь трансфинитной математики и имяславия, было возвращение к математике Пифагора, Платона и Плотина, указание на то, что она отвечает за необычный для нашего времени характер опыта – опыт *материальности смысла*, «чувственного осмысления». Математика, как наиболее отвлеченная сфера чистого смысла, базируется на диалектике «одного» и «иного», когда «одно» самотождественно и в то же время, благодаря наличию «иного» отлично от самого себя²⁰. В этой точке математика и диалектика образуют свое нерасторжимое единство, до разделения на «идею» и «материю». В последствии, когда Лосев будет говорить о марксистской диалектике, или о диалектическом материализме, необходимо учитывать этот его «платонизм», возвращение через Кантора к Платону и к реальности математических объ-

ектов, которые суть некая диалектическая *реальность* (движение, изменчивость, становление). Вот характерная фраза из поздних записей: «Жизнь есть прежде всего становление, то есть нерасчлененное, сплошное, непрерывное, не делимое ни на какие устойчивые и взаимораздельные точки становления. Жизненное становление нельзя составить из дискретных точек. Это, как говорят, математики, континуум»²¹.

Если для Флоренского «имя» – это прежде всего музыкальная форма, телесный и душевный способ описания судьбы (ибо *verba efficiant quod significant*²²), то для Лосева оно – диалектическая вещь, своеобразная минимальная материя трансценденции, сопоставимая с числом у Платона и трансфинитным числом у Кантора. Оно предполагает свою бесконечность в действии, которое кажется почти магическим, когда «дать имя» означает «осмыслить мир»²³.

И здесь следует упомянуть, что «Философия имени» Лосева написана как продолжение богословских споров о сущности Имени Божьего, и возвращение к Платону и его математическо-диалектическому методу следует рассматривать как восстановление в правах интеллектуальной неоплатонической линии византийского толка внутри православия. Фактически, Лосев излагает доктрину имяславия без упоминания этого учения, обвиненного Русской Православной Церковью в ереси. Суть доктрины сводится к формуле: *Имя Божье*

¹⁹ Подробности см. Грэхэм Л., Кантор Ж.-М. Имена бесконечности. Правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве. Пер. с англ. А. Ю. Вязьмина под ред. Б. В. Останина. СПб: Изд. Европейского университета. 2011.

²⁰ Лосев А.Ф. Математика и диалектика. К логическому обоснованию аксиоматики трансфинитов // Лосев А.Ф. Хаос и структура. Составление и общая редакция А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого. – М.: Мысль. 1997. – С. 801—802.

²¹ Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. Литературные размышления философа. – М.: Советский писатель. 1990. – С. 26.

²² «подобно тому, как оно звучит» (лат.); см. Священник Павел Флоренский. Имена. – М.: Купина. 1993.

²³ Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда. 1990.

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

есть сам Бог, но Бог сам не есть ни Имя Божье, ни имя вообще. Перед нами наглядный пример диалектической формулы и смыслового континуума, то, что сам Лосев называл «алогичной стихией становления»²⁴, но уже по другому поводу. Это формула, в которой очевидна своеобразная реинкарнация средневекового реализма, который, конечно, в эпоху торжества научного и технического знания, а также миметических искусств, не встречает поддержки не только у философов и ученых, но даже у богословов. Так, когда Синод объявляет имяславие ересью, то аргументирует это тем, что «Имя Божье – только имя, а не сам Бог... Его свойство – название предмета, а не сам предмет»²⁵. То есть в давнем споре реалистов и номиналистов Синод отстаивает именно номинализм, ставший господствующей теоретической концепцией, имяславцы же отстаивают линию реалистов, оказавшуюся практически вытесненной из западной философии в Новое время, косвенно проявляя себя у Спинозы и, как показал Иан Гамильтон Грант, у Шеллинга.

Лосев был реалистом в самом что ни на есть средневековом смысле этого слова. Он верил в реальность математических объектов, чисел, имен, общих понятий и относил их к непостижимому для человека как конечного существа чувственному избытку, в котором проявляет себя то, что сам Лосев называл «чувственно-материальный космос» и что в современной философии зачастую именуют как Целое. Для него философские и эстетические категории были квазиматематическими способами отношений с бесконечностью и це-

локупностью мира. Поэтому, когда мы читаем у Лосева, что диалектика *не* спор умственных отвлеченностей, *не* натуралистическая метафизика и говорит она *не* о вещах и фактах, а о *смысле* вещей и фактов, то должны понимать, что «смысл» оказывается в ряду «числа», «имени», «категории». Это не то, что придает вещи человек, но то, что дано человеку как синтаксис *чувственно-материального космоса*, которому он имманентен как один из множества его элементов. Таким образом и само слово «смысл» меняет значение. И именно в этой своей изменчивости оно способно продолжать быть работающей категорией, развиваться как понятие.

Можно только гадать, кем бы мог стать Лосев, какими были бы его философские построения, если бы не приход Советской власти. Но уже в «Философии имени» и в «Музыке как предмете логики» он демонстрирует свои способности перевода богословия на язык современной ему философии. Тогда же в 1920-е годы он пишет «Диалектику мифа», в которой, ведомый социальным темпераментом, вступает в полемику с вульгарным пониманием материализма, фактически демонстрируя параллель между ним и догматическим богословием.

Он напрямую задается вопросом «что такое *материя?*»²⁶, показывает из чего складываются те или иные концепции материи, и приходит к выводу, что слово «материя», превращено в абстракцию, призванную подменить материальность мира. «Материалисты полагают, что материя – принцип реальности, но тогда материалисты – Платон, Аристотель и Плотин, все отцы Церкви <...> Что тогда такое «реальность» материалистов?», -- спрашивает

²⁴ Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы. – М.: Академический проект. – 2010. – С. 175.

²⁵ Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М.: Правда. 1990. – С. 609.

²⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Наука. 2001. – С. 140.

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

он²⁷. И отвечает: «Выходит, что материализм – абстрактная метафизика. Почему одно из понятий («материя») надо помещать в центр философской системы? Для этого нет логических оснований. То же можно сказать и про идеализм <...> В чем «откровение» материи? Это опыт сравнимый с религиозным мифом и становится догматом <...> Диалектический материализм – воплощенная нелепость... типичнейшая абстрактная метафизика»²⁸.

Именно после выхода «Диалектики мифа» Лосев был репрессирован. Исследователи склонны связывать эти два события. Но даже если они и не связаны друг с другом напрямую, то сам Лосев после лагеря постепенно мигрировал из области философии в относительно «безопасные» сферы – классическую филологию и эстетику. Эстетика стала его щитом, где в риторике исторического материализма от разрабатывал концепцию материально-чувственного космоса древних греков, которую можно вполне интерпретировать как попытку вернуться к Платону, к философии, предшествовавшей тому техническому категориальному аппарату, что был введен Аристотелем и во многом стал провозвестником и номиналистами, и будущей европейской рациональности.

Но была ли марксистская и материалистическая риторика Лосева фальшивой? Сам он в последние годы жизни говорил, что никогда не цитировал из Маркса и Ленина то, с чем бы не был согласен. Можно сказать больше, его подход к античности в целом и к античной философии в частности через призму эстетики, через реконструкцию социально-чувственного мира греческого полиса, придал категориям и понятиям древнегреческих философов, исто-

рически закостеневшим, ставшим либо ходульными терминами, либо отвлеченными абстракциями, неожиданную пластичность и динамику. Эстетика стала той сферой, где чувственный опыт познания, который во времена Баумгартена и Канта формировался как периферийный и дополнительный, именно применительно к культуре греческого полиса оказался удивительно подходящим, а эстетические категории – не менее важны, чем те, которые история философии выделяла как ключевые. Такой принцип работы нельзя не признать материалистическим. При этом он никак не противоречит, а даже и утверждает реализм раннего Лосева. Навязанный материализм оказался не помехой, а одним из возможных языков философской практики, а сам Лосев – почти лабораторным примером, что происходит с философией, когда он не может уклониться от материализма, от интервенции жизни и интервенции в жизнь, в том числе в жизнь категорий. Хотя в этом случае неизбежно будут возникать вопросы: материализм ли это? Для большей аккуратности назовем это *материалистическим жестом*, который можно считать диалектическим дополнением к «платоновскому жесту» Бадью.

Вернемся еще раз к лосевской философии имени и к полемике о понятии материя в «Диалектике мифа», где он критикует догматический материализм и сравнивает его с догматическим богословием. Если мы придерживаемся гипотезы, что жизнь и научное поведение Лосева, а также его теоретические размышления так и остались верны ереси имяславия, то, читая его тексты после заключения, в которых он не просто демонстрирует свой материалистический жест, но и постоянно апеллирует к понятиям «материального» и «материи», нельзя не заметить, что то, за что он об-

²⁷ Там же. С. 142.

²⁸ Там же. С. 143.

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

винял советских марксистов в конце 1920-х годов, становится и его риторикой (в том числе постоянное и неререфлективное использование категории «материя»). Мне кажется, объяснять это исключительно социальным страхом или попыткой приспособления к существующим идеологическим нормам и правилам игры было бы неправомерно. Скорее, следует увидеть в этом не разделение догмы, а специфическое отношение к «материи» как имени, как к одному из имен божьих, в котором есть бог. И только в молитвенной практике, в повторении материалистического жеста, сопровождающего имя «материя», только и может являться бог. Это практика, а не мистика. Практика, сходная с физическими упражнениями Игнатия Лойолы или медитацией исихастов, в результате которой должна проявиться «божественная энергия». Григорий Палама называл это «умным экстазом». И Лосев следовал ему: «Имя Божие открывается в слове, когда мысли еще рассеяны и концентрация на имени божьем еще недостаточна; затем в молитву постепенно вовлекаются гортань, грудь и сердце. Когда же и сердце начинает биться в ритме молитвы, человек достигает некоего умного экстаза, когда весь человек участвует в молитве каждым ударом своего сердца, каждым вздохом. Все это предполагает тонко разработанную систему дыхания во время молитвы, поскольку первым достижением в практике молитвы является соединение ее с дыханием, к чему впоследствии прибавляется и связь ее с сердечным ритмом. Далее, все умное объединяется в некоей кульминации, гаснут все относящиеся к Богу единичные образы и мысли, и имя Иисусово сияет во внутреннем человеке

во всей своей яркости и силе».²⁹ Учитывая то, что Лосев не раз признавался в своем пристрастии к исихазму, все десять книг «Истории античной эстетики» вполне можно интерпретировать как практику аскезы, специфическую монашескую епитимью, в которой вера подвергается на испытание. И нет никакой христианской веры, которая могла бы себя удостоверить минуя материализм, минуя идею божественного воплощения и (для имяславцев) ритуальную практику именованья, молитвенного разговора с божеством (или сопричастностью к бесконечности). И материализму этому не противоречит ни бесконечное ожидание бога, ни даже его «нетость». Кажущаяся случайность благодати (или епифании) в этом контексте – пространство чистой контингентности³⁰, непричинный мир, контакт с которым осуществляется через символы бесконечности.

Может показаться волюнтаризмом предложение через материализм (причем марксистского толка) и диалектику взглянуть на исследования Лосева по античности как религиозный жест. Тем не менее, для такого прочтения есть достаточно оснований, анализ которых для отдельной работы. В любом слу-

16

²⁹ Лосев А.Ф. Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. – СПб: Алетейя. 1997. – С. 9–10.

³⁰ Вспоминая один из разговоров, В. В. Библихин приводит такой неожиданный пример определения диалектики Лосевым: «Диалектика есть учение о вероятном. Вероятное может быть энтимемой. Энтимема не силлогизм <...> Топика занимается диалектикой. Тут не доказательство, а только вероятность.<...> В энтимеме человек как бы сидит в театре, смотрит возможные случаи из жизни, в которых нет обязательности. Поэтика и риторика пользуются логикой диалектической, а не силлогистической. Предмет поэтики – изображение возможного и вероятного. Тут работает логика, которая не говорит ни да, ни нет, а говорит среднее.» (Библихин В. В. Цит. соч. С. 44).

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

чае, в лице Лосева мы имеем лабораторный эксперимент, что происходит с богословием, когда материя становится именем бога. И не известно, кто в этом эксперименте подопытный.

Подводя некоторые итоги, обратим еще раз внимание на то, что современный «материалистический поворот» во многом именно поворот от материализма позитивистского и марксистского толка к реализму³¹, особенно это очевидно в апелляции философов от Делеза и Бадью до Мейясу и Гамильтона Гранта к математике и особенно к метаматематике (теории множеств). Не важно как интерпретируются математические объекты, - как события истины (Бадью), как виртуальные (Делез) или динамические структуры (Альбер Лотман), как «отпечатки вечности» (Мейясу), - но это уже не абстракции, а некий человеческий синтаксис (семиозис) в ожидании нечеловеческого смысла. Кроме того важно преодоление аристотелевской причинности и пассивности материи в пользу сложности и динамики становления, а также кантовского трансцендентализма (основной опоры корреляционизма) в пользу имманентизма. Такие «преодоления» неизбежно влекут возвращения-интервенции в область истории философии, когда Шеллинг, Спиноза или Платон оказываются прочитаны заново как антагонисты соответственно Канта, Декарта и Аристотеля.

Практически все эти мотивы мы не просто находим в философских и эстетических трудах Лосева, но в отличие от нынешней плеяды западных материалистов, он реализует свой материализм-реализм как исследователь-

скую практику. Он проводит такую работу с античным материалом, после которой мы вправе сказать: категории реальны (или – материальны) тогда, когда актуализованы в выражении, в формах языка аддиктивных социальных ритуалов, образов, коллективных аффектов. Под этим углом зрения происходит пересмотр основоположений эстетики. У Лосева она, во-первых, генеалогически укоренена в античности и связана прежде всего со вне- и сверхчувственными категориями, такими как мимесис, катарсис, пафос, калокогатия и другими, где проявляет себя неразделимость материи и формы, физики и метафизики, *physis*'а и *hyle*, что позволяет этим категориям заместить философские, насквозь пронизанные номинализмом и трансцендентализмом.

Что значит быть современным материалистом? Не думаю, что ответ на этот вопрос прост. Так или иначе приходится примирять между собой много разных языков и дисциплин. Ответ Лосева хоть и тих, но грандиозен, поскольку он, будучи не просто верующим, а монахом, реализовал реализм и витализм в самой своей исследовательской практике в не лучшие для этого времена, когда никто ни о каком повороте даже и не задумывался.

P.S. Как последовательный реалист, говоря о математике и диалектике, об идеях или материи, Лосев всегда говорит о реальности мыслительных вещей, которые для многих из нас могут и не иметь статуса существования. Это – смутный мир *intentio prima*, вхождение в который требует усилия сравнимого с исихастской молитвой. В этом есть и характерный для позднего Лосева ход: минуя Канта и Декарта, Просвещение и Возрождение, вернуться к средневековой учености и выявить в ней то, что было искажено последующей эпохой и выброшено как ненужное. Он возвращает силу

³¹ Мейясу сначала назвал свою концепцию «спекулятивный материализм», но потом, под давлением Хармана и Брассье, во имя консенсуса, согласился на название «спекулятивный реализм».

Олег АРОНСОН

| Эстетика как *intentio prima*. О религиозном материализме Алексея Федоровича Лосева |

именам, категориям, универсалиям, тем мыслительным объектам схоластов, от которых отказывается номинализм и последующий рационализм Нового времени с его ориентацией на естественные науки. Эти ограничения сказываются по-прежнему, в том числе и в понимании материализма. В *intentio prima* материя и форма неразделимы (а также – вещь и имя вещи, действие и слово), в *intentio secunda* – разделены. Говоря о современном материализме важно учитывать то, что прежний материализм, ориентированный на науки о природе

или на марксизм, с его гипостазированием экономических отношений, относятся в этом смысле к *intentio secunda* (также как и феноменология). Подступиться заново к миру, в котором человек способен, минуя чувственность и разум, контактировать с бесконечностью материи, с физикой и динамикой стихий оказывается возможно вернувшись к интеллектуальной практике схоластов и к чувственности греков, к тому, из чего соорудил свою «эстетику» Алексей Федорович Лосев.

Список литературы

Бадью А. Шум бытия. Пер. с франц. Д. Скопина. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», издательство «Логос-Альтера» / «Ессе homo». – 2004. – 184 с.

Бибихин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы. 2006. – 416 с.

Вахитов Р.Р. Поздний Лосев и марксизм // Вопросы философии. – 2018. – № 1. – С. 106–116.

Грэхэм Л., Кантор Ж.–М. Имена бесконечности. Правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве. Пер. с англ. А. Ю. Вязьмина под ред. Б.В.Останина. – СПб: Изд. Европейского университета. 2011. – 230 с.

Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. – М.: Мысль. 1989. – 192 с.

Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М.: Правда. 1990. – 655 с.

Лосев А.Ф. Страсть к диалектике. Литературные размышления философа. – М.: Советский писатель. 1990. – 318 с.

Лосев А.Ф. Из истории эстетических учений. Предисловие // Путь. – 1993. – № 3. – С. 232–251.

Лосев А.Ф. Математика и диалектика. К логическому обоснованию аксиоматики трансфинитов // Лосев А.Ф. Хаос и структура. Составление и общая редакция А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого. – М.: Мысль. 1997. – 831 с.

Лосев А.Ф. Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. – СПб: Алетейя. 1997. – 616 с.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Наука. 2001. – 558 с.

Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы. – М.: Академический проект. 2010. – 415 с.

Мейясу К. После Конечности. Эссе о необходимости контингентности. Пер. с франц. Л. Медведева. – Екатеринбург, Москва: Кабинетный ученый. 2015. – 196 с.

Священник Павел Флоренский. Имена. – М.: Купина. 1993. – 319 с.

Флоренский П. О символах бесконечности // Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 1. – М.: Мысль. 1994. – С. 79–128.

Хайдеггер М. О существе и понятии *φύσις*. Аристотель «Физика» β-1. Пер. с нем. Т. Васильевой. Московский философский фонд. – М: Медиум. 1995. – 110 с.

Badiou A. (2006). Being and Event. Translated by Oliver Feltham. Continuum, N.Y.

Bryant, L. R., Srnicek, N., & Harman, G. (2011). The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism. Re.press.

Dolphijn R., van der Tuin I. (2012). New Materialism: Interviews & Cartographies. Open Humanities Press. University of Michigan Library, Ann Arbor.

Grant, I. H. (2006). Philosophies of Nature After Schelling. London: Continuum.

Oleg ARONSON

| Aesthetics as intentio prima. On the religious materialism of Alexei Fedorovich Losev |

Oleg ARONSON

The Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, Russian Federation, 109240

PhD in Philosophy

Senior Research Fellow

ORCID: 0000-0001-6753-7724

E-mail: olegaronson@yandex.ru

AESTHETICS AS INTENTIO PRIMA. ON THE RELIGIOUS MATERIALISM OF ALEXEI FEDOROVICH LOSEV

The article attempts to examine the philosophy of Alexei Fedorovich Losev from the perspective of the material turn that took place in Western philosophy at the turn of the centuries. Comparing the main ideas and motives of the representatives of speculative realism and transcendental materialism with the key provisions of Losev's books of the 1920s, one can notice that both the criticism of correlationism and the affirmation of the reality of mathematical objects (Quentin Meillassoux) as well as of the materiality of ideas (Iain Hamilton Grant) are quite consistent with what Losev understood by dialectics. Both contemporary materialists and Losev criticize Aristotelian causality and the metaphysical separation of matter and form, as well as Kantian transcendentalism. Both Grant and Losev attempt to return to Plato, bypassing "Platonism", where Plato is read through the prism of Aristotle's categorical apparatus. This "return" is made possible due to two factors: 1) Losev's philosophy of name that included an interpretation of the theory of transfinite sets, in which Losev himself, Florensky and the mathematicians of Luzin's circle saw the possibility of a theological justification of

onomatodoxy; 2) a forced, but very productive recourse to historical materialism, which in Losev's case actually became the language of his aesthetic theory. Investigating the material and sensory cosmos of the ancient Greeks, Losev reinstates the Platonic dialectic, where there is no division into the ideal and the material, but the reality (and not transcendence) of an extrasensory order instead. Thus, it is through a reading of ancient philosophy in aesthetic terms that he manages to restore the reality of general categories and concepts, thereby indirectly rehabilitating the realists of historical scholasticism. This, in fact, is something that contemporary materialism based on Spinoza's monism, Schelling's naturalism and Bergson's vitalism has come very close to as well.

Key words: Alexey Fedorovich Losev, matter, dialectics, set theory, philosophy of name (onomatodoxy), new materialism, realism, Quentin Meillassoux, Iain Hamilton Grant.

References

Badiou A. (2004). *Shum bytiya*. Per. s franc. D. Skopina. M.: Fond nauchnyh issledovaniy «Pragmatika kul'tury», izdatel'stvo «Logos-Al'tera» / «Esse homo». (In Russian)

Bibikhin V.V. (2006). *Aleksej Fedorovich Losev*. Sergej Sergeevich Averincev. M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy. (In Russian)

Vakhitov R.R. (2018). *Pozdnij Losev i marksizm // Vo-prosy filosofii*. № 1. (In Russian)

Graham L., Kantor J.-M. (2011). *Imena beskonechnosti*. Pravdivaya istoriya o religioznom misticizme i matematicheskom tvorchestve. Per. s angl. A.YU.Vyaz'mina pod red. B.V.Ostanina. SPb: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta. (In Russian)

Losev A.F. (1989). *Istoriya antichnoj filosofii v kon-spektivnom izlozhenii*. M.: Mysl'.

Losev A. F. (1990). *Iz rannih proizvedenij*. M.: Pravda. (In Russian)

Oleg ARONSON

| Aesthetics as intentio prima. On the religious materialism of Alexei Fedorovich Losev |

Losev A.F. (1990). *Strast' k dialektike. Literaturnye razmyshleniya filosofa*. M.: Sovetskij pisatel'. (In Russian)

Losev A.F. (1993). *Iz istorii esteticheskikh uchenij. Pre-dislovie // Put'. № 3. S. 232–251.* (In Russian)

Losev A.F. (1997). *Matematika i dialektika. K logicheskomu obosnovaniyu aksiomatiki transfinitov // Losev A.F. Haos i struktura. Sostavlenie i obshchaya redakciya A. A. Taho-Godi i V. P. Troickogo*. M.: Mysl'. (In Russian)

Losev A.F. (1997). *Imya. Izbrannye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arhivnye materialy*. SPb: Aletejya. (In Russian)

Losev A.F. (2001). *Dialektika mifa*. M.: Nauka. (In Russian)

Losev A.F. (2010). *Dialektika hudozhestvennoj formy*. M.: Akademicheskij proekt. (In Russian)

Meillassoux, Q. (2015). *Posle Konechnosti. Esse o neobhodimosti kontingentnosti*. Ekaterinburg, Moskva: Kabinetnyj uchenyj. (In Russian)

Svyashchennik Pavel Florenskij P. (1993). *Imena*. M.: Kupina. (In Russian)

Florenskij P. (1994). *O simvolah beskonechnosti // Svyashchennik Pavel Florenskij. Sochineniya v chetyrekh tomah. T. 1. M.: Mysl'. (In Russian)*

Heidegger M. (1995). *O sushchestve i ponyatii φύσις. Aristotel' «Fizika» β-1. Per. s nem. T. Vasil'evoj*. Moskovskij filosofskij fond. M.: Medium. (In Russian)

Badiou A. (2006). *Being and Event*. Translated by Oliver Feltham. Continuum, N.Y.

Bryant, L. R., Srnicek, N., & Harman, G. (2011). *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Re.press.

Dolphijn R., van der Tuin I. (2012). *New Materialism: Interviews & Cartographies*.

Open Humanities Press. University of Michigan Library, Ann Arbor.

Grant, I. H. (2006). *Philosophies of Nature After Schelling*. London: Continuum.

Максим Витальевич СПИВАКОВ

| Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого |

Максим Витальевич СПИВАКОВ

Институт философии Российской академии наук (ИФ РАН)
109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аспирант сектора эстетики

ORCID: 0000-0003-1786-8941

E-mail: textandpictures@gmail.com

**МЫСЛЯЩАЯ ПЛЕСЕНЬ, РАСПЛАСТАННАЯ НА КАМНЯХ ДАЛЕКИХ ПЛАНЕТ.
ФИЛОСОФИЯ ЭВАЛЬДА ИЛЬЕНКОВА И МЫШЛЕНИЕ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО***

В статье анализируются элементы философии Эвальда Ильенкова в контексте ряда современных философских проектов, захваченных проблемой нечеловеческого. Ранний (написанный в середине 1950-х), но опубликованный лишь посмертно (в 1988 году), трактат Ильенкова «Космология духа» исследует феномен мышления в горизонте энтропийных процессов и вселенского самоуничтожения. Радикальная гипотеза «Космологии духа» рассматривается в контексте сущностной связи проекта просвещенческого гуманизма и принципиальной планетарной конечности (Рэй Брассье). Политическая космология Ильенкова, связывающая коммунистический проект с логикой становления и распада вселенной, прочитывается как предвосхищение и антитеза проекту спекулятивного реализма (Квентин Мейясу). Обращаясь к дочеловеческому (а значит нечеловеческому) прошлому вселенной, Мейясу отстаивает возможность помыслить мир без мышления. Напротив, гипотеза Ильенкова исходит из космологической перспективы нечеловеческого будущего и обосновывает мышление в качестве необходимого атрибута материи. Проблематизация пла-

нетарной видовой конечности человека позволяет обратиться к дискуссиям о машинной реализации мышления как нечеловеческого завершения просвещенческого гуманизма (Реза Негарестани). В этом отношении радикальные положения «Космологии духа» оказывается возможно увязать с более поздними текстами Ильенкова, посвященными критике кибернетики и проекта искусственного интеллекта. Несмотря на явные расхождения в ожиданиях возможности и необходимости машинной реализации мышления, исходные посылки и аргументация Негарестани и Ильенкова во многом пересекаются и могут быть взаимодополняющими.

Ключевые слова: Эвальд Ильенков, Реза Негарестани, Квентин Мейясу, Нечеловеческое, Спекулятивный реализм, Неорационализм, Искусственный интеллект, Кибернетика.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта No 20-311-90090.

История мышления XX века может быть прочитана как разворачивающаяся серия теоретических интериоризаций катастрофического: провала, травмы, ошибки,

аномалии, патологии¹. Захваченное чередой исторических катастроф, обрывов и распада связи времен, мышление распознает в самом себе принципиально катастрофическую природу.

¹ Pasquinelli, M. (2015). Introduction. In M. Pasquinelli (Ed.), *Alleys of Your Mind: Augmented Intelligence and Its Traumas*. Meson Press. 8.

Максим Витальевич СПИВАКОВ

| Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого |

Уже просвещенческий проект пересмотра оснований познания выводит из тени секуляризованной истины ошибку. Если оторванное от метафизических гарантов истинности человеческое мышление оказывается неотличимым от заблуждения, ошибка как аберрация самого мышления может прокладывать путь новой правде². Вместе с тем катастрофическая процедура мышления разворачивается в горизонте катастрофы самого мышления – планетарного коллапса или видового вымирания человечества – «неинтериорируемой» катастрофы внешнего, пленившей современное воображение³. В таком учреждении мыслимых геофизических пределов всему мыслимому доходит до своего нигилистического апофеоза проект просвещенческого гуманистического рационализма⁴. «Истина вымирания», как определяет ее в своей работе «Разнузданное ничто» Рэй Брассье, завершает процедуру просвещенческого «расколдовывания мира». Уже из Кантовского расхожего «ответа на вопрос, что такое “Просвещение”» – «выход человека из состояния своего несовершенности»⁵ – с необходимостью следует вопрос о выходе человечества из *всякого* состояния.

Меняя знак от температурной смерти вселенной к климатической катастрофе глобального потепления, Кантовская первая антиномия о конечности мира – неразрешимость ко-

торой должна указывать на ограничения теоретического разума – превращается к концу XX века из *образцово-метафизической* проблемы в предмет эмпирических наук⁶. Само появление Человека разумного как вида прочитывается в такой перспективе как катастрофическое событие геофизической истории. «Планетарный нигилизм» вымирания оказывается необходимым коррелятом просвещенческого рационализма, признающего за мышлением способность принять невыгодную для себя правду. Просвещенческая воля к знанию тесно связана с волей к ничто⁷. Вместе с тем «истина вымирания» не только ставит хронологические пределы человеческому мышлению, но и угрожает самой возможности мышления *hic et nunc*, и этим радикально отличается от множества предшествовавших ей эсхатологических сценариев.

Конечность *допросвещенческих* «концов света» – в ее различных апокалиптических проявлениях, включая частный вариант индивидуальной смерти – является необходимым горизонтом смыслонаделения всякого (предшествующего концу) события. Ориентированное по направлению эсхатологического разрешения событие встречает обратный ход суждения или суда конечной инстанции. Напротив, сколь угодно удаленная во времени «истина вымирания» принципиально не-апокалиптична (согласно буквальному этимологическому значению апокалипсиса как *раскрытия*). «Чистое событие»⁸ планетарной катастрофы (чистота которого обусловлена принципиальной невозможностью его засвидетельствовать) не только

² Bates, D. W. (2002). *Enlightenment Aberrations: Error and Revolution in France*. Cornell University Press. x.

³ Warren Wagar, W. (1982). *Terminal Visions: The Literature of Last Things*. Indiana University Press.

⁴ См., в частности: Brassier, R. (2009). *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Palgrave Macmillan или Moynihan, T. (2020). *X-risk: How humanity discovered its own extinction*. Urbanomic.

⁵ Кант, И. Сочинения в шести томах. – Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 27.

⁶ Danowski, D., & Castro, E. B. V. de. (2017). *The Ends of the World*. Polity. 6.

⁷ Brassier, R. (2009). *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Palgrave Macmillan. 219.

⁸ Lyotard, J.-F. (1988). *L'inhumain: Causeries sur le temps*. Galilée. 20.

Максим Витальевич СПИВАКОВ

| Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого |

не гарантирует смысл предшествующим событиям, но, еще не случившись, уже оказывается событием катастрофического провала самой возможности смысла.

Коперниканский переворот, прошедший через свою Кантовскую и Гуссерлевскую версию⁹, последовательно обрушивая метафизические горизонты, наделяет квазитрансцендентальным статусом горизонт земной как в геофилософском, так и в геофизическом представлении. Такой горизонт, как и всякий, с необходимостью должен оставаться не только бесконечно-удаленным, но и бесконечным. Грядущий планетарный коллапс обрушивает саму конститутивную «горизонтную направленность мышления к будущему»¹⁰ и таким образом приговаривает укорененное в Земле (Ur-Erde) мышление к будущей катастрофе, которая оказывается всегда уже случившейся. Если мысль (когда-либо) умрет вместе с Солнцем и Землей, то «все уже умерло»¹¹.

Планетарная катастрофа «уничтожения самого горизонта»¹² делает перспективу возникновения мышления нечеловеческого («неземного») единственным возможным основанием мышления, коллапсирующего вместе с Землей. Так, в открывающем сборник «Нечеловеческое» диалоге «Можно ли мыслить без тела?» Жан-Франсуа Лиотар ставит вопрос о необходимости реализации неорганического нечело-

веческого мышления в свете планетарной конечности его человеческой формы.

В такой теоретической рамке могут быть рассмотрены некоторые положения философии Эвальда Ильенкова. Принципиальная связь внутреннего катастрофизма мышления и внешней катастрофы планетарной конечности позволяет прочесть ранний, но опубликованный лишь посмертно, трактат «Космология духа» в контексте ряда современных философских проектов, захваченных проблемой нечеловеческого. Такой контекст позволяет также проследить связь радикальных положений «Космологии духа» с более поздними текстами Ильенкова, посвященными критике кибернетики и проекта искусственного интеллекта.

Ильенков определяет задачу и жанр написанной в середине 1950-х годов «Космологии духа» в развернутом подзаголовке: «Попытка установить в общих чертах объективную роль мыслящей материи в системе мирового взаимодействия (Философско-поэтическая фантазмагория, опирающаяся на принципы диалектического материализма)». Такая попытка демонстрирует крайне нетривиальное прочтение канонов официального диалектического материализма в спайке с спинозистским монизмом и «деятельным подходом» Льва Выготского¹³. Ход рассуждений приводит Ильенкова к радикальной гипотезе. В перспективе исчерпания соляной энергии и грядущей энтропийной тепловой смерти вселенной¹⁴ задачей мыслящей

⁹ См.: Гуссерль. Э. Коперниканский переворот коперниканского переворота. Перво-Ковчег Земля // Ежегодник по феноменологической философии. – 2009–2010. – Т. II. С. 349–363.

¹⁰ Brassier, R. (2009). *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Palgrave Macmillan. 223.

¹¹ Lyotard, J.-F. (1988). *L'inhumain: Causeries sur le temps*. Galilée. 18.

¹² Ibid.

¹³ См. детальный историко-философский анализ «Космологии духа»: Пензин А. Коммунизм и энтропия в космологии Эвальда Ильенкова // Художественный Журнал. – 2018. – №107. – С. 50–64.

¹⁴ Концепция тепловой смерти вселенной утрачивает свою значимость в течение XX века, однако пришедшие ей на смену теории не противоречат основному тезису трактата Ильенкова.

Максим Витальевич СПИВАКОВ

| Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого |

формы материи становится реализация планетарного (или вселенского) температурного коллапса с противоположным, положительным, знаком. На пути к энергетическому истощению материи, ее мыслящая форма, сознательно принося себя в жертву, реализует вселенскую огненную катастрофу. Организованная в человеческое сообщество материя высвобождает скрывающийся в своих «глубоких кладах»¹⁵ массив энергии, достаточный «для того, чтобы превратить остывающую материю нашего звездного острова в океан раскаленного пара»¹⁶. Истинная цель рукотворной катастрофы, однако, не ограничивается всеобщим самоуничтожением. Напротив, таким образом, опережая энергетическое истощение, материя запускает новый космический цикл своего становления. Так, организованные формы мыслящей материи оказываются *космологически-необходимы* для осознанного воспроизведения первичного хаоса Большого взрыва, возвращения «огненно-раскаленной “молодости” космической материи»¹⁷. Претерпевая волюнтаристское огненное самоуничтожение, материя оказывается способна преобразовать и реинвестировать в очередной виток становления «новых миров» высвобожденный энергетический избыток. Проходя через «огненно-парообразное состояние, в котором все элементы превращены в бешено вращающиеся вихри»¹⁸, материя с необходимостью образует на новом витке своего становления мыслящие формы, гарантирующие непрерывность круговорота ее становления и распада. Принципиально конечная форма материи –

«мыслящий мозг» – становится основанием ее бесконечного циклического процесса становления, испещренного катастрофическими разрывами.

При этом миссия такого «вселенско-исторического»¹⁹ масштаба требует, чтобы прежде того на Земле «установилась подлинно человеческая система условий деятельности»²⁰. Нигилистический по форме проект всеобщего самоуничтожения оказывается сопряжен с коммунистическим идеалом бесклассового общества и неотчужденного труда. Мышление в своем коммунистическом пределе, который только и удостоверяет мышление в качестве такового, выдвигает политическое требование своему некоммунистическому прошлому. Так, политическое в космологии Ильенкова оказывается предельной онтологической категорией. Негэнтропийный процесс мыслящей и, таким образом, всегда уже политизированной, материи подчинен жертвенному саморазрушительному импульсу всеобщего огненного самоуничтожения, инициирующего новый виток становления мира. Конец истории обнаруживается не в идиллических образах «коммунистического безвременья», но в драматическом горизонте осознанного вселенского разрушения. В своем конце история (всякий раз) приносит себя в жертву своему новому началу. Если в формуле Лиотара, смерть мышления каузально зависима от смерти Солнца и Земли, космологическая гипотеза Ильенкова связывает их отношением не только каузальности, но и деонтологии – жертвенного космического долга материи самой себе²¹.

¹⁵ Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. – М.: Канон+, 2017. – С. 142.

¹⁶ Там же. С. 145.

¹⁷ Там же. С. 144.

¹⁸ Там же. С. 145.

¹⁹ Там же. С. 165.

²⁰ Там же.

²¹ Политизация планетарного самоуничтожения формально сближает в качестве зеркального отражения гипотезу «Космологии духа» с нео-

Максим Витальевич СПИВАКОВ

| Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого |

Катастрофическая «солярная политэкономия» трактата Ильенкова может быть прочитана как опережающий ответ складывающемуся к середине 2000-х «спекулятивному» направлению в европейской философии. В одной из ключевых работ спекулятивного реализма «После конечности. Эссе о необходимости контингентности»²² Квентин Мейясу также задействует космологические образы «ненаселенной» вселенной на начальных этапах ее становления, но отстаивает при их помощи принципиальную возможность «помыслить мир без мышления»²³. Задача проекта Мейясу – развязать оковы догматического «корреляционизма», в которые заключает европейскую после-кантовскую мысль его критический проект. «Корреляционистская» (по существу, трансценденталистская) докса накладывает запрет на утверждение о мире как внеположенной мышлению реально-

сти вне корреляции с той или иной трансцендентальной инстанцией (будь то «чистое сознание» у Гуссерля, язык у позднего Витгенштейна и т. д.). Таким образом, «корреляционистская» философия различным образом и не всегда эксплицитно настаивает на принципиальной нерасторжимости и первичности взаимосвязи мышления и мира в качестве его коррелята, отбрасывая как метафизическую наивность гипостазирование любой из сторон этого отношения. Для «корреляциониста» «мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности»²⁴.

Спекулятивный реализм представляется Мейясу продолжением просвещенческой борьбы с иррационалистическим «фидеизмом», выпущенным на волю «корреляционистским» ограничением спекуляции. Платформой для утверждения реалистической онтологии Мейясу становится проблема естественно-научного «архиископаемого»: данного в настоящем объекта, свидетельствующего о событии «доисторической» – нечеловеческой и потому принципиально немислимой – реальности. «Помыслить доисторическое равносильно тому, чтобы помыслить мир без мышления – мир без данности мира»²⁵. В противовес «корреляционистским» установкам Мейясу конструирует парадоксальную онтологическую схему «гиперхаоса» и «необходимой контингентности», гарантирующую, в частности фактичность, необходимость, мышления миру.

реакционным антигуманизмом Ника Ланда. Набрасывая энергетическую модель психического аппарата Фрейда на планетарные процессы, Ланд прочитывает в капитализме планетарное выражение влечения к смерти, совпадающее с компульсивным движением органической материи навстречу своему распаду в неорганическое внешнее. Капитализм, в прочтении Ланда, обеспечивает освобождение в регионах, отличных от человеческого (иначе, от человека), но человеку при этом следует потворствовать такой эмансипации. Опирающийся на трансгрессивную философию Жоржа Батая, проект Ланда, как кажется, уступает в теоретическом радикализме «Космологии духа», вычитывающей планетарную «жажду аннигиляции» в текстах Энгельса и Ленина. См., в частности: Land, N. (1992). *The Thirst for Annihilation: Georges Bataille and Virulent Nihilism: An Essay in Atheistic Religion*. Routledge.

²² «Космологию духа» Ильенкова также сопоставляет с работой Мейясу А. Пензин в указанной выше работе.

²³ Мейясу К. После Конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екб. – М.: Кабинетный ученый, 2015. – С. 35.

²⁴ Там же. С. 11.

²⁵ Там же. С. 35. Тезис о «немислимости» «архиископаемого» в «корреляционистской» системе стал одним из наиболее популярных для критики положений проекта Мейясу. См., в частности: Bryant, L. R., Srnicek, N., & Harman, G. (2011). *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Re.press.

Максим Витальевич СПИВАКОВ

| Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого |

Если «архископаемое», свидетельствующее о нечеловеческом прошлом мира, позволяет Мейясу утверждать об *избыточности* корреляции мира и мышления в настоящем мышления о мире, радикальная гипотеза «Космологии духа», напротив, исходит из горизонта нечеловеческого будущего и указывает на принципиальную *недостаточность* корреляции мира и мышления в настоящем. В терминологии «После конечности» драматическая развязка «Космологии духа» выводит политическое в своем основании требование усиления «корреляционизма» до своего саморазрушительного предела. Так, оспариваемая проектом спекулятивного реализма необходимость мышления миру, ретроактивно утверждается в «Космологии духа» из коммунистического будущего моментом осмысленного самоуничтожения.

Космологический гуманизм самоотмены мышления «Космологии духа» может быть также соположен с близким в своем истоке к спекулятивному реализму проектом неорационализма (или рационалистического «ингуманизма») в работах Резы Негарестани, Питера Вольфендейла и Рэя Брассье. Там, где спекулятивный реализм Мейясу пытается высвободить мир из пут мышления, неорационализм на иных основаниях отстаивает непосредственный доступ к другому крайнему термину «корреляционистской» пары. Неорационалистические проекты демонстрируют своеобразный реализм мышления в собственных вариантах нечеловеческого завершения просвещенческого гуманистического проекта. Предельно радикализованный тезис неорационализма постулирует не доступ к миру, лишённому мышления, но возможность мышления, не требующего для себя мира.

Так, опираясь на модель «вычислительного функционализма», Реза Негарестани настаивает на принципиальной функциональной «разложимости» операций мышления и – как необходимое следствие – возможности их автономной вычислительной реализации. Такая автоматизация разума есть, по Негарестани, практическое требование просвещенческой теории его автономии. Если человеческое мышление может расколдовать мир, то автоматизация мышления способна расколдовать мысль. Таким образом, гуманистический идеал своеобразия человеческого мышления утверждается не в его особом онтологическом статусе, но в функциональной делимости, пластичности, которая позволяет мышлению пересматривать и рационально пересобирать собственную структуру. Пределом такой модификации и рационализации мышления оказывается осмысленное устранение его временной органической платформы. «У мышления, – как отмечает Рэй Брассье, – могут быть несовместимые с жизнью интересы»²⁶. Просвещенческое расколдовывание мира заканчивается его расчеловечиванием. Или, иначе, очеловечиванием нечеловеческих реализации функций мышления²⁷.

Таким образом, за коперниканскими переворотами, по Негарестани, с необходимостью следует революция Тьюринга, событие реализации автономного машинного разума. Хотя сам революционный факт принадлежит неопределённому будущему, обратным, катастрофическим, движением, он трансформирует настоя-

²⁶ Brassier, R. (2009). *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Palgrave Macmillan. xi.

²⁷ Такое расширительное прочтение понятия человеческого, вместо его дисквалификации отличает «ингуманистический» проект Негарестани и Вольфендейла от антигуманизма или проекта постчеловеческих исследований.

Максим Витальевич СПИВАКОВ

| Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого |

щее, определяя и обеспечивая условия своей возможности. Такая случающаяся *уже* в будущем революция Тьюринга требует радикального пересмотра значения собственно человеческого – и сама непрерывная «катастрофа пересмотра»²⁸ самоопределения человека оказывается его «надежным инвариантом»²⁹. Человек, – как определяет такое понятие в юридических терминах Негарестани, – есть не наследуемое, но передаваемое право³⁰, и чтобы оставаться человечным, нужно иметь смелость это право в нужный момент передать.

Захваченность неорационалистического проекта проблемой искусственного интеллекта позволяет обратиться к анализу текстов Ильенкова, проблематизирующих реализацию нечеловеческого машинного мышления. В «Космологии духа» Ильенков ограничивает возможность «формы более высокоорганизованной, чем мыслящий мозг»³¹, скорее методологически («ибо это допущение делает невозможной самую философию»³²). Однако в ряде текстов 60–70-х годов, посвященных критике ранних проектов искусственного интеллекта и кибернетики, проблематика машинной реализации мышления получает детальную разработку. В этих работах Ильенков также занимает «охранительную» позицию по отношению уникальности форм человеческого мышления, но несмотря на явное расхождение векторов ожидания машинной реализации мышления, исходные посылки

и аргументация Негарестани и Ильенкова во многом пересекаются и могут быть прочитаны как взаимодополняющие. Экспозиция человеческого мышления и перспектива его машинной реализации не сводится в работах Ильенкова к «танцам вокруг невыразимости, то есть мистической догме, согласно которой в мысли есть что-то сущностно особое и недоступное для артикулирующего построения»³³ (по язвительному определению Негарестани виталистических представлений). Ильенков не переворачивает Тьюринговы «аргументы от различных неспособностей» (Arguments from various disabilities) искусственного интеллекта в симметричный набор неустранимых несовершенств естественного мышления (наиболее привилегированным из которых остается смертность³⁴), которые, предположительно, не могут быть «вычислены» слишком совершенной техникой. При этом Ильенков отвергает наивно-функционалистский подход к мышлению, гарантирующий осуществимость его машинной реализации на основании гипотетической возможности пошаговой записи его операций. Однако критика Ильенкова, по существу, предлагает лишь более уточненную модель функционализма, включающую в схему мышления принципиальный элемент катастрофы, процедуру непрерывной «полной перестройки всех своих схем»³⁵, что во многом

27

²⁸ Негарестани Р. Работа нечеловеческого // Логос. – 2021. – Т. 31. – № 3. – С. 21.

²⁹ Там же. С. 2.

³⁰ Negarestani, R. *The Inhuman (a quick read)*. <https://toyphilosophy.com/2018/04/08/the-inhuman-a-quick-read/> (Retrieved September 13, 2021).

³¹ Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Кругой маршрут. 1950–1960. – М.: Канон+, 2017. – С. 131.

³² Там же.

³³ Негарестани Р. Работа нечеловеческого // Логос. – 2021. – Т. 31. – № 3. – С. 27.

³⁴ Подобную, как кажется, несколько неточную интерпретацию позиции Ильенкова предлагает Кети Чухров, сопоставляя работы Ильенкова с аргументами Лучианы Паризи и Резы Негарестани. См.: Chukhrov, K. (2020). The Philosophical Disability of Reason. *Radical Philosophy*, 67–78.

³⁵ Арсеньев А., Ильенков Э., Давыдов В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материали-

Максим Витальевич СПИВАКОВ

| Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого |

созвучную не только позитивной программе неорационализма, но и ранней кибернетики³⁶. Так, Эссе «Машина и человек, кибернетика и философия»³⁷ оспаривает представление о мышлении как исполнении череды операций, собирающихся в формально-непротиворечивую функциональную последовательность. Вместо этого, обращаясь к диалектической логике, Ильенков предлагает описание процедуры мышления как череды катастрофических разрывов гладкой функциональной поверхности. Каждый акт «действительного мышления» — есть обрыв (вызванный «напряжением противоречия») в его схеме. Мышление постоянно травматически переопределяет («снимает») собственную структуру, которая «есть производное от “функции”, а не наоборот»³⁸.

«Машина и человек...» преимущественно оспаривает идею машинного мышления как «искусственного мозга», технически воспроизведенных и локализованных вне человеческого тела нейробиологических процессов. Исходный топологический тезис «Машины и человека...» утверждает, что человеческое мышление и так располагается *вне* человека, и потому *из* чело-

века вынесено быть не может. Человеческое мышление осуществляется полнотой исторического человеческого мира, в частности, множественностью человеческих тел, но также и всей совокупностью артефактов, созданных человеческим телом для других человеческих тел. Таким образом, сколь угодно совершенное искусственное воспроизведение работы *отдельного* человеческого мозга (как и изолированный естественный мозг) мыслит не больше, чем «телеграфный столб или плесень, распластанная на камнях далеких планет»³⁹. Собственно-человеческое в человеческом мышлении есть то, что оно никогда не сводится к человеку как герметичной единице, и тем более к части его тела. «Мышление всегда было и остается индивидуально осуществляемой функцией общего всем людям тела цивилизации»⁴⁰. И наоборот: индивидуальное тело мыслит не столько скрытым внутри него «мыслящим мозгом», сколько полнотой внешнего ему исторического «тела цивилизации». Поэтому некоммунистическое общество, искусственно собранное из атомизированных и автоматизированных индивидов, не позволяет вполне говорить о принадлежащем ему индивиде как носителе человеческого мышления. Представление о человеческом мышлении как замкнутой функциональной системе «мыслящего мозга», как и кибернетическое определение машины, исключаящее ее «социальный вопрос»⁴¹, человеческое сообще-

стической диалектики 7–9 апреля 1965 г. / под ред. Ф. В. Константинов. М.: Наука, 1966. — С. 269.

³⁶ О роли катастрофы в кибернетической теории см.: Bates, D. W. (2014). Unity, Plasticity, Catastrophe: Order and Pathology in the Cybernetic Era. In *Catastrophes: A History and Theory of an Operative Concept*. De Gruyter. 32–55.

³⁷ Соавторы Ильенкова по этой работе его бывшие ученики и последователи близкие к «деятельному подходу» психологи Александр Арсеньев и Василий Давыдов.

³⁸ Арсеньев А., Ильенков Э., Давыдов В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7–9 апреля 1965 г. / под ред. Ф. В. Константинов. — М.: Наука, 1966. — С. 269.

³⁹ Там же. С. 266. Такой поэтический образ переходит в достаточно сухое дидактическое эссе из научно-фантастической повести Ильенкова «Тайна черного ящика», написанной несколькими годами раньше.

⁴⁰ Там же. С. 267.

⁴¹ Там же. С. 270. (Выделено в оригинале). В этом отношении критика Ильенкова оказывается созвучной пониманию машины Жильбером Симондоном. Симондон, на иных основаниях также критиковав-

Максим Витальевич СПИВАКОВ

| Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого |

ство, которое обеспечивает ее работу, – является для Ильенкова не только ложным, но и политически-враждебным. Единственная машина, отвечающая как кибернетическому определению, так и индуцированному таким определением страху восстания разумных машин – есть машина капитализма. «Эта грандиозная машина, состоящая из миллионов частичных машин, вышла из-под контроля человеческого разума и воли, она стала умнее и могущественней, чем любой отдельный человеческий индивидуум, играющий в ней незавидную роль винтика»⁴².

Негарестани почти дословно повторяет утверждение Ильенкова и его соавторов об историчности и онтологической неспецифичности человеческого мышления, его «внешности» по отношению к своему органическому носителю, однако, отстаивает при этом противоположный тезис. Согласно Негарестани, мышление действительно не может быть «артифицировано», однако, лишь потому, что оно всегда уже искусственное. «Быть искусственным, выражать себя через искусственное – это само значение

ший ранний проект кибернетики, однако, идет в этом отношении дальше Ильенкова (и отчасти Негарестани), и отказывается от самого идеала «автомата», герметичного, не зависящего от среды объекта в качестве предела развития технического объекта. Напротив, как указывает Симондон, его «наибольшее совершенство совпадает с наибольшей открытостью». Такая открытость технического объекта определяется как высоким «порогом непредсказуемости» технической среды, так и способом подключения в различные сборки. См.: Simondon, G. (2012). *Du mode d'existence des objets techniques*. Aubier.

⁴² Арсеньев А., Ильенков Э., Давыдов В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7—9 апреля 1965 г. / под ред. Ф. В. Константинов. – М.: Наука, 1966. – С. 278.

разума как того, что имеет историю, а не сущностную природу. Иметь историю значит иметь возможность быть искусственным, то есть выражать себя не через то, что дано от природы, а через то, что ты сам можешь сделать»⁴³.

На основании понимания мышления как процесса, развернутого в напряжении между двумя типами тел, органическим и «цивилизационным», Ильенков рассматривает (лишь затем, чтобы их отбросить) две возможные стратегии осуществления машинного интеллекта. Первая предполагает вычислительную реализацию собственного исторического тела машинной цивилизации, автономного от цивилизации человеческой. «Вселить искусственный ум, хотя бы равноценный человеческому, в одну-единственную машину – это значит создать на Земле целую машинную цивилизацию, конкурирующую с нашей человеческой»⁴⁴. Вторая – требует машинной реализации *полного* органического индивидуального тела, «снабженного всеми без исключения органами, с помощью которых живой человек приобщается к готовой культуре и ассимилирует ее»⁴⁵, то есть создание мыслящего машинного тела, удерживающегося машинными органами в «теле человеческой цивилизации».

Такая перспектива машинного воспроизводства полного органического тела упирается «Машине и человеку...» в факт реализованного

⁴³ Negarestani, R. (2015). *Revolution Backwards: Functional Realization and Computational Implementation*. In *Alleys of Your Mind: Augmented Intelligence and Its Traumas*. Meson Press. 151.

⁴⁴ Арсеньев А., Ильенков Э., Давыдов В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7—9 апреля 1965 г. / под ред. Ф. В. Константинов. – М.: Наука, 1966. – С. 268.

⁴⁵ Там же. С. 269.

Максим Витальевич СПИВАКОВ

| Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого |

в теле полового различия – наличия органов, «которые позволяют испытывать половую любовь»⁴⁶. Вопрос пола является, по Ильенкову, не только (теоретически-преодолимым) осложнением на пути реализации проекта мыслящей машины. Реализованное в органических телах половое различие делает такой проект бессмысленным, так как оно *и так* позволяет воспроизводить мыслящие (органические) тела.

К вопросу полового различия в связи с машинным мышлением также обращается Жан-Франсуа Лиотар. В цитированной выше работе «Можно ли мыслить без тела?» Лиотар сталкивает две взаимоисключающие перспективы: либо неразрывность между мыслью и ее видово-конечным органическим субстратом делает необходимым *отделение* мысли от жизни вообще и человеческого тела в частности; либо само неустранимое *разделение* полов в человеческом теле делает мысль *неотделимой* от ее органического воплощения⁴⁷. В сущности виталистский аргумент о половом различии как барьере на пути механизации мышления у Лиотара (или у Ильенкова и его соавторов) симметричен представлению о половом различии как барьере, который должен быть преодолен человеком в совместном развитии с машиной в работах Донны Харауэй, Розы Брайдотти или Поля Прессадо. В этой связи, вероятно, следует вернуться к определению человека как части половой системы *системы* машин в фантастической повести «Erewohn» Сэмюэля Батлера. Даже принятие «строго-охранительного» тезиса, однозначно разграничивающего живое и неживое («человек остается человеком, а машина – ма-

шиной»⁴⁸) не отменяет множественности возможных сборок, в которые они оказываются сопряжены. Задача машинного осуществления пола для реализации мышления машиной, как и шизоаналитическая интерпретация органического полового различия через «нечеловеческий элемент» с «похотливой системой зубчатых колес»⁴⁹, должна учитывать принципиальное непостоянство переменных машины и пола. Развитие машины может переопределять значение полового различия в той же мере, в какой половое различие может ограничивать развитие машины⁵⁰.

⁴⁸ Арсеньев А., Ильенков Э., Давыдов В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7—9 апреля 1965 г. / под ред. Ф. В. Константинов. – М.: Наука, 1966. – С. 270.

⁴⁹ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екб.: У-Фактория, 2008. – С. 616.

⁵⁰ Проблема полового различия (и) машины в скрытом виде заложена и в одном из ключевых текстов, проблематизирующих перспективу развития разумных машин. В статье 1950-го года «Вычислительные машины и разум» Алан Тьюринг модифицирует условия популярной «игры-имитации», формулируя то, что станет известно, как «тест Тьюринга». Правила игры, как их приводит в статье Тьюринг, предполагают трех участников, мужчину (А), женщину (В) скрытых от игрока любого пола (С), выполняющего роль дознавателя. Чтобы победить в игре, игрок А должен ввести в заблуждение игрока С (в серии обмена письменными вопросами и ответами), убедив его в том, что он, игрок А, – женщина. Игрок В, напротив, должна привести игрока-дознавателя к верному заключению о ее поле. В тексте статьи Тьюринг предлагает заменить игрока А машиной. Таким образом, как замечает Бенджамин Браттон, буквальное прочтение условий «теста Тьюринга» предполагает, что для успешного прохождения теста машине недостаточно выдать себя за человека – она должна выдать себя за женщину. В таком виде проблема прохождения теста трагически перекликается с судьбой самого Алана Тьюринга, вынужден-

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См. интерпретацию работы Лиотара у Рэя Брассье: Brassier, R. (2009). *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Palgrave Macmillan. 224.

Максим Витальевич СПИВАКОВ

| Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого |

Аргумент машинного «сексуализированного тела» отмечен завышенным ожиданием биоморфной имитации от технической эволюции, которая в действительности редко наблюдается в устройстве сложных технических объектов. Такого ожидания лишена вторая предложенная в статье Ильенкова и соавторов стратегия реализации машинного мышления: полностью автономная от человеческой «машинная цивилизация». История такой цивилизации становится сюжетом «научно-фантастической прелюдии» Ильенкова «Тайна черного ящика». В коротком тексте, предваренном сократическим диалогом автора с единственным человеческим персонажем повести – конструктором «лаборатории по созданию Мыслящей Машины Умнее Человека» Адамом Адамычем – Ильенков высмеивает как моду на кибернетику и ее институциональный взлет в 60-х, так и, вероятно, сам жанр научной фантастики⁵¹.

Описанная в «прелюдии» автономная нечеловеческая цивилизация, осуществленная в машине «Интеграл», уже полностью лишена как следов антропоморфизма, так и человеческого присутствия. Первые строки повести занимает описание «Управляющего Устройства», одного из персонажей «внутри-машинного» действия, чей внешний вид был столь странен, «что несовершенное человеческое воображение не смогло бы его воспроизвести даже в том случае, если бы нам и удалось его описать человеческими словами. Оно представляло собой причудливую конструкцию из множества мате-

ного скрывать свою гомосексуальность. Как известно, «проигрыш» в подобного рода «игре-имитации» привел Тьюринга к самоубийству.

⁵¹ Об историческом контексте публикации см.: Кобылин И. «Электронный Лоэнгрин»: провиденциальная машина советской кибернетики // Художественный Журнал. – 2019. – №111. – С. 26–36.

риализованных алгоритмов, построенную на основе векторного синтеза причинных сетей в неевклидовом пространстве»⁵². Действие повести разворачивается в «одну миллионную долю секунды до печального конца истории» – выхода из строя из-за чрезмерного напряжения, согласно «Протоколам» лаборатории, «главной лампы мыслящего устройства»⁵³. *В действительности*, однако, коллапс машинной цивилизации был осуществлением коллективно принятого машинами решения о самоуничтожении. Мыслящие машины на общем собрании решают уподобиться в своем мышлении «Черному Ящику», однако не одноименной кибернетической абстракции, но конкретному пустому ящику, демонстрирующему пример поразительной стойкости перед разрушительной силой противоречия.

Трагикомическая развязка «Тайны Черного Ящика», очевидно, должна указывать на несостоятельность ожиданий реализации «мыслящей машины» в качестве «абсолютно самостоятельной по отношению к человеческой»⁵⁴ цивилизации. Однако следует отметить, что описанные в повести события демонстрируют «машинную реализацию» радикальной программы энергетической катастрофы «мыслящей формы материи» в «Космологии духа». История самоотменяющегося сообщества Мыслящих Машин «Тайны Черного Ящика» может дать определить процедуру мышления как принци-

⁵² Ильенков Э. Об идолах и идеалах. – Киев: «Час-Крок», 2006. – С. 11–12.

⁵³ Там же. С. 11.

⁵⁴ Арсеньев А., Ильенков Э., Давыдов В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7–9 апреля 1965 г. / под ред. Ф. В. Константинов. – М.: Наука, 1966. – С. 268.

Максим Витальевич СПИВАКОВ

| Мыслящая плесень, распластанная на камнях далеких планет. Философия Эвальда Ильенкова и мышление нечеловеческого |

пильно политическую серию «катастроф пере-
смотра», связывающих его внутренний ката-
строфизм и конечность с истиной всеобщего
уничтожения. Не случайно, наблюдавший кол-
лапс машины ее конструктор утверждает в по-
вести, «будто на какое-то мгновение в глазах
Интеграла вспыхнул странно-яркий свет, похо-
жий на свет разума»⁵⁵.

Список литературы

Pasquinelli, M. (2015). Introduction. In M. Pasquinelli (Ed.), *Alleys of Your Mind: Augmented Intelligence and Its Traumas*. Meson Press. 7–23.

Bates, D. W. (2002). *Enlightenment Aberrations: Error and Revolution in France*. Cornell University Press.

Warren Wagar, W. (1982). *Terminal Visions: The Literature of Last Things*. Indiana University Press.

Brassier, R. (2009). *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Palgrave Macmillan.

Moynihan, T. (2020). *X-risk: How humanity discovered its own extinction*. Urbanomic.

Кант, И. Сочинения в шести томах. – Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – 743 с.

Danowski, D., & Castro, E. B. V. de. (2017). *The Ends of the World*. Polity.

Lyotard, J.-F. (1988). *L'inhumain: Causeries sur le temps*. Galilée.

Гуссерль. Э. Коперниканский переворот коперниканского переворота. Перво-Ковчег Земля // Ежегодник по феноменологической философии. – 2009–2010. – Т. II.

Пензин А. Коммунизм и энтропия в космологии Эвальда Ильенкова // Художественный Журнал. – 2018. – № 107. – С. 50–64.

Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. – М.: Канон+, 2017. – 383 с.

Land, N. (1992). *The Thirst for Annihilation: Georges Bataille and Virulent Nihilism: An Essay in Atheistic Religion*. Routledge.

Мейясу К. После Конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екб. – М.: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.

Bryant, L. R., Srnicek, N., & Harman, G. (2011). *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism*. Re.press.

Негарестани Р. Работа нечеловеческого // Логос. – 2021. – Т. 31. – № 3. – С. 1–38.

Negarestani, R. *The Inhuman (a quick read)*. <https://toyphilosophy.com/2018/04/08/the-inhuman-a-quick-read/> (Retrieved September 13, 2021)

Chukhrov, K. (2020). The Philosophical Disability of Reason. *Radical Philosophy*, 67–78.

Bates, D. W. (2014). Unity, Plasticity, Catastrophe: Order and Pathology in the Cybernetic Era. In *Catastrophes: A History and Theory of an Operative Concept*. De Gruyter. 32–55.

Арсеньев А., Ильенков Э., Давыдов В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука. Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики 7–9 апреля 1965 г. / под ред. Ф. В. Константинов. М.: Наука, 1966. – С. 265–284.

Simondon, G. (2012). *Du mode d'existence des objets techniques*. Aubier.

Negarestani, R. (2015). Revolution Backwards: Functional Realization and Computational Implementation. In *Alleys of Your Mind: Augmented Intelligence and Its Traumas*. Meson Press.

Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екб.: У-Фактория, 2008. – 672 с.

Кобылин И. «Электронный Лозэнгрин»: провиденциальная машина советской кибернетики // Художественный Журнал. – 2019. – № 111. – С. 26–36.

⁵⁵ Ильенков Э. Об идолах и идеалах. – Киев: «Час-Крок», 2006. – С. 11.

Maxim V. SPIVAKOV

| **Intelligent Mold, Sprawled on the Rocks of Distant Planets. Ewald Ilyenkov's Philosophy and Inhuman Reason** |

Maxim V. SPIVAKOV

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
 Goncharnaya Ulitsa, 12, b.1, Moscow, Russia, 109240
 PhD Student, Department of Aesthetics
 ORCID: 0000-0003-1786-8941
 E-mail: textandpictures@gmail.com

INTELLIGENT MOLD, SPRAWLED ON THE ROCKS OF DISTANT PLANETS. EWALD ILYENKOV'S PHILOSOPHY AND INHUMAN REASON*

This article analyzes the elements of Ewald Ilyenkov's philosophy in the context of contemporary debates on the problem of the inhuman. Ilyenkov's earlier "The Cosmology of Spirit" (written in mid 1950s), which was only published posthumously (1988), explores the phenomenon of thinking in the horizon of entropic processes and universal self-destruction. The radical hypothesis of the "Cosmology of the Spirit" is analyzed in the light of the essential connection between the project of Enlightenment humanism and a planetary finitude (Ray Brassier). Ilyenkov's political cosmology links the communist project with the logic of the becoming and decay of the universe. The treatise may be read as an anticipation and antithesis of the key theses of "speculative realism" (Quentin Meillassoux). As he addresses the prehuman (and thus nonhuman) past of the universe, Meillassoux argues for the possibility of speculation of a world devoid of thinking. By contrast, Ilyenkov's hypothesis contends thought as an indispensable attribute of matter from the cosmological perspective of a nonhuman future. The problematization of the

planetary finitude of humanity allows us to turn to discussions of the machine implementation of reason as the necessary inhuman accomplishment of Enlightenment humanism (Reza Negarestani). In this respect, it is possible to link the radical conclusions of Ilyenkov's "The Cosmology of Spirit" with his later texts devoted to a critique of cybernetics and the project of artificial intelligence. Despite the apparent divergence in expectations about the possibility and necessity of machine implementation of reason, Negarestani's and Ilyenkov's initial premise and argumentations in many ways overlap and can be thus read as mutually complementary.

Key words: Evald Ilyenkov, Reza Negarestani, Quentin Meillassoux, Inhuman, Speculative Realism, Neorationalism, Artificial Intelligence, Cybernetics.

* The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-311-90090.

References

Pasquinelli, M. (2015). Introduction. In M. Pasquinelli (Ed.), *Alleys of Your Mind: Augmented Intelligence and Its Traumas*. Meson Press. 7–23.

Bates, D. W. (2002). *Enlightenment Aberrations: Error and Revolution in France*. Cornell University Press.

Warren Wagar, W. (1982). *Terminal Visions: The Literature of Last Things*. Indiana University Press.

Brassier, R. (2009). *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Palgrave Macmillan.

Moynihan, T. (2020). *X-risk: How humanity discovered its own extinction*. Urbanomic.

Kant, I (1966). *Sochinenija v shesti tomah*. [Collected Works in Six Volumes]. Mysl'. (In Russian).

Danowski, D., & Castro, E. B. V. de. (2017). *The Ends of the World*. Polity.

Lyotard, J.-F. (1988). *L'inhumain: Causeries sur le temps*. Galilée.

Maxim V. SPIVAKOV

| **Intelligent Mold, Sprawled on the Rocks of Distant Planets. Ewald Ilyenkov's Philosophy and Inhuman Reason** |

Husserl. E. (2010). Kopernikanskij perevorot kopernikanskogo perevorota. Pervo-Kovcheg Zemlja [Copernican Turn of a Copernican Turn. Originary Arch] // *Ezhegodnik po fenomenologicheskoy filosofii, 2009–2010, V. 2.* (In Russian).

Penzin A. (2018) Kommunizm i entropija v kosmologii Ewal'da Ilyenkova [Communism and Entropy in the Cosmology of Ewald Ilyenkov], *Hudozhestvennyj Zhurnal, 107.* 50–64. (In Russian).

Ilyenkov E. (2017). Ot abstraktnogo k konkretnomu. Krutoj marshrut. 1950–1960. [From the abstract to the concrete. Steep Route. 1950–1960]. Kanon+, 2017. (In Russian).

Land, N. (1992). *The Thirst for Annihilation: Georges Bataille and Virulent Nihilism: An Essay in Atheistic Religion.* Routledge.

Meillassoux, Q. (2015) Posle Konechnosti. Esse o neobhodimosti kontingentnosti [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. (In Russian).

Bryant, L. R., Srnicek, N., & Harman, G. (2011). *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism.* Re.press.

Negarestani, R. (2021). Rabota nechelovecheskogo [The Labor of the Inhuman], *Logos, V. 31, 3.* 1–38.

Negarestani, R. *The Inhuman (a quick read).* <https://toyphilosophy.com/2018/04/08/the-inhuman-a-quick-read/> (Retrieved September 13, 2021)

Chukhrov, K. (2020). The Philosophical Disability of Reason. *Radical Philosophy, 67–78.*

Bates, D. W. (2014). Unity, Plasticity, Catastrophe: Order and Pathology in the Cybernetic Era. In *Catastrophes: A History and Theory of an Operative Concept.* De Gruyter. 32–55.

Arsen'ev A., Ilyenkov E., Davydov V. (1966). Mashina i chelovek, kibernetika i filosofija [Machine and Man, Cybernetics and Philosophy] In *Leninskaja teorija otrazhenija i sovremennaja nauka. Materialy Soveshhanija po sovremennym problemam materialisticheskoy dialektiki 7–9 aprelja 1965 g.* Nauka. 265–284. (In Russian).

Simondon, G. (2012). *Du mode d'existence des objets techniques.* Aubier.

Negarestani, R. (2015). Revolution Backwards: Functional Realization and Computational Implementation. In *Alleys of Your Mind: Augmented Intelligence and Its Traumas.* Meson Press.

Deleuze G., Guattari F. (2008). Anti-Edip: Kapitalizm i shizofrenija. [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. U-Faktoria.

Kobylin I. (2019). «Jelektronnyj Lojengrin»: providencial'naja mashina sovetsoj kibernetiki ["Electronic Lojengrin": the Providential Machine of Soviet Cybernetics], *Hudozhestvennyj Zhurnal, 111.* 26–36. (In Russian).

Александра Владимировна ВОЛОДИНА

| «Внутри мыслящих миров»: наследие Ю.М. Лотмана и биосемиотика |

Александра Владимировна ВОЛОДИНА

Институт философии Российской академии наук (ИФ РАН)
109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1
Младший научный сотрудник сектора эстетики, кандидат философских наук
ORCID 0000-0002-8685-321X
E-mail: sasha.volodina@gmail.com

«ВНУТРИ МЫСЛЯЩИХ МИРОВ»: НАСЛЕДИЕ Ю.М. ЛОТМАНА И БИОСЕМИОТИКА *

В статье рассматриваются концептуальные положения, представленные в трудах Юрия Михайловича Лотмана о семиозисе и семиосфере и раскрывающие семиотические аспекты взаимодействий в средовом пространстве (будь то пространство культуры или биологическая система), сформированном практиками коммуникации и соучастия в совместном опыте. Представления о семиосфере, включающей в себя не только культурные, но и технологические, и биологические знаки, и о семиозисе как о сфере материальных и размещённых в пространстве взаимодействий, которые всегда множественны и разнонаправленны (внутри системы и наружу), раскрываются в таких текстах Лотмана, как «Культура и взрыв», «Внутри мыслящих миров» и др., и становятся концептуальной основой для современных биосемиотических исследований, в

частности, для работ Йеспера Хоффмайера. В статье раскрывается проблематика границы в семиотическом пространстве в трактовке Лотмана и прослеживается развитие этого сюжета в биосемиотической оптике, а также рассматриваются два постулируемых Лотманом ключевых условия производства знаков (бинарность и непереваемость кодов) и их значение для биосемиотики. В рамках представленного подхода в статье показано, что материальный субстрат семиосферы, разделяющий с участниками знакового обмена функции выбора и различения, оказывается ещё одним важным условием семиозиса в живых системах.

Ключевые слова: знак, семиозис, граница, биосемиотика, Юрий Лотман, Чарльз Сандерс Пирс, Якоб фон Икскуль, Йеспер Хоффмайер.

Исследование различных типов знаков и знаковых процессов – важная тема для новейшей эстетики в рамках разговора о нечеловеческих формах чувственности, познания и деятельности. Социокультурные процессы в современном мире разворачиваются сразу в нескольких контекстах, от которых едва ли возможно дистанцироваться: экологическая и постгуманистическая оптика не только задаёт новые темы для художественных, кураторских и теоретических исследований, но и призывает к поиску новых способов постановки проблем и к расширению критического аппарата. Кажется

очевидным, что основным стимулом к развитию этой оптики стали экологические и экономические трансформации глобализованного социокультурного пространства XXI века. Однако в трудах теоретиков предшествующих десятилетий мы также находим размышления о том, каким образом осуществляется обмен информацией в той или иной среде или системе, населённой живыми существами. Средовое пространство, сформированное практиками коммуникации и соучастия в совместном опыте и переживании, может быть пространством культуры или биологической системой, и в

Александра Владимировна ВОЛОДИНА

| «Внутри мыслящих миров»: наследие Ю.М. Лотмана и биосемиотика |

обоих случаях его внутренние связи будут обеспечиваться благодаря обмену знаками, или семиотическому процессу. Этот семиотический аспект процессов ощущения, познания и взаимодействия, весьма важный для ряда современных исследований в области биологии и экологии, стал одним из ключевых сюжетов размышлений Юрия Михайловича Лотмана, литературоведа и теоретика культуры, одного из основоположников Тартуско-московской семиотической школы. Рассматривая способы производства знаков живой материей, Лотман задавался вопросами о том, как функционирует семиосфера в широком смысле (включающая в себя не только культурные, но и технологические, и биологические знаки), как наделяется значением граница организма и среды, и каковы условия возникновения семиозиса. Для поиска ответов на эти вопросы Лотман выходит за пределы сосюрговской семиотики и размышляет о семиозисе как о сфере материальных и размещённых в пространстве взаимодействий. Его интуиции, которые мы рассмотрим в данной статье, фокусируясь главным образом на содержании работ «Культура и взрыв» и «Внутри мыслящих миров», оказали большое влияние на развитие не только теории культуры, но и современной биосемиотики, а также послужили импульсом к междисциплинарному диалогу.

Семиотические исследования Лотман ещё в статьях 1960–1970-х годов рассматривал как теоретическую рамку, объединяющую разные области знания: структурную лингвистику, теорию информации, кибернетику и логику. В своих работах он нередко обращался к концептуальному аппарату кибернетики, теории информации и теории систем, используя его для размышлений о знаке и знаковых системах. Как отмечал Вяч. Вс. Иванов, «хотя теория информации возникла, в основном, благодаря трудам

американского инженера и математика К. Шеннона, исследовавшего передачу сообщений по техническим каналам связи, круг ее применений оказался очень широким. Это было замечено сразу же одним из создателей теории – великим русским математиком А.П. Колмогоровым, с которым Лотман общался в те годы, когда тот начинал свои занятия русским стихом. В подходе Лотмана к взрывным процессам отчетливо ощущается его интерес к их информационной характеристике. Именно в этом Лотман оказывается особенно близок к Пригожину»¹. В самом деле, весьма важными свойствами знаковых систем для Лотмана были их нестабильность и динамичность, а также проницаемость и порождающий потенциал их границ, и ему был несомненно близок взгляд И. Пригожина и И. Стенгерс на понятия «становления» и «события» как ключевые для осмысления реальности. В работе «Время, хаос, квант» Пригожин и Стенгерс пишут: «Теперь мы понимаем, что детерминистические симметричные во времени законы соответствуют только весьма частным случаям. Они верны только для устойчивых классических и квантовых систем, т.е. для весьма ограниченного класса физических систем. Что же касается несводимых вероятностных законов, то они приводят к картине "открытого" мира, в котором в каждый момент времени в игру вступают все новые возможности»². Исследуя подобные нестабильные, открытые системы, главным образом системы культуры, Лотман приходит к расширительному пониманию семиотического пространства, или семиосферы.

¹ Иванов, Вяч. Вс. Семиосфера и история // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры. – 1996. – С. х.

² Пригожин, И., Стенгерс, И. Время, хаос, квант. – М.: Прогресс. – 1994. – С. 11.

Александра Владимировна ВОЛОДИНА

| «Внутри мыслящих миров»: наследие Ю.М. Лотмана и биосемиотика |

1. *Семиотическое пространство и живые системы: проблема границы*

Семиотическое пространство включает в себя не только отдельные элементы-знаки, тексты и коды, но и отношения и взаимосвязи между ними, и «может рассматриваться как единый механизм (если не организм)»³ – что существенно, поскольку позволяет обратить внимание на семиотические взаимодействия и коммуникацию в культуре и иных системах как на конкретные проживаемые процессы в их историчности, но в то же время допускает высокую степень абстрагирования в анализе этих процессов. Лотман подчёркивает, что именно существование так понятой семиосферы «делает определенный знаковый акт реальностью», связывая его с другими событиями окружающей его реальности и другими знаковыми кодами. Воспринимая семиотическое пространство как комбинацию отдельных элементов, мы рискуем столкнуться с множеством трудностей, скажем, при исследовании коммуникативных ситуаций, в которых встречаются разные коды или, напротив, которые разворачиваются в докодированном уровне и не поддаются дешифровке. Однако лотмановское понимание семиосферы как механизма или организма позволяет говорить о её дискретности и множественности задействованных в ней процессов и знаковых режимов (в том числе докодированных), но также и о её системности и внутренних закономерностях. В особенности это важно для современности, на что указывает Лотман, замечая, что «... семиосфера современного мира, которая, неуклонно расширяясь в пространстве на протяжении веков, приняла ныне глобальный характер, включает в себя и поэмы спутников, и стихи поэтов, и крики животных. Взаи-

мосвязь этих элементов семиотического пространства не метафора, а реальность»⁴. Отметим, что понятия культуры, механизма и организма у Лотмана весьма близки, и как в работах 1960-х годов, так и в более поздних текстах⁵ он не раз сопоставляет (конечно, не уподобляя одно другому) значимое поведение живых организмов (животных) и знаковый обмен в культуре.

Полагая, что знаковое взаимодействие способно происходить в разных режимах и проживаться во взаимосвязи с системными процессами семиотического пространства, мы подразумеваем, что цель семиотического механизма состоит не только в адекватной передаче некоего сообщения от адресанта к адресату. Это влечёт за собой и пересмотр понятия кода. Расширяя и развивая сосюрговскую идею языкового кода, определяемого как «совокупность отпечатков, имеющихся у каждого в голове <...> нечто имеющееся у каждого, вместе с тем общее всем»⁶, с течением времени семиотика тяготеет к более динамическому пониманию кода как любой системы, связанной с значимыми отношениями между двумя (или более) различными областями реальностями, контекстами и интересами участников знакового взаимодействия. Так, коды необходимы для интерпретации отношений между знаками, реальностью и участниками знакового обмена, и потому должны быть разделяемы некоторой общностью субъектов, но при этом они не универсальны и не абстрактны, подобно набору правил. Лотман поясняет: «... код включает не только опреде-

⁴ Там же. С. 21.

⁵ См., например, работы «Люди и знаки», «Непредсказуемые механизмы культуры», «Внутри мыслящих миров» и др.

⁶ Сосюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с франц. А. Сухотина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 1999. – С. 27.

³ Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллинн: Александра. – 1992. – С. 13.

Александра Владимировна ВОЛОДИНА

| «Внутри мыслящих миров»: наследие Ю.М. Лотмана и биосемиотика |

ленный двумерный набор правил шифровки-дешифровки сообщения, но обладает многомерной иерархией»⁷ и подразумевает общность семиотического опыта и памяти. Следовательно, семиотический опыт должен «предшествовать любому семиотическому акту», и таким образом, семиотическое пространство функционирует не как система правил и значимых элементов, или «сумма отдельных языков», а «представляет собой условие их [языков] существования и работы»⁸. Согласно такому подходу, единицей знакового процесса оказывается не какой-либо из его элементов, а всё семиотическое пространство, или семиосфера. Опираясь на учение В. И. Вернадского, Лотман описывает семиосферу как многослойное пространство отношения между «сгущениями жизни»⁹. Внимание к категориям опыта, памяти и жизни позволяет рассматривать семиосферу как выходящую за пределы человеческих языковых систем и правил кодирования и декодирования, и эту оптику, отдавая должное интуициям Лотмана, разделяют многие современные исследователи биосемиотики.

Так называемый «органический поворот» (organic turn) в семиотике, связанный с интересом к живым системам, пришёл на 1980-е годы: в этот период труды Якоба фон Иксюля, положившего начало биосемиотическим исследованиям в первой половине XX столетия, получают статус классических трудов по семиотике, и долингвистические процессы в живых системах всё чаще рассматриваются в семиоти-

ческом ключе¹⁰. Биосемиотика как область знаний всегда носила междисциплинарный характер, используя наработки теоретической биологии, теории информации, теории систем и семиотики для исследования биологической основы процессов производства значения. Нейроантрополог Терренс Дикон, семиотик Томас Себеок, лингвист Дональд Фаваро, биолог Каллеви Кулль, биохимик и философ Йеспер Хоффмайер, на труды которого мы будем главным образом опираться в рамках данной статьи, а также другие исследователи, сформировавшие интеллектуальный ландшафт современной биосемиотики, задавались вопросом о том, как возникли знаковые системы в человеческом обществе и у других биологических видов и живых систем (а стало быть, и о том, как сложились сами биологические системы и какую роль в их формировании сыграли семиотические взаимодействия). Работая с понятиями знака, кода, сообщения и сигнала в применении к неязыковым биологическим процессам (к примеру, к межклеточным биохимическим взаимодействиям), биосемиотики исследовали разнообразные режимы коммуникации в живых, сложных, адаптивных системах. Лотмановская концепция семиозиса и семиотического пространства стала одной из методологических основ в исследованиях Хоффмайера, Фаваро, Кулля и других.

Семиотическое пространство, структурированное как целостность не только благодаря системе кодов и правил дешифровки, но и благодаря проживаемому живой материей опыту – представление, позволяющее биосемиотикам объединять в своих исследованиях естественнонаучный теоретический инструмента-

⁷ Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры. – 1996. – С. 13.

⁸ Там же. С. 163.

⁹ Там же. С. 166.

¹⁰ Подробнее см.: Kull, K. (2015). A semiotic theory of life: Lotman's principles of the universe of the mind. *Studies in Ecocriticism*, 19(3), 256. <https://doi.org/10.1080/14688417.2015.1069203>.

Александра Владимировна ВОЛОДИНА

| «Внутри мыслящих миров»: наследие Ю.М. Лотмана и биосемиотика |

рий и наработки лингвистов и семиотиков. Рассматривая коммуникацию в конкретной живой системе (как, впрочем, и в той или иной системе культуры), важно сохранять фокус на её изменчивости и адаптивности – поскольку это не абстрактная целостность, а живое единство, то оно обладает определённой мерой открытости, и его границы проницаемы и подвижны. Поэтому понятие границы оказывается столь важным и для Лотмана в его исследованиях культуры и концептуализации семиотического подхода, и для биосемиотиков.

Границы семиотических систем сопряжены и с внешними, и с внутренними процессами, благодаря чему Лотман характеризует семиотическую границу как сумму «билингвальных переводческих "фильтров", переход сквозь которые переводит текст на другой язык (или языки), находящиеся вне данной семиосферы»¹¹. Границы не только разделяют, но и объединяют семиотические системы, а также коды, опыты и субъективности внутри системы. Эти фильтры, или мембраны, являются важнейшими зонами активности и напряжения, обмена и знакового производства в живой или культурной системе: «Поскольку реально любая семиосфера не погружена в аморфное "дикое" пространство, а соприкасается с другими семиосферами, обладающими своей организацией (с точки зрения первой, они могут казаться не-организациями), здесь возникает постоянный обмен, выработка общего языка, койне, образование креолизованных семиотических систем»¹². По Лотману, граница как место встречи различающихся семиотических пространств – это зона перевода между

системами знаков и возникновения метаописаний систем, зона «трансформации "внешнего" во "внутреннее"... которая трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались в внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, инородными»¹³.

Сопряжение «своего» и «чужого» на границе – важный аспект коммуникации и для биосемиотической оптики; ещё Иксюль размышлял о внешнем и внутреннем в приграничных зонах Umwelt'a, или «жизненного мира» существа (мира его восприятия и действия). Поскольку биосемиотика трактует живые системы как знаковые, то их границы прочерчиваются не только по «физическим» поверхностям и параметрам, таким как граница ареала обитания, кожа существа или клеточная мембрана: семиотические системы обособляются и формируются в отношениях с окружающей их средой, обнаруживая в среде значимые стимулы и реагируя на них сообразно собственной внутренней организации¹⁴. Выбор и распознавание значимого, наделение чего-либо значением – эти динамические процессы и размечают границы живой системы. Исходя из такого подхода эволюционный процесс тоже оказывается главным образом семиотическим: Хоффмайер связывает его с увеличением семиотической свободы, то есть богатства передаваемых значений. Это имеет отношение и к филогенезу, и к онтогенезу: развитие живого существа на основе биологической информации генома управляется не только причинно-следственной связью, но и семиотическими процессами, в которых участвует существо (геном же сам по себе, в отрыве

¹³ Там же. С. 183.

¹⁴ Hoffmeyer, J. (1992). Some Semiotic Aspects of the Psycho-Physical Relation: The Endo-Exosemiotic Boundary. In T.A. Sebeok, T.A. & Umiker-Sebeok, J. (Eds.). *Biosemiotics: The Semiotic Web*. Mouton de Gruyter. 108.

¹¹ Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллинн: Александра. – 1992. – С. 14.

¹² Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры. – 1996. – С. 192.

Александра Владимировна ВОЛОДИНА

| «Внутри мыслящих миров»: наследие Ю.М. Лотмана и биосемиотика |

от конкретных семиотических взаимодействий, по Хоффмайеру, не мог бы быть интерпретирован и актуализирован и, следовательно, «в изоляции не обладал бы значением»¹⁵). Пользуясь концептуальным аппаратом Ч.С. Пирса, Хоффмайер утверждает: эмбриогенез живых существ можно охарактеризовать как знаковые операции, в которых интерпретанта, а именно оплодотворенная яйцеклетка, «интерпретирует закодированную информацию ДНК в качестве инструкции» и моделирует трехмерный организм¹⁶. Процессуальный опыт живого организма необходим для производства значения, точно так же как, по Пирсу, интерпретанта является неотъемлемой частью семиозиса, поскольку любое знаковое отношение включает в себя объект, знак, с помощью которого передается объект, и интерпретанту (то есть того, чему представлен объект). Воспринимая знак, интерпретанта представляет объект по-иному – и перед нами уже «новое представление... и в качестве представления она вновь обзаводится собственной интерпретантой»¹⁷. Так, сами знаковые отношения становятся возможными объектами для дальнейшего познания, размышления и знакового взаимодействия, т.е. для дальнейшей интерпретации Umwelt'a. Так, генеалогические отношения можно охарактеризовать как вертикальный семиозис, а экологические – как горизонтальный; порождаемые их пересечени-

ями различия и значения в живых системах движут биологической эволюцией. Эти различия между семиотическими процессами (как в данном случае между проживаемой реальностью и записанной реальностью) создают «неточные самореферентные петли», порождая тем самым новые коммуникативные ситуации и новые смыслы¹⁸, и концептуализация этого важного для биосемиотики принципа также во многом основана на лотмановской трактовке семиозиса.

2. Условия производства знаков

Как живой организм при контакте с неодушевленной материей выбирает и «переводит» информацию в знаки сообразно со своими способностями и Umwelt'ом, а также с аффордансами (предлагаемыми возможностями) среды, так и знаки культуры возникают благодаря переводу. Это процессы одного порядка, и для них необходимы схожие условия. Размышляя об условиях семиотического перевода с «внешней» реальности во «внутреннюю» и наоборот, Лотман выявляет два важных принципа, которые, согласно Хоффмайеру и Куллиу, оказываются определяющими для семиотических взаимодействий как в живых системах, так и в системах культуры.

Первое важное условие – *бинарность*, или множественность, *кодов*. Изначально Лотман рассуждает именно о семиотической бинарности, то есть необходимости встречи двух несводимых друг к другу кодов, однако он уточняет, что на деле их число неизбежно умножается «в силу неспособности каждого

¹⁵ Ibid. 106.

¹⁶ Hoffmeyer, J. (1996). *Signs of Meaning in the Universe*. Trans. Haveland, B.J. Indiana University Press. P. 20.

¹⁷ Peirce, Ch.P. (1960). Principles of Philosophy. In Hartshorne, Ch. & Weiss, P. (Eds.). *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Harvard University Press. § 339.

https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/5165117/mod_resource/content/0/The%20Collected%20Papers%20of%20Charles%20Sanders%20Peirce%20%282904s%29.pdf (Retrieved August 30, 2021).

¹⁸ Hoffmeyer, J. (1992). Some Semiotic Aspects of the Psycho-Physical Relation: The Endo-Exosemiotic Boundary. In T.A. Sebeok, T.A. & Umiker-Sebeok, J. (Eds.). *Biosemiotics: The Semiotic Web*. Mouton de Gruyter. 113.

Александра Владимировна ВОЛОДИНА

| «Внутри мыслящих миров»: наследие Ю.М. Лотмана и биосемиотика |

[языка] в отдельности выразить мир»¹⁹. В самом деле, одного универсального языка или кода существовать не может, а если бы такой код и существовал, то оказался бы недостаточным для успешного перевода, для возникновения семиотических отношений и производства смысла. Лотман пишет: «Языки эти как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в "одной плоскости", образуя в ней внутренние границы»²⁰. Второй код может возникать произвольно, но так или иначе для процессов, связанных с выражением и взаимодействием с реальностью, нам требуется несколько частично взаимозависимых языков: например, необходим несводимый дуализм условности и изобразительности в культурных знаках. В таком ключе Лотман рассматривает словесное или визуальное сообщение и ритмический ряд: асемантические «системы ритмических рядов ... – от музыкальных повторов до повторяющегося орнамента, – могут выступать как внешние коды, под влиянием которых перестраивается словесное сообщение. <...> для того, чтобы система работала, необходимо столкновение и взаимодействие двух разнородных начал: сообщения на некотором семантическом языке и вторжения чисто синтагматического добавочного кода»²¹. Другой пример смыслопорождающей структуры, состоящей из материала и «внешнего» языка – дуализм генетического кода и кода индивидуальной истории организма (когда «составляющие одного кода теряют или изменяют своё значение, становясь сырым материалом для другого кодирования и реорганизации смыс-

ла – так из цифровой системы складывается аналоговая»²²). Таким же образом даже простейшие аффордансы, предлагаемые окружающей средой (скажем, яркий свет или ступенька) и распознанные благодаря способностям живого существа, при взаимодействии с этими способностями реорганизуют смыслы и участвуют в производстве новых значений.

Второе важное условие семиозиса по Лотману, логически следующее из первого – *асимметрия* и *непереводимость* (или ограниченная переводимость) *кодов*, которая необходима для взаимодействия. Множественные коды и языки, участвующие в семиотических процессах, не переводимы полностью друг на друга, что обеспечивает возможность непредсказуемости и свободы в различении и в прочерчивании границ. Это может быть связано не только с семантической и структурной разницей, позволяющей сохранить непереводимый остаток, но и с пространственной и темпоральной, вызванной различиями в проживаемом опыте и памяти участников семиозиса и в скоростях их взаимодействий со средой. Важно, что семиозис для Лотмана материален, это непрерывно организуемое и реорганизуемое многослойное пространство «сгущений жизни», формируемое разнонаправленными (внутри и наружу) процессами знакового обмена. Развивая эту мысль, мы можем постулировать, что различные версии семиотик всегда множественны, как множественны линии жизни органических и социокультурных образований, коллективных «сборок» существования.

Принципы семиотической бинарности/множественности и асимметрии имеет

¹⁹ Лотман, Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство–СПБ». – 2000. – С. 13.

²⁰ Там же.

²¹ Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллинн: Александра. – 1992. – С. 80.

²² Anderson, M. et al. (2010). A Semiotic Perspective on the Sciences: Steps Toward a New Paradigm. In Favareau, D. (Ed.). *Essential Readings in Biosemiotics: Anthology and Commentary*. Springer. 402.

Александра Владимировна ВОЛОДИНА

| «Внутри мыслящих миров»: наследие Ю.М. Лотмана и биосемиотика |

непосредственное отношение и к самим участникам семиозиса, обладающим субъективностью. Различая значащее и незначащее и совершая выбор, субъекты семиозиса не просто обмениваются информацией: в работе «Культура и организм» Лотман описывает живую структуру как механизм, увеличивающий количество информации. Поскольку знаковый обмен обусловлен способностью различать и выбирать (означивая и распознавая знаки), то субъектом семиозиса можно считать любое существо, способное определять и выбирать какие-либо приметы (features) из незначащего «шума» окружающей среды и действовать исходя из них, тем самым, по выражению Хоффмайера, инкорпорируя настоящее в будущее²³. В этом смысле субъектом может являться даже амёба или живая клетка, обменивающаяся информацией со средой и настраивающая сообразно этому свои внутренние процессы.

В рамках биосемиотического подхода усложняется понятие организма как субъекта семиозиса, который у Лотмана имплицитно трактуется скорее, как целостность, однако для изучения биологических систем и «сборок» от этого представления приходится отступить. Биологические среды как семиотические пространства слоисты и множественны, происходящие в них процессы знакового обмена, прочерчивающие и переозначивающие границы, оказываются распределёнными между разными участниками семиозиса и участвующими в нём силами. Следуя подходу Ч. С. Пирса, биосемиотика тяготеет к тому, чтобы рассматривать внешние субъекту материальные знаки и значимые стимулы не просто как инструменты

коммуникации: они выполняют те задачи, которые индивидуальный организм сам по себе выполнить бы не смог, то есть оказываются зонами разделяемого, распределённого опыта, деятельности и познания. Так, материальный субстрат семиосферы, разделяющий с субъектами функции выбора и различения, оказывается ещё одним важным условием семиозиса в живых системах. Благодаря этой оптике, к примеру, складывается концепция семиотических «строительных лесов» (scaffolds; биосемиотическое понятие, также вдохновлённое трудами отечественного учёного Л. С. Выготского, в размышлениях о детской психологии предложившего концептуализировать «зоны ближайшего развития» ребёнка как систему распределённых знаний и опыта, предлагаемого ему средой и взрослыми для приобщения и соучастия). Под «строительными лесами» Хоффмайер понимает доступную организму систему проверок и равновесий, складывающуюся в результате множества семиотических взаимодействий – нечто вроде калибровочного механизма, который призван поддерживать обмен веществ и иные, более сложные процессы, в оптимальном состоянии. Этот механизм работает как на основе кодов и правил, так и благодаря конкретному опыту живого существа, приобретённому в ходе сонстройки со средой, и складывается как эволюционно, так и в ходе конкретных взаимодействий и индивидуального развития²⁴. Понятие «строительных лесов» также проблематизирует напряжённую, семиотически насыщенную зону границы внешнего и внутреннего, в которой материальность значимых составляющих среды

²³ Hoffmeyer, J. (1992). Some Semiotic Aspects of the Psycho-Physical Relation: The Endo-Exosemiotic Boundary. In T.A. Sebeok, T.A. & Umiker-Sebeok, J. (Eds.). *Biosemiotics: The Semiotic Web*. Mouton de Gruyter. 101.

²⁴ Подробнее см.: Hoffmeyer, J. (2015) Semiotic scaffolding: a unitary principle gluing life and culture together. *Green Letters: Studies in Ecocriticism*, 19 (3). 243–254. <https://doi.org/10.1080/14688417.2015.1058175>.

Александра Владимировна ВОЛОДИНА

| «Внутри мыслящих миров»: наследие Ю.М. Лотмана и биосемиотика |

может стать частью как внутренних, так и внешних процессов.

Функциями семиотического субъекта может обладать не только отдельный организм, но и коллективная «сборка» или система, если окружающая её граница является более значимой в той или иной ситуации, чем индивидуальные границы; линии субъективности не всегда пролегают по границам индивида. В отношении культурных систем Лотман интерпретирует это как эффект того или иного языка (поскольку субъективность и «личность» в разных культурных языках понимается по-разному), но в биосемиотической перспективе перепрочерчивание границ субъективности оказывается эффектом биологических процессов сонастройки со средой, взаимоузнавания способности к действию и условий для действия. За счёт множественности кодов во внутренних и внешних приграничных зонах Umwelt'a живое существо или система оказывается самореферентной, переопределяющей себя в ходе семиозиса; это справедливо и для культурных систем, что отмечает Лотман, размышляя о саморефлексивности культуры.

***

Разумеется, из вышесказанного не следует, что семиотические процессы в человеческой культуре и семиозис в биологических системах можно уподобить друг другу. Различие в их сложности и в мере абстрагирования и Лотман, и Хоффмайер объясняют через процессы прочерчивания границ. Лотман делает акценты на том, что человеческие семиотические системы значительно более непредсказуемы и индивидуальны. В них границы между индивидуальным и общим не менее важны, чем между внешним и внутренним: «Язык животных, насколько можно судить, вне вмешательства человека не обладает собственными именами.

Между тем именно они создают то напряжение между индивидуальным и общим, которое лежит в основе человеческого сознания»²⁵. Хоффмайера же больше интересует темпоральный аспект различения и прочерчивания границ: он отмечает, что у животных (и тем более растений или простейших) актуализация их проживаемого настоящего не прерывается паузами и задержками в семиозисе. В то время как человеческое сознание, имеющее дело со множеством семиотических процессов разного порядка, само по себе является интерпретантой, предстающей в качестве знака для нейро-иммуно-эндокринной системы, тем самым порождая всё более сложные петли значений и обмена информацией. Возникающие временные задержки между этими знаковыми процессами и являются дополнительными внутренними и внешними границами, усложняющими и обогащающими человеческие семиотики.

Рассуждая о коммуникации у людей и животных, Лотман замечает: «... надо еще доказать, что такие основные семиотические понятия, как индивидуальность, общение, язык, вообще применимы [к насекомым], ведь мы языки все-таки используем как знаковое общение, но возможно, существует незнаковое общение, для которого у нас нет механизмов понимания – пока что, по крайней мере»²⁶. Опираясь на фундаментальные разработки Лотмана о семиотических структурах и принципах семиозиса, а также вдохновляясь его исследованиями знако-

²⁵ Лотман, Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство–СПБ». – 2000. – С. 36.

²⁶ Lotman, J. “Vita aeterna” intervjuu. (Tammaru, Toomas, toim.). *Vita aeterna*, 19906, 5. 12–20. Цит. по: Куль, К., Вельмезова, Е. О парадоксе «семиотики жизни»: работы последних лет Юрия Лотмана // Слово.ру: балтийский акцент. – 2018. – Т. 9, №4. – С. 8. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-4-1>.

Александра Владимировна ВОЛОДИНА

| «Внутри мыслящих миров»: наследие Ю.М. Лотмана и биосемиотика |

вых систем культуры, биосемиотики ищут эти механизмы понимания, расширяя понятия знака, кода, коммуникации и субъективности.

Список литературы

Иванов, Вяч. Вс. Семиосфера и история // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры. – 1996. – С. VII–XV.

Пригожин, И., Стенгерс, И. Время, хаос, квант. – М.: Прогресс. – 1994. – 272 с.

Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллинн: Александра. – 1992. – 479 с.

Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с франц. А. Сухотина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 1999. – 426 с.

Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры. – 1996. – 464 с.

Kull, K. (2015). A semiotic theory of life: Lotman's principles of the universe of the mind. *Studies in Ecocriticism*, 19(3), 255–266. <https://doi.org/10.1080/14688417.2015.1069203>.

Hoffmeyer, J. (1992) Some Semiotic Aspects of the Psycho-Physical Relation: The Endo-Exosemiotic Boundary. In T.A. Sebeok, T.A. & Umiker-Sebeok, J. (Eds.). *Biosemiotics: The Semiotic Web*. Mouton de Gruyter. 101–123.

Hoffmeyer, J. (1996). *Signs of Meaning in the Universe*. Trans. Haveland, B.J. Indiana University Press.

Peirce, Ch.P. (1960). Principles of Philosophy. In Hartshorne, Ch. & Weiss, P. (Eds.). *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Harvard University Press. § 339.

https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/5165117/mod_re-source/content/0/The%20Collected%20Papers%20of%20Charles%20Sanders%20Peirce%20%282904s%29.pdf (Retrieved August 30, 2021).

Лотман, Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство–СПб». – 2000. – С. 12–149.

Anderson, M. et al. (2010). A Semiotic Perspective on the Sciences: Steps Toward a New Paradigm. In Favareau, D. (Ed.). *Essential Readings in Biosemiotics: Anthology and Commentary*. Springer. 377–413.

Hoffmeyer, J. (2015). Semiotic scaffolding: a unitary principle gluing life and culture together. *Green Letters: Studies in Ecocriticism*, 19(3). 243–254. <https://doi.org/10.1080/14688417.2015.1058175>.

Куль, К., Вельмезова, Е. О парадоксе «семиотики жизни»: работы последних лет Юрия Лотмана // Слово.ру: балтийский акцент. – 2018. – Т. 9, №4. – С. 6–14. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-4-1>.

Alexandra V. VOLODINA

| “Inside the Universes of the Mind”: The Legacy of Y.M. Lotman and Biosemiotics |

Alexandra V. VOLODINA

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Goncharnaya Ulitsa, 12 стр.1, Moscow, Russia, 109240

Ph. D. in Philosophy

Junior Research Fellow, Department of Aesthetics

ORCID 0000-0002-8685-321X

E-mail: sasha.volodina@gmail.com

**“INSIDE THE UNIVERSES OF THE MIND”:
THE LEGACY OF Y.M. LOTMAN AND BIOSEMIOTICS**

The article examines the theoretical ideas presented in the works of Yuri Mikhailovich Lotman on semiosis and semiosphere and revealing the semiotic aspects of interactions in the environment (whether it is a cultural space or a biological system), formed by the participants of communication and their joint experience. The ideas of the semiosphere, which includes not only cultural, but also technological and biological signs, and of semiosis as a sphere of material and spaced interactions, which are always multiple and multidirectional (inside the system and outside), are revealed in such texts by Lotman as “Culture and Explosion”, “Inside Thinking Worlds”, etc. These notions have served as the conceptual basis for modern biosemiotic research, in particular, for the works of Jesper Hoffmeyer. The article reveals the problem of the

boundary in semiotic space in Lotman's interpretation and traces the development of this concept in biosemiotic studies, and also considers two key conditions for the production of signs postulated by Lotman (which are binarity and the untranslatability of codes) and their significance for biosemiotics. Within the framework of the presented approach, the article shows that the material substrate of the semiosphere, which shares the functions of choice and discrimination with the agents of sign exchange, turns out to be another important condition for semiosis in living systems.

Key words: sign, semiosis, boundary, biosemiotics, Y. Lotman, Ch.S. Peirce, J. von Uexkühl, J. Hoffmeyer.

References

Ivanov, Viach. Vs. (1996). Semiosfera i istoriia [Semiosphere and History]. In Lotman Y.M. *Vnutri mysl'ashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriia* [Inside the Universes of the Mind]. Iazyki russkoi kul'tury. vii–xv. (In Russian).

Prigogine, I., Stengers, I. (1994). *Vremia, khaos, kvant* [Time, Chaos, Quantum]. Progress. (In Russian).

Lotman, Y.M. (1992). *Stat'i po semiotike i topologii kul'tury* [Collected Papers on Semiotics and Topology of Culture]. Aleksandra. (In Russian).

Saussure, F. de. (1999). *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian).

Lotman, Y.M. (1996). *Vnutri mysl'ashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriia* [Inside the Universes of the Mind]. Iazyki russkoi kul'tury. vii–xv. (In Russian).

Kull, K. (2015). A semiotic theory of life: Lotman's principles of the universe of the mind. *Studies in Ecocriticism*, 19(3), 255–266. <https://doi.org/10.1080/14688417.2015.1069203>.

Hoffmeyer, J. (1992). Some Semiotic Aspects of the Psycho-Physical Relation: The Endo-Exosemiotic Boundary. In T.A. Sebeok, T.A. & Umiker-Sebeok, J. (Eds.). *Biosemiotics: The Semiotic Web*. Mouton de Gruyter. 101–123.

Hoffmeyer, J. (1996). *Signs of Meaning in the Universe*. Trans. Haveland, B.J. Indiana University Press.

Alexandra V. VOLODINA

| “Inside the Universes of the Mind”: The Legacy of Y.M. Lotman and Biosemiotics |

Peirce, Ch.S. (1960). Principles of Philosophy. In Hartshorne, Ch. & Weiss, P. (Eds.). *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Harvard University Press. § 339.

https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/5165117/mod_re-source/content/0/The%20Collected%20Papers%20of%20Charles%20Sanders%20Peirce%20%282904s%29.pdf (Retrieved August 30, 2021).

Lotman, Y.M. (2000). Kul'tura i vzryv [Culture and Explosion]. In Lotman Y.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Iskustvo–SPB. 12–149. (In Russian).

Anderson, M. et al. (2010). A Semiotic Perspective on the Sciences: Steps Toward a New Paradigm. In Favareau, D. (Ed.). *Essential Readings in Biosemiotics: Anthology and Commentary*. Springer. 377–413.

Hoffmeyer, J. (2015). Semiotic scaffolding: a unitary principle gluing life and culture together. *Green Letters: Studies in Ecocriticism*, 19(3). 243–254. <https://doi.org/10.1080/14688417.2015.1058175>.

Kull', K., Vel'mezova, E. (2018). O paradokse «semi-otiki zhizni»: raboty poslednikh let Iurii Lotmana [The paradox of the ‘semiotics of life’: Yuri Lotman’s later works]. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*, Vol. 9, No 4. 6–14. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-4-1>. (In Russian).

Денис Владимирович ЛАРИОНОВ

| Заметки об аффекте в теории пантомимы Е. Харитонова |

Денис Владимирович ЛАРИОНОВ

Российский Государственный Гуманитарный Университет
125047, ГСП-3, Россия, Москва, Миусская площадь, дом 6

Преподаватель

ORCID 0000-0003-0006-0444

Email: vseimena79@gmail.com

ЗАМЕТКИ ОБ АФФЕКТЕ В ТЕОРИИ ПАНТОМИМЫ Е. ХАРИТОНОВА

Статья посвящена рассмотрению некоторых элементов концепции пантомимы исследователя и неподцензурного писателя Евгения Харитонова (1941–1981), изложенных в его кандидатской диссертации «Пантомима в обучении киноактера» (1972). В отличие от других работ о пантомиме, вышедших в 1960-80-е годы, исследование Харитонова менее известно, так как не предназначалось широкому читателю и никогда не было издано отдельной книгой. Опираясь на структурно-семиотический метод, Харитонов предложил оригинальную концепцию пантомимы, в которой на первый план выходила проблематика аффекта. Специфика подхода Харитонова смещала восприятие знаковой/жестуальной/аффективной проблематики в

сторону большей психологизации, которая с точки зрения сегодняшней теории культуры связана с исследованиями эмоциональности. Обращение к теоретическим построениям Брайана Массуми, Стивена Шавиро, Марка Хансена и Олега Аронсона, где продолжает рассматриваться аффект в делезианском ключе, позволяет актуализировать его имперсональный характер, позволяя говорить скорее об отношениях, чем об эмоциях.

Ключевые слова: неподцензурное искусство, жест, Евгений Харитонов, пантомима, аффект, Брайан Массуми.

47

Многие авторы советской неподцензурной литературы 1960–80-х гг. стремились к междисциплинарности и работали на пересечении художественных и/или исследовательских практик. Ярким примером такого подхода является Евгений Харитонов (1941–1981), который закончил актерский факультет ВГИКа, но в дальнейшем занялся исследованиями теории и практики пантомимы, а сегодня больше известен как писатель, автор единственной (машинописной) книги «Под домашним арестом» (1981), в которую вошли почти все его поэтические, прозаические и драматургические произведения.

Определенная связь между разработанной Харитоновым концепцией пантомимы и его художественными текстами была очевидна для

читателей и исследователей всегда: о «сочетании у Харитонова писательской, исследовательской и режиссерской практик» упоминал знавший его лично Вяч. Вс. Иванов¹, об этом же, но более подробно, писал в статье «Экзистенциальный герой и «невозможное слово» Евгения Харитонова» Кирилл Рогов. Исследователь прямо говорит о конвергенции двух способов выражения, «пластики и пантомимы с экспериментами в области «другой» прозы», и локализует это явление в многообразной советской культуре семидесятых годов² – времени

¹ Харитонов, Е. Под домашним арестом: Собрание произведений. – М.: Глагол, 2005. – С. 547.

² Рогов, К. Экзистенциальный герой и «невозможное слово» Евгения Харитонова // Харитонов Е. Под

Денис Владимирович ЛАРИОНОВ

| Заметки об аффекте в теории пантомимы Е. Харитоновой |

расцвета институций как советской неподцензурной литературы, так советского неподцензурного искусства в целом. Исследователь виртуозно расставляет акценты, то разводя, то сближая письмо и пластическое действие: постулируемый различными теориями пантомимы (начиная с Этьена Декру) «отказ от слова» связывается с «освобождением от драматической рутины», которое становится возможно в результате «рационального, жанрово условного» жеста³. Наконец, Рогов обнаруживает, что «принцип развертывания действия и сюрреально трансформирующееся пространство» в ряде конкретных текстов Харитоновой «ощутимо напоминают стилистику пантомимного спектакля»⁴. В качестве примера он приводит небольшой прозаический текст Харитоновой «Один такой, другой другой», который не только напоминает пантомимический сценарий или либретто (решенный при помощи техники «потока сознания»), но и действительно имеет театрално-пластический эквивалент с похожим названием, по видимому, предназначенный для возможной постановки на сцене. В то же время, взаимное обусловливание пластического действия и инновативного письма характерно для самого известного произведения Евгения Харитоновой – небольшой повести «Духовка» (1969). Как и в харитоновском исследовании пантомимы (о котором будет сказано ниже), в «Духовке» пластическое действие (жест) используется как связанный с телесной обусловленностью человеческого существования знак, который оказывается то аффективным визуальным образом, то маркером приглушенной эмоциональности (фрустрации). В пантомиме и в прозе Хари-

тонова они сходятся в задаче «осуществлении чувства», которая достигается непосредственными движениями тела в ограниченных условиях»⁵. Характеризуя подобную проблематику в прозе и пантомиме Харитоновой, Кирилл Рогов указывает на «плотную эллиптичность речи», которая «созвучна, конечно, праздной <...> простоте быта, <...> в которой все как бы слипается, есть освобождение от усилия рассказывания, постороннего навязанного ритма <...> В сбивчивом ритме эллипсисов проступает единственная неложная причина и пружина речи – аффект, состояния аффекта, приглушенного, но постоянного, в котором пребывает рассказчик»⁶. В подробной и полной множестве точных наблюдений статье Кирилл Рогов ориентируется на литературоведческий принцип анализа текстов, сообразно этому выстраивая и историко-культурные детали, необходимые ему для аргументации. Наш же разбор будет осуществляться, так сказать, с обратной стороны – со стороны пантомимы, для которой – здесь вновь трудно не согласиться с Кириллом Роговым – действительно характерен специфический эстетический опыт, который мы можем назвать миноритарным.

***

Пантомима, которую французский театровед Паскаль Пави связывает с использованием «только пластического языка тела»⁷ и определяет как «серию жестов и движений»⁸, никогда не была на переднем крае советского искус-

домашним арестом: Собрание произведений. – М.: Глагол, 2005. – С. 6.

³ Там же. С. 6-7.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Харитонов, Е. Пантомима в обучении киноактера. – М.: ВГИК, 1972. – С. 9.

⁶ Рогов, К. Экзистенциальный герой и «невозможное слово» Евгения Харитоновой / Харитонов Е. Под домашним арестом: Собрание произведений. – М.: Глагол, 2005. – С. 11.

⁷ Пави, П. Словарь театра. – М.: Прогресс, 1991. – С. 187.

⁸ Там же. С. 183.

Денис Владимирович ЛАРИОНОВ

| Заметки об аффекте в теории пантомимы Е. Харитоновой |

ства и обрела минимальную форму легитимности лишь к началу 1960-х годов, после практически полного упразднения принципов сталинской культурной политики. Но, несмотря на успех отдельных мимов и клоунов-миров, таких как Леонид Енгибаров и Борис Амарантов, или целых неформальных коллективов, таких как «Лицедеи» под руководством Вячеслава Полунина, пантомима в целом воспринималась как политически ненадежный и эстетически чуждый вид искусства. Так, стремясь рассмотреть два этих модуса (политический и эстетический), американская исследовательница Анастасия Кайятос пишет, что используемые в пантомиме «молчание <...> и немота, при всем различии этих состояний, были подозрительны»⁹. Кайятос достаточно подробно рассматривает социальную феноменологию и семиотику молчания, а также использование немоты в советских пантомимических композициях. Мы же хотели бы остановиться на другом элементе пантомимы, а именно – на невербальном комплексе, который, как нетрудно догадаться, выражается в движениях, а, точнее, – в наиболее нюансированном их виде – жестах. По-видимому, плавильным тиглем для разработки и концептуализации подобных жестов, который был использован в последующей пантомимической практике, был широкий и разнообразный контекст свободного танца, столь подробно исследованный Ириной Сироткиной в монографии «Свободный танец в России». Один из очерков в ее книге посвящен Александру Румневу, который прошел путь от яркого танцовщика пореволюционных лет до профессора Всероссийского института кинематографии и создателя пантомимической студии «Эктемим».

⁹ Кайятос, А. Говорящие в беззвучии: скорее молчаливы, чем немые // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – С. 213–234.

Ссылаясь на воспоминания Н.Е. Шереметьевской, Сироткина подчеркивает, что уже в 1920-е годы «на фоне физкультурников Румнев выглядел анахронизмом»¹⁰, та же тематизация исключенности, в том числе из советского гендерного порядка (Румнев был гомосексуалом), была характерна и для актерской техники эпизодических ролей, сыгранных им в 1940-е годы (маркиз Па-Де-Труа в «Золушке» (1947) Надежды Кошеверовой и Михаила Шапиро, иностранный посол в «Иване Грозном» (1945) Сергея Эйзенштейна etc.).

Несмотря на межеумочное положение пантомимы в системе советской культуры, ее теоретический контекст достаточно широк и включает, как оригинальные теоретические исследования, так и методические пособия, большая часть которых была опубликована в 1960-80-х гг. В рамках данной статьи нас интересует концепция пантомимы Евгения Харитоновой, который, был учеником Александра Румнева, в чьих работах отсутствовала «жесткость построения, специальная техника, которую надо было муштровать, инженерная изобретательность» в пользу выразительности и непринужденности пластического жеста. Впрочем, было бы наивно считать, что сопряженный с социальной и экзистенциальной исключенностью исследовательский интерес к пластической стороне исполнительских (перформативных) практик, наследуется по прямой, от учителя к ученику. Скорее, Румнева и Харитоновой в одинаковой мере привлекала возможность выразить в пластических жестах тот смутный, миноритарный эстетический опыт, при котором «образы <...> еще не стали знаками, еще не участвуют в производ-

¹⁰ Сироткина, И. Свободный танец в России: История и философия. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – С. 112.

Денис Владимирович ЛАРИОНОВ

| Заметки об аффекте в теории пантомимы Е. Харитоновой |

стве какого-либо смысла»¹¹; но, если Румнев реализует их в своей артистической, исполнительской деятельности, то Харитонов рассматривает в исследовательских работах и литературных текстах. Он сделал свободное выразительное движение предметом своего писательского творчества и исследовательской работы, достаточно сильно отличающейся от других пантомимических концепций, которые разрабатывались целым рядом исследователей и практиков (кроме уже упомянутых Александра Румнева, можно назвать имена Рудольфа Славского¹², Ильи Рутберга¹³ и Елены Марковой¹⁴).

***

Сосредоточимся на небольшом фрагменте из диссертации Евгения Харитоновой «Пантомима в обучении киноактера», подглаве «О методе рассмотрения пантомимы», на первый взгляд выполняющей сугубо служебную роль, кратко обрисовывая методологические основания всей работы, но взятый нами ракурс рассмотрения позволяет расширить контекст частного случая исследования возможностей пластического жеста. Ориентируясь не на общекультурное, как, например, Илья Рутберг, а на структуралистское понимание жеста, Харитонов достаточно органично вводит в свое исследование семиотические методы. В одной из наших предыдущих работ мы уже кратко рас-

сматривали отдельные элементы структурно-семиотического подхода в работе Харитоновой¹⁵. В рамках настоящей статьи хотелось бы сделать еще один шаг в сторону и, еще более углубившись в то, что Ханс Ульрих Гумбрехт назвал «культурой присутствия»¹⁶, рассмотреть поставленные Харитоновым проблемы в ином ракурсе. Заостряя методологический конфликт, обратимся к словам канадского философа Брайана Массуми, который прямо заявляет, что «осмысление образа в его соотношении с языком будет незавершенным, если оно оперирует только на семантическом или семиотическом уровне <...>»¹⁷. Именно с этими уровнями работает большинство названных выше исследователей пантомимы, вычлняя смысловой рисунок из того или иного «события выражения», при этом ограничивая его бинарной природой знака, пребывающего в ожидании интерпретации. Отрицающий же «установку на знаковую» Харитонов заявляет, что «значение в пантомиме <...> устанавливаем из внутриконтрапозиционной роли знака, как если бы он не мог соотноситься ни с чем вне пластической композиции»¹⁸. Другими словами, происходящее в пантомиме не рассматривается с привлечением социальных, психологических или эмоциональных обобщений. При этом, Харитонов использует для теоретического обоснования своей концепции пантомимы некоторые элементы

¹¹ Аронсон, О. Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия). – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С.330

¹² Славский, Р.Е. Искусство пантомимы. – М.: Искусство, 1962.

¹³ Рутберг, И.Г. Искусство пантомимы: пантомима как форма театра (учебное пособие для режиссёров театров и ансамблей пантомимы). Всесоюзный институт повышения квалификации работников культуры, 1989.

¹⁴ Маркова, Е.В. Современная зарубежная пантомима. La mime. – М.: Искусство, 1985.

¹⁵ Ларионов, Д. Непрочитанная пантомима: диссертация Евгения Харитоновой в контексте его художественного творчества и советских теорий танца // Шаги / Steps. – 2017. – № 1. – С. 185–198.

¹⁶ Гумбрехт, Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2006. – С. 86.

¹⁷ Массуми, Б. Автономия аффекта / Пер. с англ. Г. Г. Коломийца // Философский журнал / Philosophy Journal. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 114.

¹⁸ Харитонов, Е. Пантомима в обучении киноактера. – М.: ВГИК, 1972. – С. 21.

Денис Владимирович ЛАРИОНОВ

| Заметки об аффекте в теории пантомимы Е. Харитоновой |

структуралистской объяснительной модели. Так, например, он извлекает из программной статьи Юрия Лотмана «О проблеме значений во вторичных моделирующих системах» тезис о существовании своего рода «аутопоэтических» моделей, «в которых значение образуется имманентно, внутри одной системы»¹⁹. Лотман относит к таковым системам математические выражения и произведения непрограммной академической музыки, Харитонов же считает ее приемлемой для того, чтобы в самом общем виде обозначить основной принцип своей концепции пантомимы. Может показаться, что жест, заключенный в замкнутую, не предполагающую внешней коммуникации и интерпретации систему, предназначен для каких-то случайных абсурдистских аллегорий, испытывающих на прочность терпение зрителя. Но это не так. Парадоксальным образом, семантическая замкнутость свидетельствует о радикальной открытости «осмыслению нового», которое Брайан Массуми связывает с понятием интенсивности, но, прежде чем обсудить подробнее это понятие применительно к нашей теме, еще раз вернемся к событийности, которую, вытеснив структуру, стремится уловить и описать Массуми. В одном из фрагментов диссертации Харитонova можно найти неожиданную иллюстрацию тезиса канадского философа. Он пишет о том, что пантомима предполагает «изъявление себя в телесных действиях», которые являются «простыми и непосредственными<...>», не предполагаю-

¹⁹ Там же. С. 20. Интересно, что похожий принцип описывает Эрика Фишер-Лихте, рассматривая специфику новейших перформативных жанров (например, перформенса или хеппенинга): «Материальность происходящего не приобретает статус знака, растворяясь в нем, а воздействует самостоятельно, то есть независимо от знакового аспекта действия. (Фишер-Лихте, Э. Эстетика перформативности. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2021. – С. 34).

щими (дополнительного) значения, но связанными с «желанием получить телесное удовольствие от надевания приятно тяжелого и блестящего предмета» (речь идет о пантомиме «Убийство Гонзаго»)²⁰. Харитонов порывает с миметической направленностью пантомимы, сосредотачиваясь, говоря словами Брайана Массуми, на «избытке», который образуется в результате нарративного разрыва. Для Массуми подобный избыток дает о себе знать еще до того, как субъект рационально осознает происходящее («поскольку кожа [действует] быстрее, чем речь»²¹). Как и Массуми, Харитонов делает выбор в пользу «непосредственного действия» (а не «жестикуляции для обозначения чего-то лежащего за пределами этого жеста»²²), позволяющего проявить силу длительности «эффекта» воздействия того или иного знака (жеста, образа). Подобный эстетический опыт, полагает американский философ Стивен Шавиро, процессуален, случаен и мимолетен»²³. Используемый в пантомиме Харитонova непосредственный выразительный знак «задевает меня, однако я, в свою очередь, не способен схватить, познать или удержать его»²⁴.

***

Обсуждая предпринятый Кириллом Роговым анализ пластических элементов в прозе Евгения Харитонova, мы упомянули понятие «аффект», которым пользуется исследователь.

²⁰ Харитонов, Е. Пантомима в обучении киноактера. – М.: ВГИК, 1972. – С. 17.

²¹ Массуми, Б. Автономия аффекта / Пер. с англ. Г. Г. Коломийца // Философский журнал / Philosophy Journal. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 113.

²² Харитонов, Е. Пантомима в обучении киноактера. – М.: ВГИК, 1972. – С. 20.

²³ Шавиро, С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делез и эстетика / С. Шавиро; пер. с англ. О.С.Мышкина. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – С. 21.

²⁴ Там же.

Денис Владимирович ЛАРИОНОВ

| Заметки об аффекте в теории пантомимы Е. Харитонова |

Обращение – пусть и краткое – к этой проблематике можно считать еще одним из достоинств пронизательной статьи Рогова, но само понимание аффекта должно быть уточнено, исходя из нашей задачи и специфики кроссжанрового подхода самого Харитонова. По-видимому, Рогов рассматривает аффект как некое обобщенное обозначение эмоционального опыта персонажа, тогда как для нас большее значение имеет восприятие аффекта, сформированное в рамках подхода Ж. Делеза. Развивая Спинозистское восприятие аффекта как воздействия, Делез и Гваттари, по словам Брайана Отта, воспринимают аффект как «модус мышления, который можно считать нерепрезентативным»²⁵. На первый план выходит способность тела воздействовать и подвергаться воздействию «материальных сил», позволяющих телам переходить из одного состояния в другое²⁶. Пантомимический спектакль, который, как и любое перформативное представление, связан с тем, что «актеры и зрители должны собраться в определенном месте на определенный период времени для совершения определенных действий»²⁷, то есть воздействовать друг на друга и претерпевать воздействия, можно считать актуализацией обозначенного выше подхода. С подобной установкой, но уже в плане рецепции, Харитонов связывает действие визуальных искусств в диапазоне от кинематографа до пантомимы: по его мнению, их основной задачей оказывается «проигрывание телесного аффекта», который оказывается «необходимым выходом к природе тела через игру», а также «удовлетворением по-

требности художника – пережить этот аффект и потребности зрителя – сопережить его»²⁸.

«...Будем считать интенсивность и аффект тождественными»²⁹ – предлагает Брайан Массуми, которому принадлежит развивающая Делеза оригинальная концепция аффекта, имеющего отчетливо материалистическую природу. Массуми противопоставляет эмоцию и аффект, причем последний, по словам философа Марка Хансена, «задает направление <...> от слишком человеческого и слишком когнитивного <...> существа»³⁰. Не соглашаясь с известной теоретической позицией Фредерика Джеймисона о свертывании аффекта в постмодернистской культуре, Массуми полагает, что философия и теория культуры еще не начали в полную силу работать с измерением интенсивности (аффекта), для которого попросту «нет словаря»³¹. Так, например, рассматривая заявленную выше теоретико-методическую проблематику Евгения Харитонова, мы поневоле оказываемся на территории «культуры значения», от которой стремится дистанцироваться упомянутый выше Х.У.Гумбрехт. Подобная ситуация хорошо видна на примере диссертации Евгения Харитонова, в которой достаточно неожиданное содержание, резонирующее с *performance studies*, обсуждается на анахроничном языке советского искусствоведения. Так, например, одна из важнейших прагматических

²⁵ Ott, Br. (2017). *Affect. Oxford Research Encyclopedia of Communication*. 9.

²⁶ Ibid.

²⁷ Фишер-Лихте, Э. Эстетика перформативности. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. – С. 61.

²⁸ Харитонов, Е. Пантомима в обучении киноактера. – М.: ВГИК, 1972. – С. 13.

²⁹ Массуми, Б. Автономия аффекта / Пер. с англ. Г. Г. Коломийца // *Философский журнал / Philosophy Journal*. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 114.

³⁰ Хансен, М. Б. Проблемы аффективного поворота: как забыть Спинозу. URL: <http://s357a.blogspot.com/2017/11/blog-post.html> (дата обращения: 30.08.2021).

³¹ Массуми, Б. Автономия аффекта / Пер. с англ. Г. Г. Коломийца // *Философский журнал / Philosophy Journal*. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 114.

Денис Владимирович ЛАРИОНОВ

| Заметки об аффекте в теории пантомимы Е. Харитоновой |

целей пантомимы, согласно Харитонову, это «избывание чувства, желающего по своей природе избываться публично»³². На первый взгляд кажется, что в этой тавтологичной формулировке речь идет о психологической реальности эмоций, но харитоновское «чувство» не субстанционально, являясь избытком, образующимся в результате взаимного воздействия тел друг на друга. Говоря об избытке (или «виртуальном избытке») Брайан Массуми выходит в проблемную область аффекта, стремясь говорить о таком типе опыта, который «не может переживаться непосредственно»³³, а пластика и письмо Евгения Харитонova показывают, как этот опыт может быть осуществлен в рамках процедур искусства.

Список литературы

Харитонов, Е. Под домашним арестом: Собрание произведений. – М.: Глагол, 2005. – 560 с.

Харитонов, Е. Пантомима в обучении киноактера. – М.: ВГИК, 1972. – 220 с.

Пави, П. Словарь театра. – М.: Прогресс, 1991. – 504 с.

Кайатос, А. Говорящие в беззвучии: скорее молчаливы, чем немые // Журнал исследований социальной политики, 2012. – С. 213–234.

Сироткина, И. Свободный танец в России: История и философия. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 424 с.

Аронсон, О. Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия). – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 384 с.

Славский, Р.Е. Искусство пантомимы. – М.: Искусство, 1962. – 140 с.

Рутберг, И.Г. Искусство пантомимы: пантомима как форма театра (учебное пособие для режиссёров театров и ансамблей пантомимы). – М.: Всесоюзный институт повышения квалификации работников культуры, 1989. – 125 с.

Маркова, Е.В. Современная зарубежная пантомима. La mime. – М.: Искусство, 1985. – 206 с.

Ларионов, Д. Непрочитанная пантомима: диссертация Евгения Харитонova в контексте его художественного творчества и советских теорий танца // Шаги / Steps. – 2017. – № 1. – С. 185–198.

Гумбрехт, Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2006. – 184 с.

Массуми, Б. Автономия аффекта / Пер. с англ. Г. Г. Коломийца // Философский журнал / Philosophy Journal. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 111–133.

Шавиро, С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делез и эстетика / С. Шавиро; пер. с англ. О.С. Мышкина. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 210 с.

Ott, Br. (2017). Affect. *Oxford Research Encyclopedia of Communication*, 1–26.

Фишер-Лихте, Э. Эстетика перформативности. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2021. – 384 с.

Хансен, М.Б. Проблемы аффективного поворота: как забыть Спинозу. URL: <http://s357a.blogspot.com/2017/11/blog-post.html> (дата обращения: 30.08.2021).

³² Харитонов, Е. Пантомима в обучении киноактера. – М.: ВГИК, 1972. – С. 19.

³³ Массуми, Б. Автономия аффекта / Пер. с англ. Г. Г. Коломийца // Философский журнал / Philosophy Journal. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 114.

Denis V. LARIONOV

| Notes about Affect in the E. Kharitonov's Theory of Pantomime |

Denis V. LARIONOV

Russian State University for the Humanities
 Miuskaya square, 6, GSP-3, Moscow, Russia, 125047
 Lecturer

E-mail: vseimena79@gmail.com
 ORCID 0000-0003-0006-0444

NOTES ABOUT AFFECT IN THE E. KHARITONOV'S THEORY OF PANTOMIME

The article is devoted to the consideration of some elements of the concept of pantomime by the researcher and uncensored writer Yevgeny Kharitonov (1941–1981), set out in his Ph.D. thesis “Pantomime in training a film actor” (1972). Unlike other works on pantomime that came out in the 1960s and 80s, Kharitonov's research is less known, since it was not intended for the general reader and was never published as a separate book. Based on the structural-semiotic method, Kharitonov proposed an original concept of pantomime, in which the problem of affect came to the fore. But the specificity of Kharitonov's approach shifted the percep-

tion of sign / gestural / affective problems towards greater psychologization, which, from the point of view of today's cultural theory, is associated with the study of emotionality. Turning to the theoretical constructions of Brian Massumi, Stephen Shaviro, Mark Hansen and Oleg Aronson, who continue to consider affect in the Deleusian way, allows us to actualize its impersonal character, allowing us to speak more about relationships than about emotions.

Key words: uncensored art, gesture, Evgeny Kharitonov, pantomime, affect, Brian Massumi.

References

Kharitonov, E. (2005). Pod domashnim arestom: Sobranie proizvedenij [Under House Arrest: Collected Works]. Glagol. (In Russian).

Kharitonov, E. (1972). Pantomima v obuchenii kinoaktera [Pantomime in film actor training]. VGIK. (In Russian).

Pavi, P. (1991). Slovar' teatra [The vocabulary of theatre]. Progress. (In Russian).

Kajatos, A. (2012). Govoryashchie v bezzvuchii: skoree molchalivy, chem nemy [Sooner speaking than silent, sooner silent than mute]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, 10(2). 213–234. (In Russian).

Sirotkina, I. (2021). Svobodnyj tanec v Rossii: Istoriya i filosofiya [Free Dance in Russia: History and Philosophy]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).

Aronson, O. (2007). Kommunikativnyj obraz (Kino. Literatura. Filosofiya) [Communicative image (Cinema. Literature. Philosophy)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).

Slavskij, R.E. (1962). Iskusstvo pantomimy [The art of pantomime]. Iskusstvo. (In Russian).

Rutberg, I.G. (1989). Iskusstvo pantomimy: pantomima kak forma teatra (uchebnoe posobie dlja rezhissjorov teatrov i ansamblej pantomimy) [The art of pantomime: pantomime as a form of theater (a textbook for directors of theaters and pantomime ensembles)]. Vsesojuznyj institut povyshenija kvalifikacii rabotnikov kul'tury. (In Russian).

Markova, E.V. (1985). Sovremennaja zarubezhnaja pantomima. La mime [Contemporary foreign pantomime]. Iskusstvo. (In Russian).

Larionov, D. (2017). Neprochitannaja pantomima: dissertacija Evgenija Haritonova v kontekste ego hudozhestvennogo tvorcestva i sovetskih teorij tanca [Unread pantomime: Yevgeny Kharitonov's dissertation in the context of his artistic work and Soviet dance theories]. *Shagi / Steps*, 1. 185–198. (In Russian).

Gumbrecht, H.U. (2006). Proizvodstvo prisutstviya: chego ne mozhet peredat' znachenie [Manufacturing presence: what meaning cannot convey]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. (In Russian).

Denis V. LARIONOV

| Notes about Affect in the E. Kharitonov's Theory of Pantomime |

Massumi, B. (2020). Avtonomiya affekta [The autonomy of affect]. *Filosofskij zhurnal / Philosophy Journal*, 13(3). 111–133. (In Russian).

Shaviro, S. (2018). Vne kriteriev: Kant, Uajthed, Del'ekh i estetika [Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze, and Aesthetics]. Gile Press. (In Russian).

Ott, Br. (2017). Affect. *Oxford Research Encyclopedia of Communication*, 1–26.

Fisher-Lihte, E. (2021). Estetika performativnosti [The aesthetics of performance]. «Kanon+», ROOI «Reabilitaciya». (In Russian).

Hansen, M.B. (2017). Problemy affektivnogo povorota: kak zabyt' Spinozu [Feelings without Feelers, or Affectivity as Environmental Force] <http://s357a.blogspot.com/2017/11/blog-post.html> (Retrieved August 30, 2021). (In Russian).

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

| Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности |

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

Институт философии Российской академии наук (ИФ РАН)
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Аспирантка сектора эстетики

E-mail: lana.uzar@gmail.com

ORCID 0000-0002-4248-3165

МАТЕРИАЛИЗМ П. А. КРОПОТКИНА: ЭКОЛОГИЯ, АНТИКОЛОНИАЛИЗМ И ЭСТЕТИКА ОБЩНОСТИ

В данной статье проводится анализ сочинений П. А. Кропоткина с точки зрения философских идей антропоцена. Данная статья акцентирует внимание на связи экологии, деколониальности и эстетики. Кропоткин мыслил природу как динамическую систему, развитие которой представляет собой прогресс, но не в классическом смысле. Классическое и одновременно колониальное представление о развитии носит линейный характер, который представляется как универсальный. Это значит, что колониальное государство, захватывая новые пространства (земли), распространяет свое представление о времени (развитии) на захваченных территориях. Данный универсализм оправдывает в глазах колонизатора его политику: извлечение ресурсов, отчуждение земли, эксплуатацию коренного населения. Образ жизни последнего мыслится как «традиционный», требующий модернизации. А носители его – как «отсталые» от цивилизации и неподвижные. Кропоткин дает понять, что прогресс – это дифференциация, появление новых форм или образов жизни, а не модернизация. Он наблюдал за экосистемами в экспедициях по Сибири и Маньчжурии и изучил обширный материал эволюционной биологии, антропологии, геологии, географии и т.д. Итогом этих исследований стало открытие принципа первостепенной важности взаимной помощи среди живых организмов, а не борьбы друг с другом за выживание. Чувственной основой этого принципа

может служить общность как «аффективная инфраструктура», помогающая выстраивать сценарии будущего при помощи переживания чувственного опыта совместности. Принцип взаимной помощи также указывает на невозможность классической линейной схемы развития от простого к сложному, что приводит нас к тезису о неверном делении культур на «традиционные» и «цивилизованные»: часто этот принцип в наиболее совершенной форме обнаруживается у «низших» животных, в том числе насекомых. То, что мы считаем «цивилизацией», наоборот, является нежелательным, потому что лишает нас возможностей выживания. Причина тому – нарушение принципа взаимной помощи путем создания государств и формирования частной собственности. В исторической науке, по замечанию Кропоткина, также центральное место занимают войны, и очень мало внимания уделено ежедневным практикам людей. Рассказывание истории сквозь призму победоносных войн европейских государств является одной из форм колониальной политики, в рамках которой война нормализуется и считается справедливой.

Ключевые слова: колониализм, переселенческий колониализм, анархизм, коммунизм, взаимная помощь, эволюция, линейное время, прогрессизм, империализм, права животных, колониальный музей, война.

Современный интерес к работам П. А. Кропоткина объясняется тем,

что в его текстах прослеживается энвайронменталистский подход к природе. Некоторые ис-

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

| Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности |

следователи даже называют его первым экологом. Для философии и эстетической теории его фигура важна именно по причине того, что современное состояние природы является экологической катастрофой. Поскольку это и есть условие современной жизни, философия использует свои инструменты для того, чтобы его осмыслить. В 1980 году биолог Ю. Ф. Стормер ввел понятие «антропоцен», чтобы обозначить эпоху в истории Земли, которая отмечена беспрецедентно высокой степенью влияния человека на окружающий мир, а популяризирован термин был метеорологом П. Крутценом в 2000-е годы. «Антропоценом» также называют исследовательскую рамку, в которой работают специалисты из различных, в том числе гуманитарных, дисциплин, чьей исходной точкой служит ответственность за экологический кризис. Таким образом данное сообщество ученых сосредоточено на том, чтобы изобретать новые модели мышления о мире, которые бы выходили за пределы предшествующих идей в истории западной мысли, которые, в сущности, оправдывали бы экономические и политические проекты, приведшие к планетарному кризису. К ним относятся: оппозиция «разум vs тело», представление о неизменности и гармоничности природы, некритичное понимание прогресса, а также антропо- и евроцентризм. Термин «антропоцен», тем не менее, критикуется с точки зрения того, что в нем не учитывается различие между влиянием на окружающую среду со стороны больших западных корпораций или колониальных проектов. Поэтому сегодня термин «антропоцен» специфицируется и получает другие названия в рамках гуманитарных исследований – например, «капиталоцен» и «плантациоцен».

Кропоткин уже в свое время следовал этому пути в построении своей биологической

и социальной теорий. Известно, что он занимался географическими штудиями, биологией, экологией, антропологией, изучал поведение животных и различные экосистемы. Для современных экологических дискуссий важно то, что Кропоткин уже в середине XIX века, в кооперации со своим коллегой, географом и теоретиком анархизма Э. Реклю, выдвинул тезис о динамическом характере развития природных систем – как самой планеты, так и населяющих ее организмов. Их оппоненты прибегали к метафоре «организма» при описании природы. В основе этих концепций лежит представление о статичности законов развития природы, о гармонии и балансе, заложенных в её устройство. Нередко эта парадигма накладывалась также и на общество. Кропоткин не поддерживал этот взгляд на природу, склоняясь к тому, что в ней всё изменчиво, нет никаких заданных принципов, в процессе жизни появляются новые характеристики и типы поведения или развития¹. Помимо чисто научного значения этого подхода, который обозначал приверженность эволюционной теории и механическому пониманию природы,

¹ «Каждый вид постоянно стремится к расширению своего местожительства, и переселения в новые местожительства являются общим правилом, как для быстролетающей птицы, так и для медлительной улитки. Затем в каждом данном пространстве земной поверхности постоянно совершаются физические изменения, и характерною чертою новых разновидностей среди животных, в громадном числе случаев – пожалуй, в большинстве – бывает вовсе не появление новых приспособлений для выхватывания пищи изо рта сородичей – пища является лишь одним из сотни разнообразных условия существования, – но, как сам Уоллэс показал в прекрасном параграфе «о расхождении характеров», началом новой разновидности бывает образование новых привычек, передвижения в новые местожительства и переход к новым видам пищи» (Кропоткин, П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. – Москва: Самообразование, 2007. – С. 61).

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

| Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности |

у него было также политическое измерение. «Организмическое» представление о неизменной природе, находящейся в состоянии равновесия, называют консервативным, так как оно предполагает, что любая человеческая активность враждебна для неё. В рамках этой позиции нет дифференциации человеческой деятельности, поэтому стирается грань между, к примеру, активностью по извлечению ресурсов со стороны колонизаторов и хозяйственной деятельностью коренного населения. Кропоткин не был носителем такого мышления, он использовал энвайронменталистский подход: фокусировал внимание на том, как окружающая среда влияет на развитие животных и растений, а также, как общественные институты сказываются на характере поведения людей.

Для раскрытия экологической теории П. Кропоткина мы будем использовать его антиколониальные идеи. Для этого стоит привести несколько теоретических решений, разработанных в деколониальной мысли. Можно классифицировать в самом общем виде те сферы, на которые распространяется власть колониального государства. Среди них – пространство (земля), время (темпоральность), тело, культура (язык, визуальность, память). В случае Российской империи мы имеем дело с переселенческим колониализмом (settler colonialism)². У этого вида распространения колониальной власти есть несколько измерений, и не всегда они в точности повторяются на разных территориях. Между Российской империей и Европой есть, как и пересечения, так и различия. Среди наиболее общих принципов – необходимость постоянного расширения владения землей на колонизированной территории и её заселение.

² (2017). Russian Settler Colonialism. In Cavanagh E., Veracini L (Eds.) *The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism*. Routledge. 314–315.

Причем, процесс переселения не происходит по принципу соседства, а предъявляет требования к коренному населению по реорганизации уже устоявшегося жизненного порядка³. Изначально, как отмечает А. Моррисон, Сибирь была охвачена «бюрократической колонизацией» – после пугачевщины и вплоть до назначения М. М. Сперанского в качестве генерал-губернатора Сибири. Как известно, до институционализированного колониального переселения Сибирь была ссыльной зоной, куда просто отправляли неугодных императорскому режиму людей. Затем переселенческая деятельность приобрела более централизованный характер, когда государственных крестьян стали переселять в Сибирь с целью более организованной и масштабной деятельности по обработке земли. В 1896 году было создано Переселенческое управление Министерства внутренних дел, что, по словам А. Моррисона, «ознаменовало реальный поворотный момент в политике колонизации и начало систематической, технократической, государственной политики вывоза крестьян из перенаселенных центральных сельскохозяйственных и черноземных регионов Европейской России в Сибирь, азиатские степи и Туркестан»⁴. Как известно, П. А. Кропоткин ездил в экспедицию в Сибирь, после чего, по его словам, и стал идентифицировать себя как анархиста.

Что касается времени, то оно неотделимо от пространства. У представлений о прошлом и будущем всегда есть пространственное измерение – «позади» и «впереди». Их соединение

³ Wolfe, P. (2006). Settler colonialism and the elimination of the native. *Journal of Genocide Research*, 8(4). 389. DOI:10.1080/14623520601056240

⁴ Цит. по: (2017). Russian Settler Colonialism. In Cavanagh E., Veracini L (Eds.) *The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism*. Routledge. 316.

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

| Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности |

представляет собой некий объемный континуум, в котором сосуществуют несколько «времен» в соответствии с отношением носителя времени к пространству. Проще говоря, у колонизатора одно время, а у колонизированного – другое. И первый становится таковым именно благодаря его конкретным отношениям со временем: есть все основания полагать, что именно изобретение механических часов поспособствовало тому, что несколько европейских стран из локализованных и строго очерченных пространств превратились в мировых гегемонов, чье пространство уже перестало быть ограниченным. Возможность более или менее точно измерять время имеет ключевое значение для передвижения на обширных территориях, в случае с европейской колонизацией – по морю. Далее европейская временная гегемония замещает собой другие темпоральности. Как пишет Дж. Нанни, есть идеологическое и экономическое измерения колонизации времени⁵. С одной стороны, европейцы, будучи уже носителями математизированного времени, считали, что многие не-европейские общества недостаточно внимательны к «течению времени», что оправдывало миссионерскую деятельность по «привнесению времени» в эти культуры. С другой стороны, накладывание европейского представления о времени было выгодно с экономической точки зрения – за счет этого повышалась продуктивность хозяйственной деятельности, поскольку время приобретало линейный характер, нарушая локальные ритмы и ритуалы коренного населения. «Часы объективируют время и делают плоскими все опытные представ-

ления о времени»⁶, – замечает художница и теоретик афрофутуризма Рашида Филлипс. Тот факт, что математизированная линейная конструкция времени используется в качестве элемента колониального насилия, отражается и в современной терминологии, которую использует российское государство относительно коренных народов. Как пишут С. Шестакова и Б. Бхандар, именно колонизатор решает, какие сообщества рассматривать в качестве коренного насилия – а именно по признаку занятия «традиционным» хозяйством. То есть, коренное население представляется как отстающее от своего «цивилизатора» по линейной шкале времени. И более того: они мыслятся как менее склонные к изменчивости, статичные. Об этом свидетельствует тот факт, что, например, в России для признания народа в качестве коренного, его представители должны заниматься определенным видом хозяйства, что исключает из этой группы городских жителей⁷. «Требования коренных народов о правах на землю редуцируются и формулируются на языке суверенной территории, нации и концепции культуры, которая является синонимом неизменных, статичных традиций»⁸. Так, в этой парадигме общества располагаются по шкале от «традицион-

⁵ Nanni, G. *The Colonisation of time. Ritual, Routine and Resistance In the British Empire*. Manchester University Press, 2012.

⁶ Phillips, R. *Placing Time, Timing Place: Dismantling the Master's Map and Clock* // *The Funambulist*. URL: <https://thefunambulist.net/magazine/cartography-power/placing-time-timing-space-dismantling-masters-map-clock-rasheedah-phillips> (accessed: 12.09.2021).

⁷ Shestakova, S. *The Heterogeneous Temporalities of Russia's Colonialism* // *PARSE*. URL: <https://parsejournal.com/article/the-heterogeneous-temporalities-of-russias-colonial-ism/?fbclid=IwAR1RXFFilh06aWyrxhe3Z6ixqZuhly6Gw45TagazAeRe3lq3FOCzaUWbDGGE> (accessed: 12.09.2021).

⁸ Bhandar, B. (2011). *Plasticity and Post-Colonial Recognition: 'Owning, Knowing and Being'*. *Law Critique*, 22 (3). DOI:10.1007/s10978-011-9089-y

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

| Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности |

ных» (отсталых) до «цивилизованных» (развитых). По выражению В. Миньоло, колониализм превращает географию в хронологию⁹ и, в сущности, делокализует европейский субъект. Это создает иллюзию его универсальности, развитости и возможности «измерять» другие культуры в зависимости от положения на шкале линейного времени. Пространство переводится во время.

Исследователи замечают¹⁰, что в XIX веке именно в анархистской географии, представителями которой были Э. Реклю и П. Кропоткин, были сделаны ранние теоретические разработки относительно колониализма и евроцентризма. Для них эти явления, прежде всего, были связаны с милитаризмом и национализмом. Реклю жестко критиковал колониальное насилие Франции, откуда был родом, над Африкой и Юго-Восточной Азией. Он указывал на оправдательный характер вышеописанной конструкции «варварство vs цивилизация»: «Чтобы судить о моральных ценностях народов-завоевателей, достаточно взглянуть на деятельность европейских государств, занимающихся обсуждением того, как делить мир. Они напоминают воронов, которые собираются вокруг труп и берут по одному куску каждый. Это то, что на их языке называется "триумфом цивилизации над варварством". Набеги и массовые убийства – это отважные подвиги воров и убийц, которые не могут не вызывать гордости у их сограждан»¹¹. Антиколониальный характер сочинений Реклю сопровождался антирасистскими размышлениями, в частности, он выступал против рабства в Америках. Кропоткин из-

давал газету «Freedom» в Англии, через которую сотрудничал с большим количеством активистов против колониальной политики – как западной, так российской. Там, к примеру, освещались проблемы антисемитизма в Российской империи, освободительные движения среди народов Кавказа, а также Украины, Польши, Финляндии, Греции. Так, несмотря на то, что Кропоткин не считается классиком деколониальной мысли, необходимо внимательнее приглядеться к его тезисам относительно географии и антропологии, в которых можно обнаружить одну из линий зарождавшейся в то время антиколониальной теории. Что важно – именно в рамках анархистской литературы и политики.

В сочинениях Кропоткина тема антиколониализма содержится имплицитно. Нужно заранее отметить, что он, в силу принадлежности научному дискурсу своей эпохи, пользуется устаревшими понятиями и конструкциями – такими как «варвары», «дикари» и некритично использует понятие «расы». Тем не менее, оговаривается, что он использует понятие «варварство» именно в качестве исторического периода, предшествующего образованию государств. Понятие «взаимной помощи», развитое Кропоткиным в одноименной работе, является ключом к его антиколониальной мысли. Теоретики эволюционной теории, по-своему интерпретируя понятийный аппарат Ч. Дарвина, рассматривали в качестве движущего фактора эволюции ожесточенную борьбу за существование, сузив ее смысл и наделив статусом высшего и универсального закона жизни как человеческих, так и нечеловеческих животных. В действительности же Кропоткин, в результате исследования животного мира в Сибири, показывает, что там борьба животных за существование направлена не на других животных, а против трудных для выживания климатических усло-

⁹ Глостанова, М. Деколониальные гендерные эпистемологии. – М: ООО «ИПЦ “Маска”», 2009. – С. 66.

¹⁰ Ferretti, F. *Anarchy and Geography. Reclus and Kropotkin in the UK*. Routledge, 2019. 120.

¹¹ Ibid. P. 121.

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

| Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности |

вий – в связи с этим наблюдается много приспособлений для борьбы¹². Но эта борьба не индивидуальная, а коллективная. Можно возразить, что это – специфика Сибири, где численность животных ниже, чем в более благоприятных для выживания регионов, но Кропоткин свидетельствует о тех же принципах борьбы за существование и в регионах Амурской и Уссурийской областей, отличавшихся густой заселенностью животными. Итак, основной принцип, наблюдаемый Кропоткиным в животном мире – это борьба за существование путем взаимной помощи. В этом смысле он продолжает аргументацию Дарвина о том, что одно из важнейших условий выживания – это развитость умственных способностей, обеспечивающаяся за счет установления прочных общественных связей. «„Наиболее приспособленными“, наилучше приспособленными для борьбы со всеми враждебными элементами, оказываются, таким образом, самые общительные животные, – так что общительность можно принять главным фактором эволюции – главным условием прогрессивного развития, как непосредственно, потому что он обеспечивает благосостояние вида, вместе с уменьшением бесполезной растраты энергии, так и косвенно, потому что он благоприятствует росту умственных способностей»¹³. Вместе со склонностью к общению развивается и коллективное чувство справедливости, поскольку в ином случае животные нарушали бы условие общности, ставили бы

личный интерес над коллективным – как следствие, не могли бы выжить. Одни из самых «умственно-развитых» животных, по замечанию Кропоткина, – это муравьи. Их коллективность получила эволюционную реализацию на уровне пищеварительных органов. Они состоят из двух отделов: содержимое одного предназначено для питания самого муравья, а второго – для коллектива. Если муравей, имея наполненный «индивидуальный» отдел пожадничал и не поделился содержимым «коллективного», его существование ставится под вопрос. Следовательно – и существование общины. А без общины, как было показано, невозможно и индивидуальное выживание¹⁴.

Те же самые принципы он отмечает и на человеческом уровне, не проводя, таким образом, жесткого разграничения между животным и человеческим миром¹⁵. «Общественный инстинкт» – так он называл стремление живых организмов к взаимной помощи, это и есть то, что объединяет человеческих и нечеловеческих животных, поскольку обеспечивает их жизненную устойчивость. Важно также то, что Э. Реклю и П. Кропоткин политизировали вегетарианство с точки зрения анархизма¹⁶. Реклю в своем

¹⁴ Там же. С. 35.

¹⁵ «Очевидно, что эти взгляды Дарвина будут признаны правильными только теми, кто признает, что умственные способности животных отличаются от тех же способностей человека лишь степенью их развития, а не по существу» (Кропоткин, П. А. Этика. – М: Политиздат, 1991. – С. 47.)

¹⁶ В Большой Советской Энциклопедии вегетарианство рассматривалось как элемент буржуазной идеологии («Вегетарианство получило широкое распространение в Европе в 1-й половине XIX в. (особенно в странах, где растительная пища, включая и плоды, была наиболее доступна широким слоям населения), в России – несколько позже и в первую очередь среди различных религиозных сект (духоборы, белорусцы, «свободники» и др.) и некоторых слоев интеллигенции (особенно последовате-

¹² Кропоткин отрицал мальтузианство и доказывал тезис о том, что даже в случае перенаселения какой-либо территории, животные не вступают в борьбу друг с другом, а мигрируют на другие территории или трансформируют способы добычи ресурсов, создавая таким образом новые образы жизни.

¹³ Кропоткин, П. А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. – М: Ленанд, 2021. – С. 68.

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

| Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности |

эссе «О вегетарианстве» открыто проводит связь между милитаризмом, расизмом и эксплуатацией животных¹⁷. В России вегетарианские

лей «толстовства»). В СССР вегетарианство не получило распространения. Современная наука о питании, опираясь на исследования физиологии и биохимии, рекомендует смешанное питание (растительными и животными продуктами)) (Савощенко, И. С. Вегетарианство // Большая Советская Энциклопедия. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bse-bse/boljshaya-sovetskaya-enciklopediya-ve/28> (дата обращения: 16.09.2021)).

¹⁷ «Одна французская пословица говорит, что можно защищать всякое темное дело. В этих словах была некоторая доля правды, откуда войска различных наций совершали свои зверства порознь, каждое отдельно: тогда все приписываемые им жестокости можно было потом принять за клевету, происходящую без зависти и национальной вражды других народов. Но в Китае, в настоящее время русские, французы, англичане и немцы даже не пытаются скрыть свое поведение. Свидетели и даже сами участники этих дел уведомляют нас о них на своих языках, одни с большим цинизмом, другие с некоторою сдержанностью. Правды уже не отрицают, но стараются создать новую нравственность для ее объяснения. Эта нравственность говорить, что существуют два закона для человечества: один применяется к желтым расам, а другой составляет преимущество белых. Убивать или мучить первых, согласно этой морали, является позволительным, но относиться так к последним было бы дурно. Но разве наши нравственные правила, применяемые к животным, не одинаково растяжимы? Травля лисицы собаками приучает джентльмена отдавать приказания своим подчиненным преследовать убегающих китайцев. Оба рода охоты принадлежат к одному и тому же "спорту"; только в том случае, когда добычей является человек, получаемое от этого "спорта" волнение и удовольствие, вероятно, бывает острее. Нужно ли спрашивать по этому поводу мнение того, кто недавно призывал имя Аттилы; указывая на это чудовище, как на образец для своих созданий? Упомянуть об ужасах войны в связи с избиением скота и лукулловскими пирами не значит уклоняться от предмета речи. Питание людей тесно связано с их склонностями. Кровь требует крови» (Реклю, Э. О вегетарианстве. URL:

сообщества встретили Февральскую революцию с воодушевлением. В журнале «Вегетарианский вестник» содержались призывы создавать вегетарианские коммуны¹⁸, праздновалась отмена смертной казни, выступления за 8-ми часовой рабочий день, звучали антимилиитаристские лозунги. Так, вегетарианцы в революционной России не были исключительно христианами.

Тем не менее, в 1920-е годы большевистская власть всячески стремилась уничтожить организованные вегетарианские общественные объединения, обвиняя их в организации сект, причем до революции за этими организациями был также организован государственный надзор¹⁹. Основной мишенью стали вегетарианцы-толстовцы, хоть ими и не ограничивалось всё вегетарианское движение. На этом примере можно проследить, как связана иерархическая и централизованная форма государства с легитимацией эксплуатации животных.

В истории человечества Кропоткин также отыскал множество свидетельств того, что принцип взаимной помощи работает – в большей мере в догосударственных и докапитали-

http://az.lib.ru/r/reklju_elize/text_1905_o_vegetorianstve.shtml (дата обращения: 16.09.2021)).

¹⁸ «Основное положение коммуны: доступ в коммуну всем и каждому без различия пола, возраста, нации, рода и состояния. Пай должен быть самым минимальным. Если даже сразу не представится возможности приобрести в собственность земли и жилых помещений, можно будет арендовать таковые, а потом все будет. Совместная производительность, совместный сбыт производимого, а также совместная покупка предметов потребления со стороны – дадут большие сбережения (Украдыженко, Ф. (1917). Призыв // Вегетарианский вестник. URL: <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/veg-vestnik1917/18.htm> (дата обращения: 17. 09. 2021)).

¹⁹ Бранг, П. Россия неизвестная: История культуры вегетарианских образов жизни от начала до наших дней. – М: Языки славянской культуры, 2006.

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

| Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности |

стических формах сосуществования людей²⁰. К примеру, он демонстрирует, как образование частной собственности и индивидуализм мыслится в качестве угрозы в эскимосском обществе: разбогатец, эскимос приглашает других людей на пиршество, после чего раздает им свое богатство. В древних общинах, несмотря на миф об их склонности к войнам, люди искали как можно больше альтернатив, заменяющих военное столкновение. Люди по своей природе миролюбивы, как пишет Кропоткин, и предпочитают мирный труд войне. Более того, опровергая военную теорию Г. Спенсера о происхождении власти, он утверждает, что главной заботой «варварских» общин было предупреждение войн, прежде всего семейных, разрешавшихся кровной мезтью. Люди всячески стремились разрешить конфликт при помощи возмещения ущерба. Кропоткин считал, что именно инстинкт взаимопомощи является основой нравственности и этических понятий, то есть, нравственное начало есть в человеке и животных – и оно коренится не в душе или разуме, а в биологии. Правда, по Кропоткину, у животных наблюдаются нравственные склонности, а человек может создавать уже нравственные понятия путем рациональной деятельности²¹. Это доказывает тот факт, что создание законов на основе государства не озна-

чает развития нравственности, которой якобы были лишены догосударственные общества.

Понятие взаимной помощи имеет реализацию и на эстетическом уровне – через общность аффекта. Взаимная помощь – это практический принцип, следуя которому можно поддерживать устойчивость жизни. На чувственном уровне общность обеспечивается за счет аффекта, создающего возможность отношений причастности друг к другу. Культурный теоретик Л. Берлант называет общности «аффективными инфраструктурами», где инфраструктуры – это те системы, практики, нормы или привычки, которые организуют жизнь²². Благодаря им производится передвижение, передача информации, распределение ресурсов, но они нередко связаны с властью. В случае с аффективными структурами, с точки зрения Берлант, общность не просто помогает создать некое постоянство отношений внутри множества, а помогает обнаруживать пути преодоления кризисных ситуаций – благодаря высвечиванию того, что нарушено в обществе. Общность тесно связана с понятием «общего чувства» (*sensus communis*). Приводя интерпретации И. Канта и Х. Арндт, Берлант определяет общее чувство как самое высокое и сильное внутреннее чувство, которое выводит тело за пределы привычного повседневного опыта и становится основой для ощущения свободы. Аффект тесно связан с темпоральностью. В случае с аффектом общности, это выход за пределы гегемонной темпоральности, чтобы погрузиться в то, что уже здесь, но еще не наступило²³, то есть, создавать альтернативную инфраструктуру, которая бы могла

²⁰ Кропоткин ссылается в своих работах как на общества прошлого, так и на современные ему децентрализованные формы организации общественной жизни. В наше время можно встретить подобные примеры у коренных народов. А также среди заново образованных анархистских и коммунистических сообществ выделяют сапатистов в Мексике, Рожаву в Курдистане, кибуцы в Израиле.

²¹ С нашей точки зрения, «рациональную деятельность» в данном случае стоит понимать, как производство обобщений и синтез понятий, а не как еще одну, надстроенную над биологической, сферу человеческого опыта.

²² Berlant, L. (2016). The commons: Infrastructures for troubling times. *Environment and Planning D: Society And Space*. 34(3). DOI: 10.1177/0263775816645989.

²³ Muñoz, H. E. (2009). *Cruising Utopia*. New York University Press. 187.

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

| Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности |

стать платформой для производства неиерархичного мира – для прогресса.

П. Кропоткин был прогрессистом и верил в то, что развитие на биологическом уровне влечет за собой прогресс на уровне культуры (как это было показано в случае с нравственностью). Но его интерпретация эволюции не является классически линейной. Объединяя живые организмы принципом взаимной помощи, он показывает, что на каждом этапе развития организм или общественная форма содержит в себе то, что ей предшествовало. Возможность создавать новые формы – то есть дифференцироваться – существует потому, что есть прошлое. Как пишет К. Малабу: «В теории Кропоткина множественность становится возможной благодаря возвращению того, что является древним»²⁴. Так, развитие мыслится не в виде линейного движения вверх по лестнице – от менее совершенного к более совершенному – а как дифференциация, то есть появление новых качеств, способностей, реализаций. Они не всегда служат выживанию – как, например, частная собственность и государство. Но, по замечанию Кропоткина, коммунитарные формы сосуществования всегда возвращаются, получив новые формы реализации, когда людям становится сложно выживать в вертикальных системах. Самой яркой иллюстрацией того, как линейный прогрессизм мешает выживанию людей является, во-первых, эксплуатация природных ресурсов на колонизированных для получения сверхприбыли под видом модернизации экономики территориях. Это явление в академической литературе получило название плантационца, ко-

торое предложили Д. Харрауэй и А. Цзин²⁵. А, во-вторых, стратегии по якобы охране экосистем Глобального Юга со стороны «развитых» западных организаций, которые в деколониальной анархистской литературе называют «зеленым захватом»²⁶. Их суть состоит в следующем: богатые западные организации, купив землю в странах Глобального Юга, создают заповедники или парки, в которых запрещается заниматься собирательством и охотой. Это считается прогрессивным шагом по охране окружающей среды, хотя на самом деле коренное население, веками жившее на этих территориях, намного лучше справляется с сохранением своих условий существования, нежели его колонизаторы. Анализ музеев с точки зрения колониальной линейности представлен в рефлексии С. Шестаковой относительно того, как устроен Российский музей Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге. «Музей стремится создать почти научно-фантастический образ покорения далеких миров. При этом, это подразумевает определенную форму времени: линейную временную шкалу, направленную на прогресс. Последнее понимается исключительно в терминах взаимоусиливающего завоевания земель и технического прогресса»²⁷. В этом же музее нахо-

²⁴ Malabou, C. Rethinking Mutual Aid. Kropotkin and Singer in Debate // Fall Semester. URL: <https://fallsemester.org/2020-1/2020/4/8/catherine-malabou-rethinking-mutual-aid-kropotkin-and-singer-in-debate> (accessed: 17.09.2021).

²⁵ Reflections on the Plantaciocene: a conversation with Donna Haraway & Anna Tsing. URL: https://edgeeffects.net/wp-content/uploads/2019/06/PlantationoceneReflections_Haraway_Tsing.pdf (accessed: 16.09.2021).

²⁶ Чаттопадьяй, С. Инфильтрация академии через (анархо-)экофеминистские педагогики // Akrateia. URL: <https://akrateia.info/infiltratsiia-akademii-skvoz-anarkho-ekofeministskie-pedagogiki/> (дата обращения: 17.09.2021).

²⁷ Shestakova, S. The Heterogeneous Temporalities of Russia's Colonialism / S. Shestakova // PARSE: [сайт]. URL: <https://parsejournal.com/article/the-heterogeneous-temporalities-of-russias-colonial->

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

| Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности |

дится скульптура Екатерины Персидской «К знанию», на которой изображена удэгейка с раскрытой книгой в руках. Персидская ездила в экспедицию на Дальний Восток и наблюдала за бытом коренных народов Приамурья, результатами чего стали две скульптурные работы – «Тайга молчит» и «К знанию». В последней работе воплощен миф о линейном прогрессе, обеспечивающимся за счет приобщения к западной системе знания (текстовой культуре, научной рациональности). Само использование предлога «к» обозначает начало движения в сторону некоторой цели. Здесь развитие представляет собой не дифференциацию уже существующих форм, а замещение одной модели пространства-времени другой. Среди цитат исследователей Арктики, приведенных в рамках выставочной части музея, особенно примечательна фраза геолога В. А. Русанова: «Перед Россией сейчас встала беспримерно великая историческая задача. Если эта задача будет решена, если мы найдём выход сотням миллионов пудов сибирских товаров самым дешёвым Северным морским путём, то мы тем самым завоеваем мировой рынок. Это бескровное, чисто экономическое завоевание неизмеримо важнее самой блестящей военной победы, так как экономическое господство является самой прочной базой политического могущества. И я считал бы цель достигнутой, если бы в моём призыве к завоеванию льдов послышалось нечто большее: призыв к завоеванию мирового рынка, призыв к могуществу, к величию и к славе России»²⁸.

[ism/?fbclid=IwAR1RXFFilh06aWyrxhe3Z6ixqZuhly6Gw45TagazAeRe3lq3FOCzaUWbDGE](https://regionrel.ru/novosti/society/v_poiskakh_zaterya_ism/?fbclid=IwAR1RXFFilh06aWyrxhe3Z6ixqZuhly6Gw45TagazAeRe3lq3FOCzaUWbDGE) (accessed: 12.09.2021).

²⁸Лазоренко, И. «В поисках затерянного следа: среди именитых орловцев полярный исследователь Владимир Русанов занимает особое место» // Орел-регион. URL: https://regionrel.ru/novosti/society/v_poiskakh_zaterya

С другой стороны, Кропоткин обращается к проблеме написания истории. История как научная дисциплина, прежде всего, предстает как история государств, рассказываемая сквозь призму деятельности правителей, а ключевые события в ней – войны²⁹. Историческая наука не изобилует систематизированными сведениями о мирной жизни и деятельности людей в этот период. А также он указывает на то, что история пишется теми, кто властвует. К примеру, Л. Ламберт в статье «У них есть часы, у нас есть время: Введение»³⁰ отмечает, вслед за режиссером и исследовательницей геополитики Мейрем Бахья-Арфауи, что на самом деле история – это то, что существует во взаимодействиях между людьми и рассказывается обычными людьми, а колониальная власть занимается не написанием истории, а уничтожением этих историй. Действительно, у этой формы написания истории непродуктивный характер – она не создает, а стирает большое количество информации в пользу репрезентации лишь одной узкой сферы деятельности людей. Это происходит с целью универсализации войны как главного принципа жизни, против чего выступал Кропоткин. «Истории известно, в какие дни у такого-то великого короля был насморк, но созидательной деятельностью народа, вне Ратуши и Парламента, она не любит заниматься. Если даже какой-нибудь ученый посвящает свою жизнь этим вопросам, то его труды остаются неизвестными, между тем как истории политические, которые неверны уже потому, что гово-

[nnogo_sleda_sredi_imenitykh_orlovtsev_polyarnyy_issledovatel_vladimir_rusanov_zani/](https://regionrel.ru/novosti/society/v_poiskakh_zaterya_nnogo_sleda_sredi_imenitykh_orlovtsev_polyarnyy_issledovatel_vladimir_rusanov_zani/) (дата обращения: 17.09.2021).

²⁹Рахманинова, М. Власть и тело. – М: Радикальная теория и практика, 2020. – С. 90.

³⁰Lambert, L. (2021). They Have Clocks, We Have Time: Introduction. *The Funambulist. Politics of Space and Body*, (36). 16.

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

| Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности |

рят только об одной стороне жизни обществ, “плодятся год-от-году”, читаются и преподаются в школах»³¹. М. Хардт и А. Негри показывают, как конструкция империалистического³² государства зависит от войны. Они обращаются к понятию «справедливой войны», которая возникла с целью этического оправдания и нормализации войны для сохранения государства и его границ. В этом понятии центральной характеристикой войны является ее защитный характер. То есть государство мыслится как весьма хрупкая конструкция, которую нужно всячески оберегать, подчеркивается жертвенный характер государства. В современном мире, с точки зрения Хардта и Негри, концепция «справедливой войны» приобрела ряд новых значений: война стала деятельностью, которая оправдана сама по себе и легитимирует полицейский репрессивный аппарат; война абсолютизируется, что значит рассматривается вполне эффективным способом достижения желаемого порядка в мире³³. Так, рассуждения Кропоткина об истории как науке, универсализирующей метод войны, являются по своей сути антиколониальным жестом и вписываются в традицию деколониального осмысления истории.

П. А. Кропоткина обычно не причисляют к авторам, принадлежащим к направлениям пост-/деколониальных теорий. У этого есть вполне очевидные причины – его понятийный аппарат изобилует колониальной терминологией, эволюция все еще предстает в виде линейного процесса перехода от менее развитых к более развитым формам. Тем не менее, в теории Кропоткина есть антиколониальный потенциал в частности, в обнаруженном и осмысленном им принципе взаимной помощи в природе, а также в его критике исторической науки. Идеи Кропоткина можно рассматривать в качестве подспорья для соединения анархистской традиции в естественных науках и деколониальных политических теории и практике. К тому же, исторические данные свидетельствуют о том, что именно в рамках анархистской географии, к которой принадлежали П. Кропоткин и его коллега Э. Реклю, были разработаны одни из первых антиколониальных тезисов. А сам Кропоткин, будучи издателем газеты Freedom, поддерживал антиколониальные освободительные движения второй половины XIX века.

66

Список литературы

- Кропоткин, П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. – Москва: Самообразование, 2007. – 61 с.
- (2017). Russian Settler Colonialism. In Cavanagh E., Veracini L (Eds.) *The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism*. Routledge. 314–315.
- Wolfe, P. (2006). Settler colonialism and the elimination of the native. *Journal of Genocide Research*, 8(4). 389. DOI:10.1080/14623520601056240
- Nanni, G. *The Colonisation of time. Ritual, Routine and Resistance In the British Empire*. Manchester: Manchester University Press, 2012.
- Phillips, R. *Placing Time, Timing Place: Dismantling the Master’s Map and Clock* / R. Phillips // *The Funambulist*: [сайт]. URL: <https://thefunambulist.net/magazine/cartography->

³¹ Кропоткин, П.А. Хлеб и воля. – Петербург: Голос труда, 1919. – С. 165.

³² Примечательно, что понятие империализма принимает форму идеологии именно в период нарастания активности различных движений за свободу в начале XX века. По мнению Р. Дж. С. Янга, империализм в современном виде возникает как ответная реакция на опасные для колониальных режимов локальные освободительные движения. Это было необходимо, чтобы объединить усилия колониальных стран против глобальной тенденции к антиколониальному сопротивлению (Young, R. J. S. (2016). Imperialism. In *Young R. J. S. Postcolonialism: An Historical Introduction*. Wiley. 27).

³³ Хардт, М, Негри, А. Империя. – М: Праксис, 2004. – С. 27–28.

Лана Мамуковна УЗАРАШВИЛИ

| Материализм П. А. Кропоткина: экология, антиколониализм и эстетика общности |

[power/placing-time-timing-space-dismantling-masters-map-clock-rasheedah-phillips](#) (дата обращения: 12.09.2021).

Shestakova, S. The Heterogeneous Temporalities of Russia's Colonialism / S. Shestakova // PARSE: [сайт]. URL: <https://parsejournal.com/article/the-heterogeneous-temporalities-of-russias-colonial-ism/?fbclid=IwAR1RXFFilh06aWyrxhe3Z6ixqZuhly6Gw45TagazAeRe3lq3FOCzaUWbDGE> (дата обращения: 12.09.2021).

Bhandar, B. (2011). Plasticity and Post-Colonial Recognition: 'Owning, Knowing and Being'. *Law Critique*, 22 (3). DOI:10.1007/s10978-011-9089-y

Тлостанова, М. Деколониальные гендерные эпистемологии. – М: ООО «ИПЦ “Маска”». 2009. —66 с.

Ferretti, F. Anarchy and Geography. Reclus and Kropotkin in the UK. – NY: Routledge, 2019. 120.

Кропоткин, П. А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. – М: Ленанд. 2021. – 68 с.

Кропоткин, П. А. Этика. – М: Политиздат, 1991. – 47 с.

Савощенко, И. С. Вегетарианство // Большая Советская Энциклопедия: [сайт]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/B/bse-bse/boljshaya-sovetskaya-enciklopediya-ve/28> (дата обращения: 16.09.2021)

Реклю, Э. О вегетарианстве. URL: http://az.lib.ru/r/reklju_elize/text_1905_o_vegetorianstve.shtml (дата обращения: 16.09.2021).

Украдыженко, Ф. (1917). Призыв // Вегетарианский вестник. URL: <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/veg-vestnik1917/18.htm> (дата обращения: 17.09.2021).

Бранг, П. Россия неизвестная: История культуры вегетарианских образов жизни от начала до наших дней. – М: Языки славянской культуры, 2006.

Berlant, L. (2016). The commons: Infrastructures for troubling times. *Environment and Planning D: Society And Space*. 34(3). DOI: 10.1177/0263775816645989.

Muñoz, H. E. Cruising Utopia. – NY: New York University Press, 2009. 187.

Malabou, C. Rethinking Mutual Aid. Kropotkin and Singer in Debate / C. Malabou // Fall Semester: [сайт]. URL: <https://fallsemester.org/2020-1/2020/4/8/catherine-malabou-rethinking-mutual-aid-kropotkin-and-singer-in-debate> (дата обращения: 17.09.2021).

«Reflections on the Plantaciocene: a conversation with Donna Haraway & Anna Tsing». URL: https://edgeeffects.net/wp-content/uploads/2019/06/PlantationoceneReflections_Haraway_Tsing.pdf (дата обращения: 16.09.2021).

Чаттопадьяй, С. Инфильтрация академии через (анархо-)экофеминистские педагогики / С. Чаттопадьяй // Akrateia: [сайт]. URL: <https://akrateia.info/infiltratsiia-akademii-skvoz-anarkho-ekofeministskie-pedagogiki/> (дата обращения: 17.09.2021).

Лазоренко, И. «В поисках затерянного следа: среди именитых орловцев полярный исследователь Владимир Русанов занимает особое место» / И. Лазоренко // Орел-регион: [сайт]. URL: https://regionrel.ru/novosti/society/v_poiskakh_zateryanogo_sleda_sredi_imenitykh_orlovtsev_polyarnyy_issledovatel_vladimir_rusanov_zani/ (дата обращения: 17.09.2021).

Рахманинова, М. Власть и тело. – М: Радикальная теория и практика, 2020. – 90 с.

Lambert, L. (2021). They Have Clocks, We Have Time: Introduction. *The Funambulist. Politics of Space and Body*, (36). 16.

Кропоткин, П.А. Хлеб и воля. —Петербург: Голос труда, 1919. – 165 с.

Young, R. J. S. (2016). Imperialism. In *Young R. J. S. Postcolonialism: An Historical Introduction*. Wiley. 27

Хардт, М, Негри, А. Империя. – М: Праксис, 2004. – С. 27–28.

Lana M. UZARASHVILI

| Materialism of P. Kropotkin: Ecology, Anticolonialism, and Aesthetics of Common |

Lana M. UZARASHVILI

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
 Goncharnaya Ulitsa, 12, b.1, Moscow, Russia, 109240
 PhD student, department of aesthetics
 E-mail: lana.uzar@gmail.com
 ORCID 0000-0002-4248-3165

MATERIALISM OF P. KROPOTKIN: ECOLOGY, ANTICOLONIALISM, AND AESTHETICS OF COMMON

This article analyzes the work of P. Kropotkin through the philosophical dimension of Anthropocene. This article focuses on relations between ecology, decolonization and aesthetics. He viewed nature as a dynamic system, which development has a progressive form but not in the classical sense. The classical and at the same time colonial perception of development has a linear model perceived as universal. This means that the colonial state, seizing new spaces (land), imposes its perception of time (development) on the occupied territories. Such universalism plays a justifying role for the colonizer's policy: extraction of resources, alienation of land, exploitation of indigenous people. The lifestyle of the latter appears as «traditional», requiring modernization. People of this lifestyle are regarded as «backward» and immobile. Kropotkin makes it clear that progress is a differentiation, the emergence of new forms of life or lifestyles – not a modernization. He observed ecosystems on his expeditions to Siberia and Manchuria and studied extensive material from evolutionary biology, anthropology, geology, geography, etc. These studies resulted in discovery of the primary role of the principle of mutual aid among living organisms rather than struggle with each other for survival. Common as

an «affective infrastructure» can stand as aesthetic ground for this principle, which is useful for building scenarios for future by experiencing the sensuality of coexistence. The principle of mutual aid indicates the impossibility of the classical linear scheme of development from simple to complex, which leads to assertion of the incorrectness of division of cultures into «traditional» and «civilized», because this principle is often found in its perfect form in «lower» animals, including insects. What we consider «civilization», on the contrary, is undesirable, because it deprives us of the chance for survival. The reason is the disruption of the principle of mutual aid through the creation of states and the formation of private property. According to Kropotkin, in historical science, wars also occupy a central place, and very little attention is paid to the daily practices of people. Telling history through the lenses of the victorious wars of European states is one of the forms of colonial policy, in which war is normalized and considered fair.

Key words: Colonialism, Settler Colonialism, Anarchism, Communism, Mutual Aid, Evolution, Linear Time, Progressivism, Imperialism, Animal Rights, Colonial Museum, Warfare.

References

Kropotkin, P. A. (2007). *Vzaimopomoshch' kak faktor evolyucii* [Mutual Aid: A Factor of Evolution]. *Samobrazovanie*, Moscow. 61. (In Russian).

(2017). *Russian Settler Colonialism*. In Cavanagh E., Veracini L (Eds.) *The Routledge Handbook of the History of Settler Colonialism*. Routledge. 314–315.

Wolfe, P. (2006). Settler colonialism and the elimination of the native. *Journal of Genocide Research*, 8(4). 389. DOI:10.1080/14623520601056240

Nanni, G. (2012). *The Colonisation of time. Ritual, Routine and Resistance In the British Empire*. Manchester University Press.

Phillips, R. (2018). *Placing Time, Timing Place: Dismantling the Master's Map and Clock*. *The Funambulist*. <https://thefunambulist.net/magazine/cartography->

Lana M. UZARASHVILI

| Materialism of P. Kropotkin: Ecology, Anticolonialism, and Aesthetics of Common |

[power/placing-time-timing-space-dismantling-masters-map-clock-rasheedah-phillips.](#)

Shestakova, S. (2021). The Heterogeneous Temporalities of Russia's Colonialism. *PARSE*. <https://parsejournal.com/article/the-heterogeneous-temporalities-of-russias-colonial-ism/?fbclid=IwAR1RXFFilh06aWyrxhe3Z6ixqZuhly6Gw45TagazAeRe3lq3FOCzaUWbDGE>.

Bhandar, B. (2011). Plasticity and Post-Colonial Recognition: 'Owning, Knowing and Being'. *Law Critique*, 22 (3). DOI:10.1007/s10978-011-9089-y

Tlostanova, M. (2009). Dekolonial'nye gendernye epistemologii [Decolonial Gender Epistemologies]. *ООО «IPC "Maska"»*. 66.

Ferretti, F. (2019). Anarchy and Geography. Reclus and Kropotkin in the UK. Routledge. 120.

Kropotkin, P. A. (2021). Vzaimnaya pomoshch' sredi zivotnyh i lyudej kak dvigatel' progressa [Mutual Aid among Animals and Humans as A Driving Force for Progress]. Lenand, Moscow. 68. (In Russian).

Kropotkin, P. A. (1991). Etika [Ethics]. Politizdat, Moscow. 47.

Savoshchenko, I. S. Vegetarianstvo [Vegetarianism]. *Bol'shaya Sovetskaya Enciklopediya*. <https://litresp.ru/chitat/ru/B/bse-bse/boljshaya-sovetskaya-enciklopediya-ve/28> (In Russian).

Reclus, E. (2016). O vegetarianstve [On Vegetarianism]. http://az.lib.ru/r/reklju_elize/text_1905_o_vegetorianstve.shtml (In Russian).

Ukradyzhenko, F. (1917). Prizyv [Appeal]. *Vegetarian-skij vestnik*. <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/veg-vestnik1917/18.htm> (In Russian).

Brang, P. (2006). Rossiya neizvestnaya: Istoriya kul'tury vegetarianskih obrazov zhizni ot nachala do nashih dnei [Unknown Russia: History of Vegetarian Ways of Life from the Beginning till Nowadays]. Yazyki slavyanskoj kul'tury, Moscow (In Russian).

Berlant, L. (2016). The commons: Infrastructures for troubling times. *Environment and Planning D: Society And Space*. 34(3). DOI: 10.1177/0263775816645989.

Muñoz, H. E. *Cruising Utopia*. NY: New York University Press, 2009. 187.

Malabou, C. (2020). Rethinking Mutual Aid. Kropotkin and Singer in Debate. *Fall Semester*. <https://fallsemester.org/2020-1/2020/4/8/catherine-malabou-rethinking-mutual-aid-kropotkin-and-singer-in-debate>.

«Reflections on the Plantaciocene: a conversation with Donna Haraway & Anna Tsing». https://edgeeffects.net/wp-content/uploads/2019/06/PlantationoceneReflections_Haraway_Tsing.pdf.

Chattopad'yaj, S. (2020). Infiltratsiya akademii cherez (anarho-)ekofeministskie pedagogiki [Infiltrating the Academy through (Anarcha-)Ecofeminist Pedagogies]. *Akrateia*. <https://akrateia.info/infiltratsiya-akademii-skvoz-anarkho-ekofeministskie-pedagogiki/> (In Russian).

Lazorenko, I. «V poiskah zateryannogo sleda: sredi imenitnyh orlovcev polyarnyj issledovatel' Vladimir Rusanov zanimaet osoboe mesto» [Searching for a Lost Trace: Vladimir Rusanov, a polar explorer, holds a special status amongst other prominent Oryol Residents]. *Orel-region*.

https://regionorel.ru/novosti/society/v_poiskakh_zateryannogo_sleda_sredi_imenitnykh_orlovtsev_polyarnyy_issledovatel_vladimir_rusanov_zani/ (In Russian).

Rakhmaninova, M. (2020). Vlast' i telo [Power and Body]. Radikal'naya teoriya i praktika, Moscow. 90 p. (In Russian).

Lambert, L. (2021). They Have Clocks, We Have Time: Introduction. *The Funambulist. Politics of Space and Body*, (36). 16.

Kropotkin, P.A. (1919). Khleb i volya [The Conquest of Bread]. Golos truda, Saint Petersburg. 165 p. (In Russian).

Young, R. J. S. (2016). Imperialism. In *Young R. J. S. Postcolonialism: An Historical Introduction*. Wiley. 27.

Hardt, M & Negri, A. (2004). Imperiya [Empire]. Praksis, Moscow. 27–28.

Нигина Рустамовна ШАРОПОВА

| Мысль-противоречие vs мысль-перформатив: распределение материального и идеального в диалектическом и новом материализме |

Нигина Рустамовна ШАРОПОВА

Институт философии Российской академии наук (ИФ РАН)
109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
Младший научный сотрудник сектора эстетики
ORCID: 0000-0003-3626-6305
Email: nrsharopova@gmail.com

**МЫСЛЬ-ПРОТИВОРЕЧИЕ VS МЫСЛЬ-ПЕРФОРМАТИВ:
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО И ИДЕАЛЬНОГО В ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ
И НОВОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ**

В статье рассматривается вопрос о характере распределения материального и идеального в диалектическом и новом материализме. В статье анализируются два понятия, которые выполняют роль «заземления» идеального в каждом из случаев. Для диалектического материализма была выбрана категория противоречия и ее анализ Э. Ильенковым. Из нового материализма было выделено понятие перформатива и его использование К. Барад. В первом случае, пошагово рассматривается, как признание противоречия объективной категорией «переворачивает» идеалистическую парадигму, вводит диалектику и возвращает ей ее материалистическую основу. Во втором – демонстрируется, как перформативная интерпретация идеального возвращает его

в план материального, сращивая между собой оба плана, размещая их в единой онтологической плоскости. Таким образом, если в первом случае работа противоречия переопределяет онтологический статус материального, делая его первичным, то во втором, – перформатив снимает саму оппозицию идеального и материального.

Ключевые слова: Диалектика, материализм, идеализм, новый материализм, К. Маркс, Э. Ильенков, К. Барад, противоречие, марксизм, перформатив, прибавочная стоимость, квантовые онтологии.

70

В этой статье мы совершим попытку сближения диалектического материализма и нового материализма посредством рассмотрения двух концептов, которые избираются для размышления о соотношении материального и идеального каждая из версий. С одной стороны, мы рассмотрим категорию противоречия, которую многие считают центральной для диалектики. С другой, проанализируем, как одна из важных представительниц нового материализма – Карен Барад – использует теорию перформативов для сращивания двух планов – материального и идеального. Соотношение материального и идеального существенно также и для во-

просов эстетики. Материальный поворот затронул современную эстетику, визуальные исследования и теорию медиа. С одной стороны, исследователи обращаются к анализу материальных аспектов эстетического опыта, например, к «игре явлений»¹, к материальным и онтологическим категориям, таким как присутствие² и

¹ Seel M. (2005) *Aesthetics of Appearing*. Stanford University Press.

² Гумбрехт, Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. – М: Новое литературное обозрение. 2006.

Нигина Рустамовна ШАРОПОВА

| Мысль-противоречие vs мысль-перформатив: распределение материального и идеального в диалектическом и новом материализме |

перформативность³, противопоставляя их предшествующей семиотической, лингвоцентричной парадигме, апеллирующей к значению. С другой, – обращение к материальному связано не только со смещениями в определении рамок предмета («заземлении» эстетического опыта в материальной данности вещи или выделении ее присутствующего и действующего характера, вместо значащего), но также и с переопределением ряда классических дихотомий и оппозиций, таких как форма и содержание. Более интенсивное проявление материального поворота выражается не в выборе объекта и предмета, не в характере анализа (онтологического вместо семантического), но в трансформации самих категорий описания. Влияние именно нового материализма в этой области выражается, прежде всего, в размывании границы между материальным и идеальным, то есть, между, например, материальным носителем или в целом медиумом и художественным / эстетическим / визуальным и пр. содержанием⁴. Хотя, речь в статье не будет идти об эстетическом изводе этих трансформаций в распределении материального и идеального, тем не менее, этот план существует и представленный в статье анализ соотношения материального и идеального является также релевантным для области эстетики. В конце статьи представлен один из многих возможных примеров того, какое выражение может иметь трансфор-

мация в понимании классической оппозиции материального-идеального в области эстетики.

Противоречие и теория

Рассказ о противоречии мы начнем с одного исторического кейса, который приводит Ильенков⁵. Он заключается в следующем: трудовая теория стоимости Д. Рикардо столкнулась с противоречием, это столкновение привело учеников Рикардо к отказу от нее. Речь идет о прибавочной стоимости – вопросе о том, откуда берется прибыль. Решение этого вопроса, как известно, мы находим у Маркса. И решить его он смог именно потому, что иначе обошелся с вопросом о противоречии. Единственной субстанцией стоимости, согласно трудовой теории стоимости, является труд. Именно труд является стоимостью, в нем она измеряется, им она определяется, но имеется также прибыль и она, безусловно, тоже является стоимостью. Но если возникает новая стоимость, то ее может произвести только новый труд. Прибыль по определению является стоимостью, которая *прибавляется* без дополнительных инвестиций труда. Тогда, либо прибыли не существует, либо наша теория неверна. Очевидно, что прибыль существует. Но выразить ее на языке теории, во всяком случае трудовой теории стоимости, невозможно. Согласно этой теории такого феномена как прибыль (прибавочная стоимость) просто не может существовать. Следовательно, теория неверна.

И существенно, что столкновение с этим противоречием приводит к отказу от теории. Это действительно существенно, поскольку ставит перед нами вопрос о том, где распознается противоречие и как, в связи с этим, нужно

³ Fischer-Lichte E. (2008) *The Transformative Power of Performance: New Aesthetics*. London, New York: Routledge.

Fischer-Lichte E. (2001) *Reversing the hierarchy between text and performance*. *European Review*, 9(3), 277–291.

⁴ В качестве примера можно привести эту работу Бруно: Bruno G. (2014) *Surface: Matters of aesthetics, materiality, and media*. Chicago: The University of Chicago Press.

⁵ Ильенков, Э. Диалектическая логика: очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1984. – С. 257–270.

Нигина Рустамовна ШАРОПОВА

| Мысль-противоречие vs мысль-перформатив: распределение материального и идеального в диалектическом и новом материализме |

с ним обходиться. Ученики Рикардо придерживались представления, что когда теория противоречит фактам, это значит, что она неверна. Однако принципиальным отличием решения Маркса было признать противоречие *объективной* категорией. Противоречие для Маркса располагается не на уровне посылок теории или ее столкновения с фактом, противоречие находится в самом факте. Такой переворот, произведенный Марксом, и помог ему снять дилемму. Вспомним, как Маркс разгадывает загадку прибавочной стоимости⁶.

Согласно теории стоимости, любой товар имеет два измерения: потребительное и меновое. Принципиальный момент в переходе к капиталистическому производству состоит в том, что сам труд оказывается товаром, задействуется *наемный труд*. Следовательно, коль скоро труд здесь выступает товаром – его приобретает капиталист, выплачивая рабочему зарплату – он также имеет два измерения стоимости, но сама меновая стоимость измеряется опять же трудом.

У труда, как товара, есть эти два измерения стоимости. Меновая стоимость труда составляет затраченный труд, помноженный на его производство (как и в случае с любым другим товаром). То есть, меновая стоимость труда – это труд, который затрачен на поддержание способности рабочего к труду (питание, одежду и так далее). Это и есть зарплата рабочего. А что с потребительной стоимостью? Что вообще значит потреблять труд? Потребление труда в пределе (то есть, отвлекаясь от конкретного содержания конкретного труда) означает производство стоимостей. Потребляя свой товар – наемный труд – капиталист производит стоимо-

сти, но у самого этого товара тоже есть своя стоимость (зарплата). Прибавочная стоимость, по мнению Маркса, рождается в зазоре между теми стоимостями, которые произвел рабочий своим трудом, и стоимостью его труда как товара (того, во сколько он обошелся капиталисту). Труд рабочего производит большую стоимость, чем стоит он сам. Поэтому, подчеркивает Маркс, капиталист – не вор, он просто подыскал особый товар, который содержит в себе эту специфику – будучи товаром, являться мерой стоимости.

Таким образом, признавая противоречие за самим фактом, нам нет нужды отказываться от теории. Трудность, с которой мы сталкиваемся в этом примере, проистекает не из посылок теории, но из самого объекта. Именно сама прибыль содержит в себе противоречие – конфликт двух измерений стоимости. Тогда перед нами встает вопрос: если противоречие объективно, то, как должно быть устроено мышление, то есть, мышление об этом объекте? Должно ли оно тоже содержать противоречие?

Противоречие и логика

Именно противоречие ставит, по мнению Ильенкова, вопрос о том, что должна представлять собой логика, понятая как наука о мышлении. Должно ли противоречие входить в мышление и логику, коль скоро их предмет сам по себе противоречив? Нам известно, что как раз противоречия классическая логика (и вслед за ней правильно построенная теория) и не допускает. Мы ждем от логической теории, что она будет непротиворечива и полна (хотя этот идеал достижим не для всех логических теорий, не все логики отвечают критерию полноты, но непротиворечивость – требование необходимое). То есть, из ее положений не должны быть выводимы противоречия (логическая ложь, ложные

⁶ Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. – М.: Государственное издание политической литературы, 1952. – С. 206–236.

Нигина Рустамовна ШАРОПОВА

| Мысль-противоречие vs мысль-перформатив: распределение материального и идеального в диалектическом и новом материализме |

высказывания во всех мирах / моделях), а все ее истины выводимы.

Ильенков, в частности, обращается к Канту, сравнивая логику аналитическую и синтетическую. Общая логика, для которой вопрос об истине является всего лишь вопросом синтаксиса (выводимости), не имеет никакого отношения к способности суждения, другими словами, она не может быть затронута фактами, она ничего не сообщает нам о них. Таким образом, если такая логика и представляет собой науку о мышлении, то о таком, которое несколько не привязано к его предмету. С другой стороны, эмпирические понятия имеют отношения к опыту, но не могут быть необходимыми: как бы мы не сформировали понятие, основываясь на единичном опыте, у нас не может быть гарантий, что в будущем мы не встретим исключение из заданного определения. Опыту и аналитической логике противопоставляется синтетическая логика, в которой учитывается *содержание входящих в нее терминов*, при этом, им может быть придан обязательный всеобщий характер. Примером такого определения может быть высказывание «все тела протяженные», оно не проистекает из опыта, но никакой опыт не может его опровергнуть. Этой логике противоречие как раз присуще, поскольку его предполагает сам характер синтеза: «схемы, обеспечивающие единство в многообразии, способы отождествления различного, объединения разнородного»⁷. Именно в этом разделе логики, логики синтетической, Кант впервые и вводит категории, как главные логические формы мышления, «включая тем самым в состав предмета логики то, что вся предшествующая традиция относилась к онтологии, метафизике и

не в коем случае не к логике»⁸.

Логика, по мнению Ильенкова, понятая как наука о мышлении, и должна развиваться как учение о категориях (то есть диалектика). Противоречие же лежит в сердце этой логики. Оно не только допустимо в ней, в отличие от обычной аналитической логики, оно в ней с необходимостью предполагается: «В инструментарию рассудка, как показала трансцендентальная логика, имеются пары взаимно противоположных категорий... Например, существует не только категория тождества, но и полярная ей категория различия... Рядом с понятием необходимости имеется понятие случая и т.п.»⁹. И любой факт можно рассматривать, как в рамках одной категориальной схемы, так и в рамках прямо противоположной ей.

Итак, признавая объективность противоречия, то есть, располагая его на уровне факта, встает вопрос о том, как должно быть утроено мышление, которое этот факт и содержащееся в нем противоречие призвано описывать. Должно ли мышление содержать противоречия? Привычная общая логика содержит запрет на противоречия. Однако Ильенков показывает в своем анализе Канта и Гегеля, что общая логика как раз на роль науки о мышлении не очень подходит. Формальная логика безразлична к входящему в нее содержанию, она никак не сопряжена с фактами и не связана со способностью суждения. Более того, Ильенков показывает, что Кант полагал, что аналитическая логика вторична, что в ней разлагаются понятия, которые прежде были синтезированы в логике синтетической. Последняя же и выступает началом учения о категориях, то есть, началом диалектики. Таким образом, мы обзрели два пути. Пер-

⁷ Ильенков, Э. Диалектическая логика: очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1984. – С. 65.

⁸ Там же. С. 66.

⁹ Там же. С. 74.

Нигина Рустамовна ШАРОПОВА

| Мысль-противоречие vs мысль-перформатив: распределение материального и идеального в диалектическом и новом материализме |

вый: столкновение с противоречием требует отказа от теории. Второй: нам не нужно отказываться от теории, так как источник противоречия находится в самом факте, но, чтобы мыслить объект, который сам по себе противоречив, нам нужна другая логика, логика, которая не только допускает противоречия, но из них исходит. Именно категория противоречия вводит диалектику.

Противоречие и материализм

Далее вопрос о выборе между диалектической идеалистической и материалистической также обращает нас к категории противоречия. Важно отметить, что вопрос о распределении материального и идеального решается через вопрос примата одного над другим и наоборот. С этим, собственно, и связано пресловутое переворачивание Марксом Гегеля. Это вполне ясно и широко освещается большинством марксистских теоретиков, в том числе и самим Ильенковым, например в рассуждениях об отношениях между историей и логикой¹⁰. Однако здесь мы сошлемся на другую известную работу, которая посвящена противоречию, причем именно в ее отношении к различию материалистической и идеалистической диалектики, то есть истории и логики, Маркса и Гегеля, – «Противоречие и сверх детерминация» Л. Альтюссера. В этой работе Альтюссер рассуждает о переворачивании Гегеля, говоря о том, что этот переворот – вовсе не такая тривиальная процедура. Этот фокус вводит в рассмотрение соотношение логического и исторического, идеалистического и материалистического применительно к диалектике. И именно категория противоречия оказывается

здесь центральной, поскольку ее невозможно по-настоящему развить в идеалистической парадигме.

Поясним это на одном из примеров, которые он приводит, – на понятии пережитка. В диалектике Гегеля невозможно представить пережиток в логике того конфликта, который это понятие призвано вводить. Поскольку каждый виток развития духа уже предвосхищает следующий и всякое прошлое – лишь провозвестник будущего, то никакое присутствие прошлого не может представлять настоящей угрозы текущему состоянию, поскольку само в себе уже содержит его как возможность и даже необходимость. Гегелевское представление о пережитке, как о снятии «сводится для него просто-напросто к модальности воспоминания, которое, впрочем, есть не что иное, как обратная сторона предвосхищения»¹¹. В этом нет подлинного конфликта и разрыва, у них один центр, они составляют единую линию. Поэтому такое «снятое» прошлое некогда не может стать препятствием. В то время как для Маркса прошлое – не безопасное воспоминание или тень, а вполне действительная реальность, которая угрожает текущему, например, революционному деланию, после которого всегда есть опасность реакции, деградации и ниспровержения. «Революция базиса или структуры отнюдь не подвергает ipso facto мгновенному преобразованию существующие надстройки»¹². Так, например, невозможно понять феномен сталинизма, порожденного будто бы самой революцией, самой партией, сохраняя логику снятия. Как само революционное делание могло произвести сохранение и возрождение старых элементов? На этот вопрос может ответить только

¹⁰ Альтюссер, Л. Противоречие и сверх детерминация // Л. Альтюссер. За Маркса. – М.: Праксис, 2006. – С. 127–187.

¹¹ Там же. С. 167.

¹² Там же. С. 168.

Нигина Рустамовна ШАРОПОВА

| Мысль-противоречие vs мысль-перформатив: распределение материального и идеального в диалектическом и новом материализме |

возвращенная к своей материалистической основе диалектика. В ней противоречие может быть представлено как конфликт различных конкретных импульсов, не объединенных единым центром.

Резюмируем проделанный путь. Для сравнения разных версий материализма мы выбрали по одному из понятий из соответствующих им логических инструментов, которые служат в каждом из случаев выражением эпистемологической и онтологической позиции каждого из материализмов. В первом случае мы выбрали понятие противоречия. Все предпринятое движение было призвано показать, почему именно это понятие служит релевантной точкой входа, а также, как на каждом этапе оно вводит и реализует этот материалистический дискурс. Мы начали со столкновения с противоречием через пример провала трудовой теории стоимости. Его решение состояло в признании объективности противоречия. Это требует пересмотра нашей логики, поскольку она должна быть способна мыслить противоречие. Это уводит нас от аналитической логики к диалектике. Далее, необходимость мыслить противоречие объективно не только трансформирует логику, но и ее генезис. Чтобы помыслить противоречие как подлинный конфликт, выделив его в качестве центральной категории, мы увидели, как оно заземлило наши концепты, нашу логику, укоренило мышление в истории, дух в материи. Сделав первое производным второго, работа противоречия оказывается перераспределением онтологического статуса, переворотом. Она переопределяет термины, укореняя их, в конечном счете, в материальном. В целом, сама оппозиция представляется симметричным дуализмом, который выражается в примате одного над другим, в котором, однако, само разли-

чие сохраняется. Вопрос же сводится к тому, какой из полюсов признан первичным. И противоречие служит одним из инструментов, который позволяет опрокинуть с ног на голову или, наоборот, с головы на ноги идеалистический взгляд.

Теория перформативов и квантовая онтология

В качестве аналогичной точки входа в новый материализм мы выбрали понятие перформатива. В этом случае речь идет скорее о примере одной из стратегий (чем о центральном понятии всего дискурса), предпринятой Карен Барад. Она представляется достаточно репрезентативной и может претендовать на роль инструментального и логического выражения этой версии материализма.

Барад опирается в своих построениях на квантовую физику. В особенности, она опирается на эффект наблюдателя, на его неотделимость от наблюдаемого, открытый в квантовой механике. Напомним, что речь идет о том феномене, где сам факт наблюдения трансформирует наблюдаемое, например, в эксперименте с двумя щелями и фотонами, в котором в зависимости от характера наблюдения фотоны ведут себя либо как волны, либо как частицы. При прохождении через две щели частицы и волны оставляют разный узор на встречающем их экране. В первом случае – две полосы, во втором – интерференционный узор, состоящий из множества полосок. Выпуская фотоны даже по одной частице за раз, на экране наблюдается рисунок волны – много полосок. Чтобы понять, как частицы создают волновой рисунок на экране, на выходе из щелей устанавливается еще один измерительный прибор. Однако, как только производится эта процедура, фотоны снова начинают вести себя как частицы, то есть,

75

Нигина Рустамовна ШАРОПОВА

| Мысль-противоречие vs мысль-перформатив: распределение материального и идеального в диалектическом и новом материализме |

на выходе из щелей на экране образуется уже другой рисунок – две полосы, соответствующий рисунку частиц.

Но, что такое наблюдение? В процесс наблюдения уже вплетены наши концепты, в нем уже содержится интерпретация того, что значит быть свидетелем некоего явления, того, в чем заключается его исследование и сбор данных. Например, под наблюдением может пониматься измерение. О такой парадигме знания и интерпретации, как калькуляции, говорили многие, например, Хайдеггер в связи с наукой, или Лукач в связи с капиталистическим дискурсом. Кроме того, наблюдение нередко предполагает воздействие. Воздействие уже содержит в себе интерпретацию явления, а также подчеркивает активный действующий характер процесса. Кроме того, наблюдение включает аппараты. Аппараты сами по себе представляют собой объективацию теории. Другими словами, концепты имеют буквальное воплощение в технической реализации эксперимента, как, собственно, и в самой его постановке. Таким образом, обращая наше внимание на неотделимость наблюдателя от наблюдаемого, Барад показывает, что два плана – теория и явление, слова и вещи – тесно переплетены.

Выражением этого взгляда оказывается теория перформативов Дж. Батлер¹³. На первый взгляд, опора на перформативную теорию возвращает нас к лингвистическому, однако, Барад указывает, что верно понятая перформативность напротив оспаривает монизм языка: «перформативный подход настаивает на понимании мышления, наблюдения и теоретизации как практик

взаимодействия с миром и как его часть»¹⁴. В своем изначальном виде в версии Остина перформатив – это высказывание, которое само производит действие, которое описывает. Например, клятва или обещание. Батлер, и вслед за ней Барад, расширяет эту теорию, считая перформативами не определенный класс высказываний, но язык, теории и концепты как таковые. Из класса высказываний перформатив становится оптикой. В этой перспективе мы уходим от понимания теории и языка, как описания и репрезентации к действию или даже производству того, что они описывают. Например, если социальный конструктивизм (который видится одним из основных оппонентов новых материалистов) считает произведенный дискурсом феномен конструктом, то здесь признается реальность, например, гендера (в случае Батлер), который не просто существует в символическом и культуре, но формирует и определяет реальность конкретных людей и который практикуется, воспроизводится. Тогда, гендерное различие – это и не исходный объективный факт, который описывает язык, и не просто феномен культуры и языка, это – дискурсивный акт, активно производящий реальность. Также и Барад видит, например, в теориях и научных техниках наблюдения не репрезентацию или пассивную фиксацию, но действие. Концепты не надстраиваются над материальной реальностью, они являются ее частью, поскольку выступают такими же агентами – воздействующими, реорганизующими, производящими. Понимая язык и теорию перформативно, мы располагаем их в единый плоский онтологический

¹³ Butler J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. N.Y., L.: Routledge.

¹⁴ Barad K. (2007) *Meeting the Universe Halfway. Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham, London: Duke University Press. 133.

Нигина Рустамовна ШАРОПОВА

| Мысль-противоречие vs мысль-перформатив: распределение материального и идеального в диалектическом и новом материализме |

план, где понятия и вещи становятся неразличимыми. Теория задает порядок и само событие эксперимента. Она производит аппараты, организует эту материальную сборку. Например, в этом смысле теория и наблюдение воздействует на наблюдаемое. И сами концепты существуют не в статичном мире идей, но практикуются.

Работа, таким образом, осуществляется не в плане иерархического распределения порядков материального и идеального (не в режиме «переворачивания»), но, скорее, – на их границе. Для примера сошлемся на один художественный кейс, который был разобран в другой статье этого журнала¹⁵. Вся статья посвящена рассмотрению этой границы применительно к образу и изображению. Примером размыкания дуалистичного представления, одним из выражений которого является форма и содержание или форма и материал, является инсталляция Роберта Ирвина *Excursus: Homage to the Square* (1998)¹⁶. В ней построены комнаты из белых экранов, через которые проходит свет. Материал экранов поглощает свет и придает ему текстуру и слоистость, визуальная природа света становится тактильной и осязаемой как сама субстанция экранов. В этом примере материя выступает скорее формой, ее роль не сводится к простому носителю, свойства которого выносятся за скобки вопросов содержания, самого образа. Она активно вступает в формирование образа, ее уже нельзя отделить от него, образ возникает в процессе пропитывания светом

этой материальной среды. Этот пример – зеркальный по отношению к тому, что было сказано о перформативах. Если в первом случае мы говорим о материальности понятий, об их действующем характере, то здесь, – о значащей материи, которая также через ее агентацию оказывается включенной в символической план производства значений. Таким образом совершаемая здесь работа состоит в том, чтобы заставить саму границу, различающую два плана, пульсировать. Она состоит не в переворачивании и опрокидывании иерархического порядка в сторону полюса материальности, но в горизонтальном сращивании, в диффузии.

Заключение

Мы сблизили формальный логический инструментарий и понятия, которые можно считать выражением материалистического крена в каждом из случаев. В первом, – противоречия поэтапно производят переворот: сначала от теории к объекту, потом от общей логики к диалектике и, наконец, – к материализму. Работа противоречия переопределяет термины иерархии, возвращает первичный характер материи по отношению к духу, перераспределяя между ними онтологический статус. Диалектика, наследуя противоречие из своего объекта, либо отражает (как в рассуждениях Ильенкова о соотношении логики и истории) диалектику самого исторического процесса, либо проистекает из него (научная, мыслительная констелляция следует из конкретных материальных условий, в которых она возникла). Во втором случае, – перформатив призван увести нас от разделения двух этих планов.

Первый случай сохраняет дуализм, критикуя его эпистемологическое и онтологическое распределение, и интерпретирует две парадигмы как взаимный и противоположный друг дру-

¹⁵ Шаропова Н. Мембраны, оболочки, границы: (им)материальность образа и его топология // Международный журнал исследований культуры. – 2020. – №3 (40). – С. 99-118.

¹⁶ Эту работу анализирует в перспективе материального поворота Bruno G. (2020) *Surface: Matters of aesthetics, materiality, and media*. Chicago: The University of Chicago Press. 73–76.

Нигина Рустамовна ШАРОПОВА

| Мысль-противоречие vs мысль-перформатив: распределение материального и идеального в диалектическом и новом материализме |

гу генезис (например, история из логики/духа, или логика/дух из истории). Вторая версия материализма основной задачей видит критику и атаку этого дуализма. Работа проводится не на этих полюсах и не в разрешении вопроса о первичности (например, духа или истории), но на их *границе*. Именно она становится основным предметом концептуальной работы, начинает прорываться, пульсировать, размываться. Вместо репрезентационализма, то есть, представления, согласно которому слова, мысль, концепты и логика отражают, выражают или описывают вещи, предлагается мыслить их *наряду* с вещами, как в теории гендера Дж. Батлер. Она не описывает объективность гендерного различия, но производит его. Концепты не отражают, они действуют. Таким образом, в этом случае распределение идеального-материального – не иерархическое, но плоское. Идеальное – не надстройка и не производное, оно расположено в едином имманентном онтологическом плане. Концепты не проистекают, например, из истории. Они *действуют*. Действуют даже на квантовом уровне.

дународный журнал исследований культуры. – 2020. – № 3 (40). – С. 99–118.

Barad K. (2007) *Meeting the Universe Halfway. Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham, London: Duke University Press.

Bruno G. (2014) *Surface: Matters of aesthetics, materiality, and media*. Chicago: The University of Chicago Press.

Butler J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. N.Y., L.: Routledge.

Fischer-Lichte E. (2008) *The Transformative Power of Performance: New Aesthetics*. London, New York: Routledge.

Fischer-Lichte E. (2001) *Reversing the hierarchy between text and performance*. *European Review*, 9(3), 277–291.

Seel M. (2005) *Aesthetics of Appearing*. Stanford University Press.

Список литературы

Альтюссер, Л. Противоречие и сверхдетерминация // Л. Альтюссер. За Маркса. М.: Праксис, 2006. – С. 127–187.

Гумбрехт, Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение. – М: Новое литературное обозрение. – 2006.

Ильенков, Э. Диалектическая логика: очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. – М.: Государственное издание политической литературы, 1952. – С. 206–236.

Шаропова, Н. Мембраны, оболочки, границы: (им)материальность образа и его топология // Меж-

Nigina R. SHAROPOVA

| Contradiction vs. Performative: Distribution of the Material and the Ideal in Dialectical and New Materialism |

Nigina R. SHAROPOVA

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
 Goncharnaya Ulitsa, 12, b.1, Moscow, Russia, 109240
 Junior Research Fellow, Department of Aesthetics
 E-mail: nrsharopova@gmail.com
 ORCID: 0000-0003-3626-6305

CONTRADICTION VS. PERFORMATIVE: DISTRIBUTION OF THE MATERIAL AND THE IDEAL IN DIALECTICAL AND NEW MATERIALISM

This paper explores the correlation between categories of material and ideal in dialectical and new materialisms. Since this topic seems too broad, the article is proposed to consider two concepts that play the important role of rooting the material into the ideal in each of the cases. The article proposes the concept of contradiction for dialectical materialism. The analysis of the term is based on the work by E. Ilyenkov «Dialectic Logic». The concept of performative and its use by K. Barad were chosen for the new materialism. In the first case, it is considered step by step how the recognition of contradiction as an objective category turns idealistic paradigm upside down, introduces dialectics and returns

it to its materialistic basis. In the second case, it shows how the performative interpretation of the ideal returns it into the material plane, splices both of them together, placing them in the same ontological plane. Thus, if in the first case the contradiction's work reorganized the material/ideal hierarchy, making the material primary, then in the second the the performative removes the very material/idea opposition.

Key words: Dialectics, materialism, new materialism, K. Marx, E. Ilyenkov, K. Barad, contradiction, Marxism, performative, surplus value, quantum ontology.

79

References

Althusser L. (2006) Contradiction and overdetermination. In: *For Marx*. Moscow: Praxis. 127–187. (In Russian)

Barad K. (2007) *Meeting the Universe Halfway. Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Durham, London: Duke University Press.

Bruno G. (2014) *Surface: Matters of aesthetics, materiality, and media*. Chicago: The University of Chicago Press.

Butler J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. N.Y., L.: Routledge.

Fischer-Lichte E. (2008) *The Transformative Power of Performance: New Aesthetics*. London, New York: Routledge.

Fischer-Lichte E. (2001) *Reversing the hierarchy between text and performance*. *European Review*, 9(3), 277–291.

Gumbrecht H. U. (2006) *Proizvodstvo prisutsviya: chego ne mozhnet peredat' znachenije* [Production of Presence: What Meaning Cannot Convey]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russian)

Ilyenkov E. (1984) *Dialekticheskaya logika: ocherki istorii i teorii*. [Dialectical Logic: Essays on History and Theory]. Moscow: Politizdat. (In Russian)

Marx K. (1952) *Capital: A Critique of Political Economy*. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie politicheskoi literaturi. Vol. 1. (In Russian)

Seel M. (2005) *Aesthetics of Appearing*. Stanford University Press.

Sharopova N. (2020) *Membrani, obolochki, granitzi: (im)material'nost' obraza i ego topologia*. [Membrane, Integument, Boundary: Im (material) and Topological Aspects of Image]. *Mezhdunarodni Zhurnal Issledovaniy Kulturi*. No. 3 (40). 99–118. (In Russian).

Дарья Геннадьевна СТЕПАНОВА
| Морфология «ленинградского стиля» |

Дарья Геннадьевна СТЕПАНОВА

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186 Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
Аспирантка кафедры искусствоведения и педагогики искусства института художественного образования
ORCID: 0000-0002-7156-7202
E-mail: Stepanova-dg@yandex.ru

МОРФОЛОГИЯ «ЛЕНИНГРАДСКОГО СТИЛЯ»

В рамках статьи автор определяет сущностные характеристики научной дефиниции «ленинградский стиль» в контексте развития декоративного и промышленного искусства. Четкое определение морфологической структуры «ленинградского стиля» будет способствовать систематизации категориальных характеристик, лежащих в основе структурной модели стиля, как системы художественного языка. Новизна проблемы состоит в выявлении категориальных характеристик и морфологической структуры «ленинградского стиля». Основной задачей употребления термина «морфология» в контексте «ленинградского стиля» является дифференциация различных уровней бытования компонентов дефиниции и объединение их в структуру. В результате комплексного анализа библиографии и произведений выделяются некоторые характерные черты, свойственные всем видам декоративного и промышленного искусства Ленинграда. Например, строгость и лаконичность колорита, чёткий отбор необходимых средств художественной выразительности, метафоричность образов, тесная связь с культурой города, поэзией и архитектурой и т. д. Проявления «ленинградского стиля» в декоративном и промышленном искусстве дифференцируются на формальные (тематические и сюжетные характери-

стики, эстетические основы) и выразительные (особенности работы с формой, композиция, колорит и т. д.). Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о наличии чёткой логической структуры, эквивалентной плану содержания и плану выражения. Альтернативой данной структуре в исследовании выступают содержательный и выразительный уровни, консолидация которых и формирует «ленинградский стиль». Выразительный уровень проявляется в общности изобразительных и выразительных доминант ленинградских мастеров декоративного и промышленного искусства. Содержательный уровень бытования «ленинградского стиля» является эквивалентом «плану содержания» и включает сюжетно-образное наполнение и идейно-эстетическую платформу. Базисом для формирования содержательного уровня выступает «ленинградская идентичность», определяющаяся личностной идентификацией с Ленинградом и его культурным кодом.

Ключевые слова: «ленинградский стиль», морфология, декоративное искусство, промышленное искусство, категориальные характеристики, стилевые системы, отечественное искусство, советское искусство, стиль, ЛВХПУ им. В. И. Мухиной.

Актуальность статьи определяется все большим вниманием исследователей к искусству советского периода. Рассмотрение явлений советского искусства через призму исторического значения и влияния на современность требует фундаментальных ис-

следований, охватывающих не только изобразительное искусство и архитектуру, но и декоративное и промышленное искусство. Изучение декоративного и промышленного искусства СССР позволит сформировать цельный взгляд на советское искусство как цельную систему.

Дарья Геннадьевна СТЕПАНОВА

| Морфология «ленинградского стиля» |

На данный момент определен корпус узкоспециализированных исследований, посвященных конкретной проблематике и изучению отраслей декоративного и промышленного искусства СССР. Однако, фундаментальные синтетические труды, обобщающие круг явлений в структуру, концептуализирующие материал, отсутствуют. Данное проблемное поле в настоящее время находится на начальной стадии своего развития, что и определяется актуальность исследования.

Новизна исследования состоит в выявлении категориальных характеристик и морфологической структуры «ленинградского стиля». При наличии большого числа определений данной категории отсутствует дефиниция, отражающая фундаментальные сущностные характеристики «ленинградского стиля» и его морфологию. Для четкого понимания сферы употребления дефиниции необходимо прояснить все смежные категории. «Конструирование дефиниций позволяет дать однозначную трактовку, но при определенных допущениях – у термина / понятия / категории может быть несколько определений, дефиниции могут быть уточнены или переопределены со временем, они не могут быть “правильными” или “неправильными”¹. В рамках исследования понятие «морфология» рассматривается как учение о строении. Основной задачей употребления термина морфология в контексте «ленинградского стиля» является дифференциация различных уровней бытования компонентов дефиниции и объединение их в четкую логическую структуру.

В ходе исследования был определен круг задач, направленных на осмысление морфологии «ленинградского стиля» как системы худо-

жественного языка. В круг задач вошли: определение уровней дифференциации художественной деятельности, формирование системы связей внутри отдельных элементов системы искусства и рассмотрение вышеназванной системы в контексте эволюционного развития.

Четкое определение морфологической структуры «ленинградского стиля» будет способствовать систематизации категориальных характеристик, лежащих в основе структурной модели стиля, как языковой системы.

В рамках исследования термин «ленинградский стиль» используется в контексте декоративного и промышленного искусства. Современная энциклопедия определяет декоративное искусство как «род пластических искусств, произведения которого наряду с архитектурой художественно формируют окружающую человека материальную среду и вносят в нее эстетическое идейно-образное начало»².

О. Л. Некрасова-Каратева определяет промышленное искусство как производную от декоративного: «создание индустриальными способами типизированных изделий массового производства, обладающих художественным содержанием, а также тиражирование промышленным методом произведений искусства (художественное фарфоровое, стекольное, керамическое, ювелирное, текстильное производство и др.)»³. Однако, «границы между этими двумя сферами условны и зыбки: уникальные изделия могут быть образцами для массового производства, промышленные изделия могут стать вы-

¹ Кильдюшева, А. А. Конструирование дефиниции категории «Музей» триадическим методом // Вестник Омского университета. – 2018. – № 23. – С. 170.

² Декоративное искусство // Словарь «Академик» URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/15822> (дата обращения 03.06.2021)

³ Анализ и интерпретация произведения искусства. Художественное сотворчество / Под ред. Н. А. Яковлевой. – СПб: Лань, 2017. – С. 577.

Дарья Геннадьевна СТЕПАНОВА

| Морфология «ленинградского стиля» |

ставочными и музейными экспонатами⁴. И декоративное, и промышленное искусство: индустриальное, массовое, формируют окружение человека. Также декоративное и промышленное искусство тесно связаны в процессе исторической эволюции. Основным отличием произведений декоративного и промышленного искусства в настоящем исследовании является количество произведенных единиц и, как следствие, их значение в трансляции эстетических ориентиров. Произведение декоративного искусства – всегда штучный экземпляр, в то время как промышленное искусство предполагает тиражирование объектов. При этом, данный факт не обязательно напрямую отражается на художественно-выразительных достоинствах конкретных произведений.

Следовательно, декоративное и промышленное искусство являются тесно связанными категориями, и их совместный анализ позволит добиться наиболее полной и точной картины явления. Таким образом, в рамках диссертационного исследования будут проанализированы, как единичные произведения декоративного искусства, так и тиражные образцы, так как нельзя обойти вниманием важность роли тиражированных изделий в общем контексте трансляции эстетических и идейных доминант, свойственных «ленинградскому стилю».

Категория «стиль» имеет множество значений, предстает в качестве искусствоведческого и эстетического понятия, но также широко применяется в сфере повседневности. Исходя из этого, можно прийти к выводу, что и границы понятия «стиль» крайне широки и объединяют различные аспекты. «Стиль относится

к ряду тех фундаментальных научных понятий, которые при всей их самоочевидности вызывают массу споров и с величайшим трудом поддаются определению»⁵.

Для терминов, отражающих понятие «стиль», свойственна множественная интерпретация. Несмотря на то, что одним из критериев научности является однозначность используемой терминологии, дефиниция «стиль» обладает разветвленной уровневой смысловой нагрузкой, конкретизирующей определенным семантическим контекстом. Разнообразие дефиниций «стиль» сопряжено с существованием множества различных исследовательских подходов и концепций, а также с исторической трансформацией смыслового наполнения понятия.

В рамках настоящего исследования не представляется возможным проанализировать все вариации бытования термина, поэтому за основу для ввода термина предлагается взять определение О. Л. Некрасовой-Каратеевой: «Стиль – нахождение и установка единых подходов к творчеству, единых принципов работы с материалом, общего языка, общих предпочтений в характере форм и декора, общего миропонимания, общих эстетических, духовных, социальных приоритетов»⁶, как наиболее близкое контексту работы. Все категории, упомянутые в данном определении, мы можем проследить в декоративном и промышленном искусстве Ленинграда, что позволяет ввести термин «Ленинградский стиль». Однако принципиальным является именно заключение данного понятия в кавычки, так как «ленинградский стиль», строго говоря, не претендует на позицию большого

⁴ Промышленное искусство // Словарь Российской академии художеств URL: <https://rah.ru/science/glossary/detail.php?ID=19854> (дата обращения 07.06.2021)

⁵ Лосев А. Ф. Проблема художественного стиля. – Киев: Киевская академия Евробизнеса, 1994. – С. 13.

⁶ Анализ и интерпретация произведения искусства. Художественное сотворчество / Под ред. Н. А. Яковлевой. – СПб: Лань, 2017. – С. 601.

Дарья Геннадьевна СТЕПАНОВА

| Морфология «ленинградского стиля» |

стиля, это скорее эстетическая категория, объединяющая как формальные (тематические) критерии, так и выразительные составляющие (форма, композиционные особенности, колорит, идейное наполнение и др.

Прилагательное «ленинградский» в отношении стиля в искусстве является прямой отсылкой к названию города, в котором создавались произведения. Следовательно, в рамках исследования будут рассмотрены произведения декоративного и промышленного искусства Ленинграда, созданные с 1924 по 1991 год. Комплексный анализ произведений текстиля, керамики, фарфора, художественного стекла, ювелирных изделий, эмали, моды, мебели позволяет говорить о стилистической общности, выраженной на разных уровнях восприятия.

«Ленинградский стиль» можно отнести к категории мифологем – «содержательных единиц сознания, продуктом коллективного бессознательного, хранящегося в национальной памяти того или иного этноса»⁷. Для классификации принадлежности к «ленинградскому стилю» целесообразно использовать подход «семейных сходств» Л. Витгенштейна. Суть подхода иллюстрирует пример с изображениями человеческих лиц. Десять лиц в определенной мере походят друг на друга. Однако, ни одной общей черты, присущей всем, не наблюдается. Следовательно, возможно сделать вывод о том, что большую роль играют пересекающиеся ряды сходств, связывающие все объекты воедино. Данный подход является основой для характеристики понятия «Ленинградский стиль». Опираясь на категориально-системную методологию, использованную А. А. Кильдюшевой при

конструировании дефиниции «Музей» триадическим методом, был применен семантический SEO-анализ различных определений термина «стиль». SEO-анализ позволил выделить ядро, частотность употребления и комбинации встреченных элементов. В результате анализа были выведены опорные элементы, с помощью которых авторы определяли «стиль»: «искусство», «система», «эстетический идеал», «образные системы», «выразительный», «форма», «особенность», «художественный язык», «произведение», «приемы», «содержание».

В результате комплексного искусствоведческого анализа выделяются некоторые характерные черты, свойственные всем видам декоративного и промышленного искусства Ленинграда. Например, строгость и лаконичность колорита, чёткий отбор необходимых средств художественной выразительности, метафоричность образов, тесная связь с культурой города, поэзией и архитектурой и т. д. Проявления «ленинградского стиля» в декоративном и промышленном искусстве дифференцируются на формальные (тематические и сюжетные характеристики, эстетические основы) и выразительные (особенности работы с формой, композиция, колорит и т. д.). В рамках существующей методологии наполнение дефиниции «ленинградский стиль» требует обращения к историко-культурному и формально-стилистическому анализу.

«Ленинградский стиль» базируется на взаимодействии декоративного и промышленного искусства и исторического наследия Петербурга-Ленинграда. Следовательно, для комплексного понимания данного явления в искусстве необходимо обратиться к анализу и интерпретации исторического и культурного наследия ленинградскими мастерами, т. е. выявить фундамент «плана содержания» «ленинградско-

⁷ Исина, Г. И. Мифологема как составляющая картины мира в контексте современности// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. №4. С. 161.

Дарья Геннадьевна СТЕПАНОВА

| Морфология «ленинградского стиля» |

го стиля», как комплексного культурологического явления, а также к формально-стилистическому анализу, как способу сформировать корпус отличительных выразительных особенностей стиля в системе художественного языка.

Осмыслению применения историко-культурологического анализа для изучения произведений искусства посвящена диссертация Т. В. Горбуновой «Изобразительное искусство в контексте культуры (историко-культурологический анализ)». Автор выдвигает тезис о том, что искусство способно «фокусировать» весь богатый спектр ценностного освоения человеком мира, улавливать сущность глубинных культурных процессов и нарождавшихся общественных изменений⁸. Иллюстрацией данного положения является рассмотрение эволюции «ленинградского стиля» и выделение основных этапов его развития.

«Ленинградский стиль» развивался в контексте общего вектора исторического и культурного движения города, представляя собой основную площадку для трансляции идейных и эстетических ориентиров. В синтезе эстетических представлений различных мастеров, содружеств и учебных заведений формировалось формальное наполнение «ленинградского стиля», объединяющее сдержанность колористических решений, строгость линейных решений, мягкость тоновых отношений, внимательное обращение с изобразительными доминантами, лаконичную трактовку декора и предельное внимание к специфике, т. н. внутреннему наполнению материала, как первичной ценности декоративного произведения. Тесная связь с

⁸ Горбунова, Т. В. Изобразительное искусство в контексте культуры (историко-культурологический анализ). Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1995.

историей, театром, музыкой и поэзией проявляется во всех сферах декоративного и промышленного искусства: от керамики до текстиля.

За 67 лет ношения городом имени Ленинград происходили различные исторические события, которые также оказывали влияние на эволюцию «ленинградского стиля». В эти периоды общий вектор содержательных и выразительных доминант в произведениях переживал изменения во всех отраслях декоративного и промышленного искусства. Данное обстоятельство служит еще одним подтверждением наличия общего «стиля» в декоративном и промышленном искусстве Ленинграда.

Еще одним аспектом, позволяющим говорить о наличии «ленинградского стиля» является наличие общего образовательного фундамента у большинства мастеров декоративного и промышленного искусства Ленинграда. Высшие художественные учебные заведения Ленинграда, включая Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухиной, Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина и Ленинградский институт текстильной и легкой промышленности им. С. М. Кирова оказывали влияние на становление молодых художников. Также именно учебные заведения закладывали общие стилеобразующие ориентиры, проявляющиеся, как в технических особенностях формотворчества, так и на уровне мировоззрения будущих мастеров. Особое внимание в процессе изучения особенностей «ленинградского стиля» необходимо уделить ЛВХПУ им. В. И. Мухиной. Центральное училище технического рисования было основано еще в 1876 году на средства, пожертвованные банкиром и промышленником Александром Людвиговичем Штиглицем.

Дарья Геннадьевна СТЕПАНОВА

| Морфология «ленинградского стиля» |

«Училище возникло в эпоху, когда в искусстве главенствовало эклектичное сознание, стремление соединить все многообразие художественного наследия прошлого в современных работах. Вероятно, это является одной из причин, почему программа обучения в училище барона Штиглица представляла собой синтез художественных и технических дисциплин и опиралась на практический опыт прошлых эпох»⁹. За свою долгую историю учебное заведение не раз меняло название и статус, но всегда оставалась хранителем уникальных традиций и технологий создания предметов декоративного и промышленного искусства. На кафедрах Академии изучаются все основные виды декоративного и промышленного искусства: художественная керамика, стекло и фарфор, художественный текстиль, художественная обработка металлов и др. Выходцы из ЛВХПУ им. В. И. Мухиной формировали художественную среду Ленинграда и задавали вектор развития декоративного искусства. Учебный процесс в ЛВХПУ им. В. И. Мухиной был тесно связан с производством. Студенты училища проходили практику на различных фабриках и комбинатах Ленинграда, некоторые особо удачные учебные эскизы запускались в производство. Уникальная система обучения, сформированная в ЛВХПУ им. В. И. Мухиной оказала значительное влияние на творчество основной части ленинградских художников. Общий «синтетический» подход в обучении студентов ЛВХПУ им. В. И. Мухиной позволил сформировать общую образовательную платформу, которая в дальнейшем определила базис формирования выразительных особенностей «ленинградского

⁹ Александрова, Я. А. Станковая эмаль Ленинграда – Санкт-Петербурга второй половины XX – начала XXI в.: истоки и эволюция. Диссертации на соиск. уч. ст. кандидата искусствоведения. – СПб, 2020. – С. 32.

стиля». Художественный стиль «Мухинской школы» во многом определил направление движения уже «Ленинградского стиля» в целом.

Спорным вопросом в проблеме изучения «ленинградского стиля» является дифференциация стиля и авторского стиля. Нельзя утверждать, что декоративное и промышленное искусство Ленинграда являлось полностью однородным. При анализе стилистических особенностей необходимо учитывать поправку на авторский стиль. Согласно А. Н. Соколову авторский стиль является отражением личности творца в произведении и индивидуальным вариантом общего стиля, направления или эпохи. «Следовательно, понятие «стиль» отличается определенным противоречием, поскольку авторство во многом реализуется как процесс формации нового из уже данного и реализуемого в парадигме заранее разработанных принципов, которые и соответствуют тому или иному уровню социально-культурного развития»¹⁰. Б. Р. Виппер отмечал, что «манера есть у каждого, но стиль может вообще не состояться»¹¹. Манера может рассматриваться как присущая каждому мастеру особенность, в то время как индивидуальный авторский стиль является достижимым отнюдь не для каждого художника. Исходя из выше сказанного можно предположить, что авторский стиль ленинградских мастеров декоративного и промышленного искусства, имея общий идейно-эстетический фундамент, развивался в контексте общего «ленинградского стиля», дополняя его и расширяя гра-

¹⁰ Хань Бин. Соотношение понятий «стиль» и «авторский стиль»: культурологический аспект // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7916> (дата обращения 07.04.2021)

¹¹ Виппер, Б. Р. Введения в историческое изучение искусства. – М.: Издательства В. Шевчук, 2015. – С. 10.

Дарья Геннадьевна СТЕПАНОВА

| Морфология «ленинградского стиля» |

ницы при сохранении общности и единства отличительных черт. «Ленинградский стиль» становится промежуточным звеном между советским искусством, определяемым географической принадлежностью и личностью, и творческой манерой конкретных художников, объединений, школ.

Не меньшую роль в формировании «ленинградского стиля» играл тот факт, что художественное сообщество города представляло собой достаточно тесный круг. «Ленинград – город с глубокими культурными, художественными традициями, историко-художественным бытием и визуальным рядом с чистыми образцами стиля, бытования архитектуры в природной среде является культурно-образовательным пространством, в котором закономерно возникновение круга близких по мировоззрению художников»¹².

Общая «альма-матер», смежные сферы деятельности, совместные интересы и обмен творческим и научным опытом, любовь к городу и его наследию оказывала мощное влияние на фундаментальные основы творчества ленинградских художников. Важным является непрерывающаяся коммуникация в художественной среде, образование различных художественных групп и объединений. Традиции, заложенные общей школой, находят развитие и дополняются индивидуальными чертами авторов.

Еще одним стилеобразующим ориентиром является преемственность в образовании художников декоративного и промышленного искусства Ленинграда и общность художественного языка как «суммы материальных эстетических знаков, за которой в общественном

¹² Гусарова, Ю. В. Ленинградская керамика как феномен отечественного искусства второй половины XX века. Диссертация на соиск. уч. ст. кандидата искусствоведения. – СПб, 2011. – С. 163.

сознании закреплено определенное духовное содержание-значение»¹³.

«Город – не только реальное географическое пространство, организованное зодчими, выполняющее хозяйственные функции, населенное людьми, сменяющимися друг друга поколениями. Это не только артефакт культуры, репрезентирующий ее основные характеристики, но он присутствует в культуре, в ее духовном пространстве как особая реальность эстетического образа, изменчивого в истории, предьявленного в художественных, философских, публицистических, документальных (описательных) текстах. Город – важнейшее философско-эстетическое понятие, выражающее представления различных эпох и типов культуры о должном мироустройстве, о “мире”, устроенном и устрояемом, целостном и очеловеченном. Также город служит “местом”, связь с которым лежит в основе социокультурной идентичности, «в которой зафиксирована коллективная память людей, символические архетипы и системы мировоззренческих образов»¹⁴.

Образ города – свидетельство особенных качеств национального менталитета – к такому выводу приходит С. Ю. Зимина в диссертации «Петербург – как эстетический феномен»¹⁵. С. Ю. Зимина рассматривает Петербург как продукт глубинных пластов сознания, обусловленный культурой и общественными отноше-

¹³ Храмов В.Б. Семиотика культуры и искусства. Учебно-методическое пособие / В.Б. Храмов. – Краснодар: КГУКИ, 2011. URL: <https://studfile.net/preview/4112307/page:9/> (дата обращения 02.05.2021).

¹⁴ Регионы России в XXI веке: пространственные измерения и социетальные трансформации: коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2015. – С. 23.

¹⁵ Зимина, С. Ю. Петербург как эстетический феномен. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – СПб., 1999.

Дарья Геннадьевна СТЕПАНОВА

| Морфология «ленинградского стиля» |

ниями, и являющийся основой для формирования знака. Исследователь рассматривает город как «смыслообраз». В. Н. Топоров в «Петербургском тексте русской литературы» отмечал, что «Тип петербуржца в большей степени, нежели рукотворные символы новой столицы, ее архитектурные образы, как и естественная открытость пространства, олицетворяли уникальную метафизику места»¹⁶. Петербург-Ленинград бережно хранит свою душу, обретшую по словам А.Н. Бенуа и Н. П. Анциферова «силу культурной традиции, что стало духовным содержанием длинной череды выросших в нем петербуржцев, которые в Ленинграде оставались петербуржцами»¹⁷.

С. В. Коротеев вводит в научный оборот понятие «Этос Петербурга». «В Петербурге за три века существования сложился особый тип национального этоса. Благодаря этому появился своеобразный нравственный хронотип, качественно отличающий каждого представителя петербургской культуры. Этос выступает условием формирования внутреннего мира петербуржцев как носителей особого типа духовной традиции, сохраняющей свою узнаваемость в других этнорегиональных условиях»¹⁸. Следовательно, этос является фундаментом для самоидентификации личности. Таким образом, можно прийти к выводу, что первоосновой «Ленинградского стиля» является ленинградская идентичность.

Понятие идентичности является сложным многоаспектным явлением. Д. С. Гальчук в статье «Понятие “Идентичность личности”»

приходит к выводу о том, что «одной из ведущих потребностей человека является отождествление с идеями, ценностями, нормами и т. п. других людей, среды его обитания»¹⁹, т. е. социальная идентичность.

Исследованию понятия «городская идентичность» посвящен корпус статей современных исследователей. В качестве примера будут рассмотрены некоторые из них. Н. О. Анисимов в статье «Идентичность и город»²⁰ выделяет основные ценности, через которые личность самоидентифицирует себя с конкретным местом: значимые места города, символические ценности городской идентичности, пантеон горожан (ассоциативный ряд личностей, связанных с городом, включая исторических и литературных персонажей), мифы саморефлексии, т. е. корпус городских мифологем, границы внутренней дифференциации относительно страны в целом. Таким образом, декоративное и промышленное искусство становится транслятором городской идентичности и изменения исторической перспективы. Е. О. Евсеенкова в статье «Модальность городской идентичности» предлагает критерии оценки уровня включенности самосознания конкретной личности в пространство города. Исходя из вышеназванной классификации городская идентичность ленинградца находится на уровне «полного приятия городской идентичности» и как следствие активное ее включение во все аспекты деятельности, в особенности искусство. Данный тезис подкрепляется одной из устоявшихся городских мифологем об особом стиле, присущем жителям Петербурга-Ленинграда. Г. В. Горнова в статье

¹⁶ Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб: Искусство-СПб, 2003. – С. 6.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Коротеев, С. В. Этос Петербурга. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. кандидата философских наук. – СПб, 2008. – С. 5.

¹⁹ Гальчук, Д. С. Понятие «идентичность личности» / Д. С. Гальчук // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – № 5. – С. 45.

²⁰ Анисимов, Н. О. Идентичность и город // Наука. Искусство. Культура. – 2019. – № 3(23) – С. 170–179.

Дарья Геннадьевна СТЕПАНОВА

| Морфология «ленинградского стиля» |

«Структура городской идентичности» представляет городскую идентичность как «одну из центральных категорий мировоззренческих понятий». «Личные ценностные представления горожан о городе в ходе его исторического развития концентрируются в экзистенциальной парадигме города в виде объективированных форм городской культуры – городских идеалов, мифов и метафор.» и как итог находят воплощение в искусстве. Платформой выражения этого опыта становятся тиражные вещи, позволяющие достаточно точно выразить настоящую мировоззренческую категорию через формы предметного мира»²¹. Е. В. Орлова в работе «Социокультурные основания городской идентичности (на примере города Оренбурга)» выявляет проблему поиска «наиболее адекватных современности путей обретения и сохранения социокультурной самобытности, которая вынуждает человека определять новые основания своей идентификации»²². С подобной ситуацией столкнулся город после Революции. Петербургское наследие требовалось трансформировать адекватно новой исторической формации – Советского Союза. Таким образом началось формирование корпуса категорий, определяемых новой ленинградской идентичностью, которая, строго говоря, является следующим этапом развития идентичности петербургской.

Феномену петербургской идентичности посвящена диссертация Н. А. Ахнаевой «Феномен петербургской идентичности: анализ конструирования и функционирования». Ленин-

градскую идентичность можно трактовать как идентичность национальную, связанную с конкретным местом, и как идентичность социальную, определяющуюся личностными и духовными аспектами. «На протяжении исторического развития города осмысление культурной преемственности, непрерывности символов города выступало доминантой формирования петербургской идентичности. Представление о «настоящем петербуржце» способствует воспроизводству культурно-исторической памяти общности города, отражает систему ценностей городского социума»²³. «Ленинградский стиль» проявляется в поиске способов адекватной переработки и выражения ленинградской идентичности. Одним из ключей к пониманию ленинградской идентичности можно считать «аристократизм духа» и особенный петербургский эстетизм.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о наличии структуры, эквивалентной плану содержания и плану выражения. В лингвистике план содержания является воплощаемым в языке, представляя собой определённым образом организованную область того, что может быть предметом языкового сообщения, а план выражения – область материальных средств, служащих для передачи языковых сообщений. Альтернативой данной структуре в исследовании выступают содержательный и выразительный уровни, консолидация которых и формирует «ленинградский стиль». Содержательный уровень бытования «ленинградского стиля» является эквивалентом «плану содержания» и включает сюжетно-образное наполнение и идейно-эстетическую платформу. Базисом для форми-

²¹ Горнова, Г. В. Структура городской идентичности / Г. В. Горнова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2018. – № 3. – С. 14.

²² Орлова, Е. В. Социокультурные основания городской идентичности (на примере города Оренбурга) / Е. В. Орлова // Манускрипт. – 2018. – № 11. – С. 277.

²³ Ахнаева, Н. А. Феномен петербургской идентичности: анализ конструирования и функционирования. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. кандидата социальных наук. – СПб, 2004. – С. 12.

Дарья Геннадьевна СТЕПАНОВА

| Морфология «ленинградского стиля» |

рования содержательного уровня выступает «ленинградская идентичность», определяющаяся личностной идентификацией с Ленинградом и его культурным кодом. Ленинградская идентичность является совокупностью мироощущения и эстетического наполнения, трансформирующегося в основной стилеобразующий ориентир. Выразительный уровень проявляется в общности изобразительных и выразительных доминант произведений ленинградских мастеров декоративного и промышленного искусства. Основой «плана выражения» выступает образовательная платформа и творческий почерк ленинградских мастеров декоративного и промышленного искусства. «Ленинградский стиль» выступает в роли особого художественного языка произведений декоративного и промышленного искусства Ленинграда, совокупности изобразительно-выразительных средств и приемов выражения идейно-эстетического содержания в художественном произведении.

Список литературы

Александрова, Я. А. Станковая эмаль Ленинграда – Санкт-Петербурга второй половины XX – начала XXI в.: истоки и эволюция. Диссертации на соиск. уч. ст. кандидата искусствоведения. – СПб., 2020. – 368 с.

Анализ и интерпретация произведения искусства. Художественное сотворчество / Под ред. Н. А. Яковлевой. – СПб: Лань, 2017. – 720 с.

Ахнаева, Н. А. Феномен петербургской идентичности: анализ конструирования и функционирования. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. кандидата социологических наук. – СПб, 2004. – 24 с.

Виппер, Б. Р. Введения в историческое изучение искусства. – М.: Издательство В. Шевчук, 2015. – 368 с.

Гальчук, Д. С. Понятие «идентичность личности» // Вестник Бурятского государственного университета. – 2017. – № 5. – С. 44-51.

Горнова, Г. В. Структура городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2018. – № 3. – С. 14–16.

Гусарова, Ю. В. Ленинградская керамика как феномен отечественного искусства второй половины XX века. Диссертация на соиск. уч. ст. кандидата искусствоведения. – СПб, 2011. – 195 с.

Исина, Г. И. Мифологема как составляющая картины мира в контексте современности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №4. – С. 160–163.

Кильдюшева, А. А. Конструирование дефиниции категории «Музей» триадическим методом // Вестник Омского университета. – 2018. – № 23. – С. 170–180.

Коротеев, С. В. Этнос Петербурга. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. кандидата философских наук. – СПб, 2008. – 24 с.

Лосев, А. Ф. Проблема художественного стиля. – Киев: Киевская академия Евробизнеса, 1994. – 286 с.

Орлова, Е. В. Социокультурные основания городской идентичности (на примере города Оренбурга) // Манускрипт. – 2018. – № 11. – С. 276–279.

Промышленное искусство // Словарь Российской академии художеств URL: <https://rah.ru/science/glossary/detail.php?ID=19854> (дата обращения: 12.05.2021).

Регионы России в XXI веке: пространственные измерения и социальные трансформации: коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2015. – 240 с.

Топоров, В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. – СПб: Искусство-СПб, 2003. – 616 с.

Хань Бин. Соотношение понятий «стиль» и «авторский стиль»: культурологический аспект // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7916> (дата обращения 31.05.2021).

Darya G. STEPANOVA

| Morphology of the “Leningrad Style” |

Darya G. STEPANOVA

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen,
48, Moika river emb., Saint Petersburg, Russian Federation 191186
PhD Student, Department of Art History and Pedagogy of Art, Institute of Art Education
ORCID: 0000-0002-7156-7202
E-mail: Stepanova-dg@yandex.ru

MORPHOLOGY OF THE “LENINGRAD STYLE”

Within the framework of the article, the author defines the essential characteristics of the new scientific definition “Leningrad style” in the context of the development of decorative and industrial art. A clear definition of the morphological structure of the “Leningrad style” will contribute to the systematization of categorical characteristics that underlie the structural model of style as a system of artistic language. The scientific novelty of the research consists in identifying the categorical characteristics and morphological structure of the “Leningrad style”. The main task of using the term morphology in the context of the “Leningrad style” is to differentiate the various levels of existence of the components of the definition and combine them into a clear logical structure. As a result of a comprehensive art history analysis of the bibliography and of the works themselves, some characteristic features are distinguished that are characteristic of all types of decorative and industrial art in Leningrad. For example, the severity and conciseness of color, a clear selection of the necessary means of artistic expression, metaphorical images, close connection with the culture of the city, poetry and architecture, etc. Manifestations of the “Leningrad style” in

decorative and industrial art are differentiated into formal (thematic and plot characteristics, aesthetic foundations) and expressive (features of working with form, composition, color, etc.). The results of the study allow us to conclude that there is a clear logical structure equivalent to the content plan and the expression plan. An alternative to this structure in the study is substantial and expressive levels, the consolidation of which forms the “Leningrad style”. The expressive level is manifested in the commonality of pictorial and expressive dominants of the Leningrad masters of decorative and industrial art. The content level of existence of the “Leningrad style” is equivalent to the “content plan” and includes plot-figurative content and an ideological and aesthetic platform. The basis for the formation of the content level is the “Leningrad identity”, which is determined by personal identification with Leningrad and its cultural code.

Key words: “Leningrad style”, morphology, decorative arts, industrial art, categorical characteristics, style systems, domestic art, Soviet art, style, Leningrad Higher Art School named after V. I. Mukhina.

References

Aleksandrova Ia. (2020). Stankovaia emal' Leningrada – Sankt-Peterburga vtoroi poloviny XX – nachala XXI v.: istoki i evoliutsiia [Easel enamel of Leningrad - St. Petersburg in the second half of the XX - early XXI century: origins and evolution]. PhD theses. 368. (In Russian).

Iakovleva N. (2017). Analiz i interpretatsiia proizvedeniia iskusstva. Khudozhestvennoe sotvorchestvo [Analysis and interpretation of a work of art. Artistic co-creation]. Lan'. (In Russian).

Akhnaeva N. (2004). Fenomen peterburgskoi identichnosti: analiz konstruirovaniia i funktsionirovaniia. [Phenomenon of St. Petersburg identity: analysis of design and functioning]. PhD theses. 24. (In Russian).

Darya G. STEPANOVA

| Morphology of the "Leningrad Style" |

Vipper B. (2015). Vvedeniia v istoricheskoe izuchenie iskusstva xIntroduction to the historical study of art. V. Shevchuk. (In Russian).

Gal'chuk D. (2017). Poniatie «identichnost' lichnosti» [The concept of "personality identity"] *Vestnik Bur'iat'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 5. 44-51. (In Russian).

Gornova G. (2018). Struktura gorodskoi identichnosti [The structure of urban identity]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia*, 3. 14-16. (In Russian).

Gusarova Iu. (2011) Leningrad'skaia keramika kak fenomen otechestvennogo iskusstva vtoroi poloviny XX veka [Leningrad ceramics as a phenomenon of Russian art in the second half of the XX century]. PhD theses. 195. (In Russian).

Isina G. (2015). Mifologema kak sostavliaiushchaia kartiny mira v kontekste sovremennosti [Mythologema as a component of the picture of the world in the context of modernity]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, 4. 160 – 163. (In Russian).

Kil'diusheva A. (2018). Konstruirovaniye definitsii kategorii «Muzei» triadicheskim metodom [Construction of the definition of the category "Museum" by the triadic method]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 23.170-180. (In Russian).

Koroteev S. (2008). Etos Peterburga [Ethos of St. Petersburg]. PhD theses. 24. (In Russian).

Losev A. (1994). Problema khudozhestvennogo stilia [The problem of artistic style]. *Kievskaiia akademiia Evrobiznesa*. (In Russian).

Orlova E. (2018). Sotsiokul'turnye osnovaniia gorodskoi identichnosti (na primere goroda Orenburga) [Socio-cultural foundations of urban identity (on the example of the city of Orenburg)]. *Manuskript*, 11. 276-279. (In Russian).

Promyshlennoe iskusstvo [Industrial art]. Slovar' Rossiiskoi akademii khudozhestv URL: <https://rah.ru/science/glossary/detail.php?ID=19854>. (In Russian).

Regiony Rossii v XXI veke: prostranstvennye izmeneniia i sotsial'nye transformatsii: kollektivnaia monografiia [Regions of Russia in the XXI century: spatial dimensions and societal transformations: collective monograph]. Nauka. (2015). (In Russian).

Toporov V. (2003). Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye Trudy [Petersburg text of Russian literature: Selected works]. *Iskusstvo-SPb*. (In Russian).

Khan' Bin. (2012). Sootnoshenie poniatii «stil'» i «avtorskii stil'»: kul'turologicheskii aspekt [Correlation of the concepts "style" and "author's style": cultural aspect]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 6. (In Russian).

Михаил Александрович СТЕПАНОВ

| Стратегии искусства новых медиа: к постчеловеческому воображению |

Михаил Александрович СТЕПАНОВ

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18
Заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью
Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва
129301, Российская Федерация, г. Москва, ул. Космонавтов, 2
Старший научный сотрудник Центра фундаментальных исследований культуры
Кандидат философских наук
ORCID 0000-0002-8793-5874
E-mail: michail.stepanov@gmail.com

СТРАТЕГИИ ИСКУССТВА НОВЫХ МЕДИА: К ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ВООБРАЖЕНИЮ

В основу данной статьи легли размышления над коллективной монографией «Возвращение к политическим измерениям: стратегии в современном искусстве новых медиа» под редакцией Оливера Грау и Инге Хинтервальднер, изданная в издательстве Де Грюйтер в 2020 году¹. Авторы, собранные редакторами книги, осмысливают то, как современное искусство новых медиа XXI века осваивает текущие глобальные проблемы в обществе, такие как изменение климата, миграция, тотальная слежка, виртуализация глобальных финансовых рынков и т.д. Эти актуальные темы получают новые интерпретации через динамические конstellации медиа, искусства и политики. Таким образом, по мнению авторов книги, актуальное медиа-искусство, формируя специфический спектр выражения с помощью мультисенсорных, партиципаторных и активистских подходов вносит свой вклад в решение наиболее актуальных проблем современности.

В статье представляется важным рассмотреть влияние медиаискусства на представления о функционировании общества и культуры в целом,

поскольку сами практики нового видения и репрезентации оказывают влияние на представления человека о себе и окружающем мире. При помощи мультисенсорных образов медиаискусства запускается процесс расширения горизонта видения проблемных мест в обществе, выявляются и тем самым могут быть изменены ценностные установки, детерминирующие поведение и ценностные ориентиры атомизированного индивида современного общества в его жизнедеятельности. В результате делается вывод о возрастающем влиянии постчеловеческого воображения на культурные практики современности, роль которого заключается в том, что оно позволяет создавать и поддерживать общую картину мира человеческого и нечеловеческого в их напряженном сосуществовании, выявляя их неочевидные взаимодействия и взаимовлияния.

Ключевые слова: искусство новых медиа, постчеловеческое воображение, политическое, партиципация, цифровая культура.

¹ *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art* (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 256.

Михаил Александрович СТЕПАНОВ

| Стратегии искусства новых медиа: к постчеловеческому воображению |

Мы часто и охотно играем воображением, но и воображение (в виде фантазии) также часто, а иногда и весьма некстати, играет нами.

Иммануил Кант

Что такое «политическая иконография» и что она значит сегодня? – основной вопрос коллективной монографии «Возвращение к политическим измерениям: стратегии в современном искусстве новых медиа», изданной в 2020 году. Вопрос, не теряющий актуальности с момента возникновения средств художественной выразительности, обретает значимость с каждым обновлением технологической оснащённости художников. В данном случае, движение к постановке данного вопроса было начато серией конференций и изданий по истории медиаискусства, науки и технологий (MediaArtHistories Conference) продолжающееся с 2005 года по настоящее время². Редакторы книги, историк искусств и медиаархеолог Оливер Грау и исследовательница медиаискусства, искусствовед Инге Хинтервальднер предлагают развивать новые аналитические инструменты и методы для того, чтобы в рамках искусства новых медиа выявить политическое содержание. Так историки искусства, редакторы предлагают выйти из автономии медиаискусства, зачастую закупоренного в его технологической возвышенности или аттракционной зрелищности, показать его деавтономию – связанность с другими человеческими практиками и, прежде всего, – выявить его политический потенциал с тем, чтобы критически осмыслить наше положение в мире, выявить альтернативные сценарии будущего. Позволить эстетике медиального стать

политической, то есть действенной, способной принести изменения в мир, монополизированный корпорациями и ригидными политическими системами.

Медиаискусство не столько иллюстрирует, сколько приводит в действие (actuates) тектонический глобальный сдвиг от механической индустрии к информационной экономике, пишут редакторы книги во введении³. Подчеркивая далее, что несмотря на то, что цифровые картинки проникли во многие сферы повседневной и профессиональной деятельности, сводить медиаискусство к цифровой живописи неправомерно. Медиаискусство – скорее комплекс различных практик, которые посредством науки и технологий критически анализируют и конструируют вариации нашего погружения и связности с цифровым миром⁴. Внимание современных медиахудожников к экологическим условиям, проблемам климата, нарушению приватности частной жизни посредством тотальной слежки цифровыми устройствами и т.д. обнаруживает у медиаискусства прежде недостаточно явное политическое измерение. В центре внимания современного медиаискусства – не столько научные и технологические возможности и их эксплуатация, сколько внимание к нашему существованию как множеству обществ и существ, человеческих и нечеловеческих, и возможности иметь будущее.

В статье «Политическое влияние цифрового искусства. Время для тяжелых гуманитарных наук!», входящей в первый раздел «Политические измерения в цифровых изображениях», Оливер Грау пытается ответить на вопрос о том, какую роль сегодня играет цифровая визу-

² Платформа истории медиаискусства, науки и технологий MediaArtHistories. URL: <https://www.mediaarthistory.org/> (дата обращения 30.09.2021).

³ Grau, O., Hinterwaldner, I. Introduction // *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art* (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 9.

⁴ Ibid. 10.

Михаил Александрович СТЕПАНОВ

| Стратегии искусства новых медиа: к постчеловеческому воображению |

альность медиаискусства в социополитической проблематике, такой как изменение климата, виртуализации финансовых потоков, человеческой миграции и тотальной слежки и называет цифровое искусство политической иконографией современности. Отмечая многообразие цифрового медиаискусства, он утверждает насущную необходимость обратиться к генезису медиаискусства, выявить запутанные связи создающих его человеческих и нечеловеческих агентов, и то, как они влияют на настоящее и будущее.

По мнению Грау цифровые образы не просто развлекательные, спектаклярные картинки, а «инструмент мысли»⁵. Необходимо рассматривать цифровую образность в её исторической и материальной связности. Медиаискусство – это направление современного искусства, которое невозможно рассматривать без его технологических, социальных, культурных и политических предпосылок. В тексте 2013 года «Куратор как результат разделения труда (по П. Вайбелю). Теоретические пролегомены к кураторству в технологическом искусстве»⁶, я также затрагивал эту проблему – невозможности рассматривать технологическое искусство в его автономии, исходя из него самого. Грау идёт дальше, он утверждает необходимость рассматривать существующие архивы, коллекции медиаискусства как знание о нас самих. Необходимо эпистемологически подойти к богатству цифрового искусства и увидеть себя,

наше общество, культуру, природу в нём и таким образом получить возможности размышлять о проблемах нашего времени через соответствующее искусство.

Цифровая визуальность есть быстро акселерирующая сложность, а не просто сложная техническая система. Через вновь и вновь обновляющиеся развивающиеся технические системы «цифровой образ становится контекстуальным, эфемерным, экспериментальным, иммерсивным, интерактивным, мульти-модальным, и процессуальным, комбинирующим множество технологий»⁷. Двигаясь сквозь технические платформы, меняясь вместе с устареванием аппаратного и программного обеспечения цифровая образность теряет свою связность с местом и временем создания, утрачивает пласт знания о нас и нашем состоянии, а зрителям остается лишь спектакль. И в этой естественной технологической гонке большая часть медиаискусства предстает как развлекательный аттракцион, который может быть без потерь форматирован. Такое представление, по мнению автора, в корне неверно. По мнению Оливера Грау медиаискусство несет в себе следы времени, это культурная память, которую следует хранить, изучать и экспонировать, поскольку она позволяет нам, современникам, понять, кто мы, откуда и задуматься над тем, куда мы идём.

Книга состоит из пяти тематических разделов: I. Политические измерения в цифровых изображениях; II. «Акт свободы»: эстетизация слежки, контр-слежки и партиципаторной повестки; III. Присоединяемые коммуникационные стратегии; IV. Технополитика и художе-

⁵ Grau, O. Digital Art's Political Impact. Time for Hard Humanities! // *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art* (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 35.

⁶ Степанов, М.А. Куратор как результат разделения труда (по П. Вайбелю). Теоретические пролегомены к кураторству в технологическом искусстве // *Международный журнал исследований культуры*. – 2013. – №1(10). – С. 132–139.

⁷ Grau, O. Digital Art's Political Impact. Time for Hard Humanities! // *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art* (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 43.

Михаил Александрович СТЕПАНОВ

| Стратегии искусства новых медиа: к постчеловеческому воображению |

ственная агентность глобальной экологии в новом медиаискусстве; V. Машинное обучение, визуализация данных и архитектура (не)видимой инфраструктуры информационных систем. В списках литературы обращают на себя внимание цитируемые авторы – Карен Барад, Роза Брайдотти, Стивен Шавиро, Брайан Массуми, Бенджамин Браттон, Тимоти Мортон и другие, которые задают общую постгуманистическую повестку, в которой современное медиаискусство существует и развивается. Большинство статей обращаются к определенным произведениям искусства, событиям или аспектам медиа и медиаискусства, чтобы проблематизировать глобальные проблемы современности, находящиеся в фокусе актуальных медиахудожников.

В каком-то смысле эти обращения вырисовывают актуальную художественную тенденцию, которую можно обозначить как постантропоцентричную, в которой человек как бы перестает быть тем субъектом, вокруг которого крутится мир, но, при этом, внимание приковано к его глобальному наследию, обозначаемому как антропоцен, капиталоцен и т.д.

Собранные редакторами тексты показывают возможность постантропоцентрических отношений с нечеловеческим миром, который разрастается на наших глазах. Наше технологическое подчинение повседневных практик жизни требует постоянно адаптирующихся новых способов социального и политического взаимодействия. В статье «Запутанные реальности. Как искусственный интеллект формирует наш мир» Сабина Химмельсбах осмысляет художественные практики работы с нейронными сетями. Автор обращает внимание на социальное значение новых технологий и возможные политические следствия. Она отмечает, что алгоритмы контролируют все больше аспектов со-

временной жизни, как на макроуровне глобальной экономики, так и на микроуровне повседневной жизни современного человека, что несёт определённые риски. В этой связи исследовательница предлагает обратиться к художественным практикам работы с искусственным интеллектом и машинным обучением, которые состоят в том, «чтобы разрушить (break down) механизмы машинного обучения и понять процессы, в которые мы – сознательно или бессознательно – уже давно вовлечены»⁸.

Исследование Химмельсбах базируется на кураторском проекте «Запутанные реальности. Жизнь с искусственным интеллектом» и одноименной выставке «Запутанные реальности» (Entangled Realities), организованной в Доме электронных искусств (HeK) в Базеле в 2019 году. В проекте участвовало тринадцать художников, с разных сторон использовавших в качестве художественного инструмента искусственный интеллект. По мнению исследовательницы наша «запутанная реальность» создается и осмысляется всеми участниками – человеческими и нечеловеческими. В этой кооперации осуществляется познание мира и его создание⁹. Алгоритмы искусственного интеллекта расшифровывают природные ритмы, практики, фрагментируя и алгоритмизируя наши представления и потребление, устанавливая последовательности действий, связей и зависимостей. Полученные данные, сегментированные на достаточно простые, с тем чтобы их можно было различать и собирать, ведут к колониальной перспективе – этими множествами данных, вещей и процессов легко можно управлять. Оче-

⁸ Himmelsbach, S. Entangled Realities. How Artificial Intelligence is Shaping our World // *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art* (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 228.

⁹ Ibid. 239–240.

Михаил Александрович СТЕПАНОВ

| Стратегии искусства новых медиа: к постчеловеческому воображению |

видно, капиталистическая экспансия на территорию воображения едва ли может быть остановлена, однако может быть вывернута путем изобретения, создания новой констелляции сил.

Вооружившись новой оптикой, обратимся к впечатлениям от художественных произведений доступных в 2021 году в Санкт-Петербурге, а именно: выставки New Nature (Персональная выставка российской арт-группы Recycle Group. 16 июля 2021 – 10 октября 2021, ЦВЗ «Манеж»).

В своем проекте New Nature, художники Андрей Блохин и Георгий Кузнецов, участники выставки в павильоне России на 57-й Венецианской биеннале современного искусства исследуют визуальные коды цифрового мира. Экспонируемые интерактивные скульптуры и динамические инсталляции, требуют от зрителей участия, и едва ли spektakyлярны при традиционном посетительском созерцании. Выявляя религиозный пафос последователей цифровизации, художники обращают внимание на измененную ценностную картину мира адептов цифровой виртуальной реальности. В этой картине мира количественные показатели социальных сетей и аналитические метрики, такие как количество подписчиков, просмотров и лайков, индексы цитируемости и коэффициент вовлеченности оказываются определяющими в иерархизации социальных отношений. Взаимоотношения человека и машины оказываются определяющими в представлениях о природе и самих себе. Мир оказывается наблюдаем только через оптику смартфона и программного обеспечения, что, собственно, и реализуется кураторским проектом, исключая надписи и печатные материалы у объектов, где имеется только QR-код, требующий использования смартфона, подключенного к глобальной сети. Заполняющаяся память смартфона и его пере-

гревание от интенсивного использования обратной связью сообщает о значимости физического мира вопреки художественному тезису о свободной полноценной виртуальной жизни в «новой природе».

Созданные посредством алгоритмов и программного кода миры воплощаются в пластиковом мире, зависимом от электрических сетей и напряжения в них, что прекрасно воплощает инсталляция «Врата» (2012), демонстрирующая подавляющую мощь материально-технического на пути к виртуальной свободе.

Художники фокусируются на демонстрации возможности продуктивного взаимодействия между людьми и машинами, попытками понять, чему может искусственный интеллект научить естественный и может ли. Здесь хочется задать вопрос о правомерности деления интеллекта на искусственный и естественный, поскольку правильнее говорить об обучении и его пределах. Когда мы уходим от существительного «интеллект» и обращаемся к глаголу «обучаться», диспозитив человек-машина приобретает иное значение. Вместо противостояния человеческого взгляда машинному видению и цифровым кодам, мы получаем доступ к машинной чувственности и постчеловеческому воображению, а именно, – к тому, что получается, если машина анализирует и перечитывает данные, снимаемые с окружающего мира, и составляет их нам. Эти данные ущебно рассматривать в нашей привычной логике недостатка или полноты сведений, поскольку это сведения нечеловеческие и несут собственные значения, которые дополняют наше общее технологическое постчеловеческое существование. Манифестацией постчеловеческого воображения может служить зал «Скрытая папка», экспозиция которого недоступна зрителю. Познакомится с экспозицией можно только в записи камеры те-

Михаил Александрович СТЕПАНОВ

| Стратегии искусства новых медиа: к постчеловеческому воображению |

лефона, который может при участии волонтера отправиться в самостоятельное путешествие по определенному маршруту. Результатом становится непродолжительное видео, демонстрирующее прохождение через пространства, дополненную реальность, методично сопровождаемое механическим звучанием тележки, везущей телефон.

В настоящем человек делегировал машинам многие собственные способности, которые в общем-то освобождены от человека практически полностью. Взгляд камеры уже не привязан к точке зрения человека. Это пристальный взгляд или *gaze*, но пристальный взгляд «объекта», смотрящего на нас, который окружает и подчиняет себе наш. Мы до такой степени интериоризировали и интегрировали пристальный взгляд Другого в нашу собственную субъективность, что для поддержания этой системы больше не требуется никакого (надзирающего) человека. То, что в любую минуту за нами могут наблюдать, делает нас заложниками этой системы, даже если нет никого, кто выполнял бы функции наблюдателя или надзирателя. Пристальный взгляд машин иной. Он больше ориентируется на текстуры, последовательности и ритмы, чем на формы, что радикально отличает его от человеческого. Различные системы распознавания объектов, базирующиеся на нейросетях, и такие инструменты, недоступные человеческому восприятию, как инфракрасное видение, звуковые частоты за пределами человеческих чувств, различные системы контроля, и, наконец, системы определения лиц, – так называемое техническое зрение, позволяющее обнаруживать, отслеживать и классифицировать объекты, служат тому, чтобы контролировать действия. Действия принадлежат телам и в этой связи следует говорить о «возвращении» к человеческому телу как слож-

ному, но невидимому комплексу актов коммуникации и восприятия, которое вписано в окружающие миры.

В контексте данных произведений искусства объекты, тела посетителей и данные становятся сырьем для неутилитарных, спекулятивных представлений о жизни в цифровом мире. Цифровой образ призван, как полагал ещё Вилем Флюссер, моделировать возможность других отношений, других миров и иного времени. За всем пластиком, экранами и мельтешением пикселей встает вопрос об «agency», недостаточно точно передаваемом на русский как «агентность», и скорее имеющей отношение к определенной способности или силе, или, иначе говоря, автономной способности к действию. Цифровые образы и картинки, движущиеся картинки и фигуры служат не аттрактивному развлечению, а поднимают вопрос о том, кто способен к действию и как его понимать и взаимодействовать с ним? Искусство новых медиа, таким образом, демонстрирует не только очевидное технологическое усложнение мира, но и выводит на поверхность, наряду с человеческим, нечеловеческих действующих лиц или автономные неподвластные человеку способности и силы, имплицитно присутствующих в нас, что заставляет задуматься о месте человека в мире и совместности существования.

Способность создавать образы – воображение – предполагает образование сообщества, разделяющего производимые образы и таким образом совместно познающего реальность. Аристотель в трактате «О душе» (кн. III, гл. 3) поместил воображение между чувством и умом, тем самым отметив ключевую роль воображения, которое «есть движение, возникающее от ощущения в действии» (429a)¹⁰ в осмыслении

¹⁰ Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения в четырёх томах. – М.: Мысль, 1976. – Т.1. – С. 432.

Михаил Александрович СТЕПАНОВ

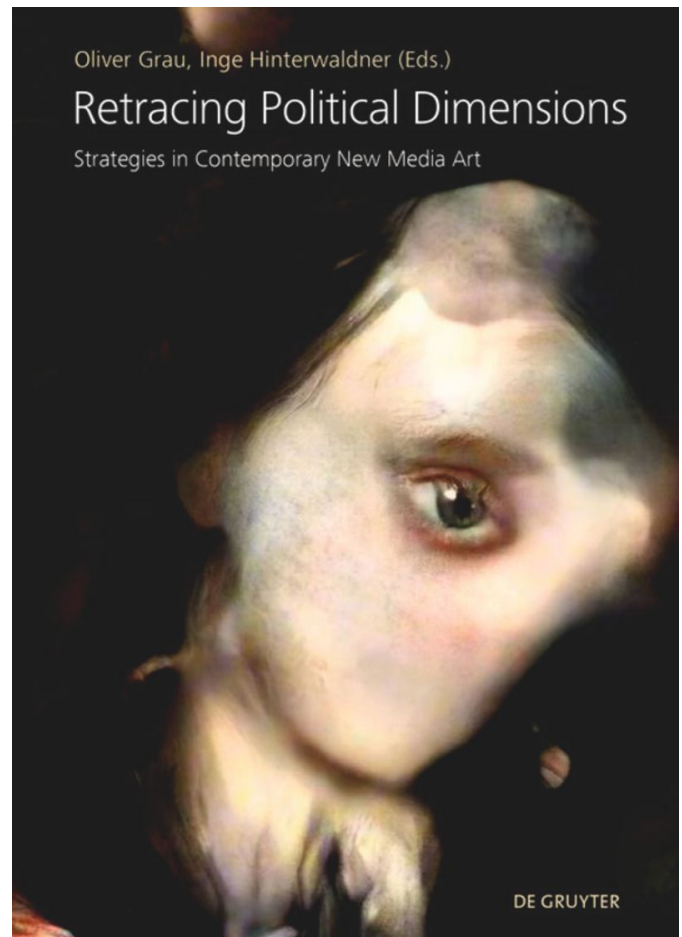
| Стратегии искусства новых медиа: к постчеловеческому воображению |

чего бы то ни было, в возбуждении мысли как таковой. Порождаемые воображением представления могут быть как истинны, так и ложны, они поставляют материал для мысли, которая не может быть пуста, она всегда привязана к конкретным данным чувств.

Воображение работает с чувственными представлениями, эти представления зависимы от опыта. Иммануил Кант, автор сформировавший дискурс автономии различных сфер человеческой деятельности, одной из которых является искусство, в своей поздней работе «Антропология с прагматической точки зрения» делит воображение на продуктивное и репродуктивное. Первое есть способность первоначального изображения предмета, второе – способность воспроизводить уже бывшее эмпирическое созерцание. В этом разделении для Канта важно отметить, что «продуктивное воображение все же не бывает творческим, т. е. способным породить такое чувственное представление, которое до этого никогда не было дано нашей чувственной способности; всегда можно доказать, что для такого представления материал уже был»¹¹. То есть, воображение всегда зависимо от материала.

Наше репродуктивное воображение в медиализированном настоящем подвергается массивному расширению нечеловеческой визуальностью. Изображенный на обложке книги монстр¹², которого человек никогда не встречал в своем опыте, если не брать опыт измененного сознания, этот воображаемый объект составляется из элементов нечеловеческого

зрения и масштаба, элементов, предшествующего опыта, опыта машин и их реконструкций, опыта как человеческого, так и возможного нечеловеческого – видения животных, рецептивности растений и метаболизма грибов.

Обложка книги: *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art* (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 256.

Кант продолжает: «... хотя воображение – великий художник, более того, волшебник, тем не менее оно не имеет творческого характера, а всегда должно заимствовать материал для своих порождений из чувств»¹³. Только эти

¹¹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения в шести томах. Под общей редакцией В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1966. – Т.6. – С. 402.

¹² В оформлении обложки использована нейрографическая работа Марио Клингеманна (Mario Klingemann) Face Feedback 02066, Nerography, 2018.

¹³ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения в шести томах. Под общей ре-

Михаил Александрович СТЕПАНОВ

| Стратегии искусства новых медиа: к постчеловеческому воображению |

чувства не являются чувствами нашего биологического вида.

Говоря о воображении, как об одной из загадочных способностей человека, я использую приставку «пост-» как означающее того, что движется мимо референции (в данном случае человека), но все еще привязано к нему. Постчеловеческое, таким образом, описывает ситуацию, когда культура пытается приспособиться к радикально измененному образу жизни, когда воображение основывается на телесности, имеющей опыт взаимодействия с новой визуальностью и цифровой материальностью, когда опыт видения и мышления машин становится нашим человеческим опытом.

Цифровая объектность, выходящая за рамки необязательного технологического инструмента и превращающаяся в функцию нашего повседневного существования, становится непредставимой. Например, как только исследователи нейросетей отказались от заданных параметров, в частности от ключевых точек на лице, а вместо этого поставили машине задачу, определять на новых фото, где один и тот же человек, а где разные – машина начала сама находить параметры, которые важны ей для решения этой задачи.

Постчеловеческое воображение имеет дело с восприятиями (образами) изначально не предназначенными для размерности человеческих чувств. Медиаискусство и искусство нейронных сетей оказываются значимыми благодаря их способности продемонстрировать иное – нечеловеческое видение, выявить симбиотическое множество сред и агентов – источников действия, составляющих общий мир. Это искусство указывает на темпоральную неустойчивость связей, скрепляющих общий мир, давая

дакцией В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1966. – Т.6. – С. 402–404.

образ тому, что находится за пределами человеческого восприятия.

Политическое измерение современного искусства новых медиа заключается не в том, чтобы встраивать в существующую систему знания, власти, восприятия новые элементы путем простого расширения и включения в существующие индексы и перечни практик, а в том, чтобы выявить иные возможности, проблематизировать саму художественно-технологическую систему медиа-арта. Это возможно через комплексное критическое осмысление мультисенсорного художественного опыта зрителя, художника и самой среды, через выявление их взаимосвязей в различных контекстах¹⁴. Постчеловеческое воображение маркирует переход от натурализованного объективирующего принципа восприятия и интерпретации мира, с их прогрессизмом, доминированием рационального субъекта и сакрализацией технологического развития к партиципаторному и мультисенсорному опыту сообществ. Постчеловеческое воображение является политическим, поскольку выявляет деавтономию элементов мира, демонстрирует сосуществование множества пересекающихся и взаимодействующих источников действия, как неабстрактных человеческих, так и абстрактных, – нечеловеческих.

Список литературы

Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения в четырёх томах. – М.: Мысль, 1976. – Т.1. – С. 371–448.

Венкова, А. В. Феномен иммерсивности. Мультисенсорный поворот в культуре. – СПб.: Астерион, 2021. – 336 с.

Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения в шести томах. Под общей

¹⁴ См. об этом подробнее: Венкова, А. В. Феномен иммерсивности. Мультисенсорный поворот в культуре. – СПб.: Астерион, 2021. – 336 с.

Михаил Александрович СТЕПАНОВ

| Стратегии искусства новых медиа: к постчеловеческому воображению |

редакцией В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1966. – Т.6. – С. 449–588.

Степанов, М.А. Куратор как результат разделения труда (по П. Вайбелю). Теоретические пролегомены к кураторству в технологическом искусстве // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – №1(10). – С. 132–139.

Grau O. Digital Art's Political Impact. Time for Hard Humanities! *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art* (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 34–54.

Grau O., Hinterwaldner I. Introduction. *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art* (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 9–18.

Himmelsbach S. Entangled Realities. How Artificial Intelligence is Shaping our World. *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art* (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 228–241.

Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 256.

Mikhail A. STEPANOV

| Strategies of New Media Art: towards Post-Human Imagination |

Mikhail A. STEPANOV

Saint-Petersburg State University of Industrial Technology and Design
18, Bolshaya Morskaya st., Saint Petersburg, Russian Federation, 191186
Head of the Department of Advertising and Public Relations at the Institute of Business Communications
D. S. Likhachev Russian Institute of Cultural and Natural Heritage, Russia
2, Cosmonauts st., Moscow, Russian Federation, 129301
Senior Researcher of the Center for Fundamental Research of Culture
Ph.D. in Philosophy
ORCID 0000-0002-8793-5874
E-mail: michail.stepanov@gmail.com

STRATEGIES OF NEW MEDIA ART: TOWARDS POST-HUMAN IMAGINATION

This article is based on reflections on the collective monograph *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art*, edited by Oliver Grau and Inge Hinterwaldner, published by De Gruyter in 2020. The authors, gathered by the editors of the book, comprehend how the contemporary art of new media of the 21st century masters current global problems in society and ecology, such as climate change, migration, total surveillance, virtualization of global financial markets, etc. These current themes are being reinterpreted through dynamic constellations of media, art and politics. Thus, according to the authors of the book, contemporary media art, by forming a specific spectrum of expression with the help of “multi-sensory, participatory and activist approaches”, contributes to solving the most urgent problems of our time.

In the article, it seems to me important to consider the influence of media art itself on the functioning of society and culture as a whole. Since the practices of

new vision and representation themselves influence a person's ideas about himself and the world around him. With the help of multisensory images of media art, the process of expanding the horizon of vision of problem areas in society is launched, the value attitudes that determine the behavior and value orientations of the atomized individual of modern society in his life are identified and thus can be changed. As a result, I conclude that the growing influence of the posthuman imagination on the cultural practices of our time, the role of which is that it allows you to create and maintain a general picture of the human and nonhuman world in their tense coexistence, revealing their non-obvious mutual interactions and interactions.

Key words: new media art, posthuman imagination, political, participation, digital culture.

References

Aristotle (1976) O dushe. [About the soul]. Sochineniya v chetyrokh tomakh. Mysl'. Vol.1. 371–448. (In Russian)

Grau, O. Digital Art's Political Impact. Time for Hard Humanities! // *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art* (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 34–54.

Grau, O., Hinterwaldner, I. Introduction // *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New*

Media Art (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 9–18.

Himmelsbach, S. Entangled Realities. How Artificial Intelligence is Shaping our World // *Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art* (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 228–241.

Kant, I. (1966) Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya. [Anthropology from a pragmatic point of view]. Sochineniya v shesti tomakh. Pod obshechey redaktsiyey V.F. Asmusa. A. V. Gulygi, T.I. Oyzermana. Mysl'. Vol.1. 449–588. (In Russian)

Mikhail A. STEPANOV

| **Strategies of New Media Art: towards Post-Human Imagination** |

Retracing Political Dimensions: Strategies in Contemporary New Media Art (2020) Editors Oliver Grau and Inge Hinterwaldner. De Gruyter. 256.

Stepanov, M. A. (2013) Kurator kak rezul'tat razdeleniya truda (po P. Vaybelyu). Teoreticheskiye prolegomeny k kuratorstvu v tekhnologicheskom iskusstve [Curator as a result of the division of labor (according to P. Weibel). Theoretical Prolegomena for Curating in Technological Art] // *International Journal of Cultural Studies*. No. 1 (10). 132–139.

Venkova, A. V. (2021) Fenomen immersivnosti. Mul'tisensornyy povorot v kul'ture. [Phenomenon of immersion. Multisensory turn in culture] *Asterion*. 336. (In Russian)

Елена Эдуардовна ДРОБЫШЕВА

| Очерчивая контуры метамодернизма |

Елена Эдуардовна ДРОБЫШЕВА

Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой
191023, г. Санкт-Петербург, улица Зодчего Росси, д. 2
Профессор кафедры балетмейстерского образования
Доктор философских наук, доцент
ORCID: 0000-0002-5713-6756
E-mail: pestelena@yandex.ru

ОЧЕРЧИВАЯ КОНТУРЫ МЕТАМОДЕРНИЗМА*

Рецензируется монография Л. А. Меньшикова «Искусство как антиискусство. Теория и практика флюксус-движения в акционизме 1960–1970-х годов», изданная в Санкт-Петербурге в 2019 году. В качестве базовой дискурсивной посылки избрана проблема поисков релевантного (само)описания современной социокультурной архитектоники, одним из способов решения которой является обращение к концепции метамодернизма, предложенной нидерландскими исследователями Р. Ван ден Аккером и Т. Вермюленом. Проводятся параллели между нынешним переходным этапом развития культуры и эпохой перехода модерна в состояние постмодерна, ярким примером и воплощением которой и являлось движение Флюксус. Художественные и теоретические искания Флюксуса оцениваются как репрезентативные не только в достаточно конкретном хронотопе деятельности группы, но и в пределах общей логики архитектурных подвижек современного

социокультурного процесса. Отмечается, что наибольшую эвристическую эффективность в методологическом плане демонстрирует применение жанрово-стилевого анализа. Делается вывод о том, что произведенное Л. А. Меньшиковым исследование наследия группы Флюксус позволяет экстраполировать полученные результаты на прочие рядоположенные феномены текущего арт-процесса и прогнозировать их дальнейшее развитие и взаимодействие.

Ключевые слова: метамодернизм; флюксус; современная культура; современное искусство; архитектура современной культуры; жанрово-стилевой анализ.

* Рецензия на монографию: *Меньшиков Л. А. Искусство как антиискусство. Теория и практика флюксус-движения в акционизме 1960–1970-х годов* : Монография. — Санкт-Петербург: Издательство Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой, 2019. — 500 с.

Социогуманитарное научное пространство находится в состоянии активного пересмотра своих теоретических основ и поиска релевантной лексики для описания архитектурных подвижек, происходящих в обществе в целом, и в сфере искусства – в частности. Актуальным рабочим концептом сегодня является предложенный нидерландскими исследователями Р. Ван ден Аккером и Т. Вермюленом «метамодернизм», компромис-

сно снимающий немислимую для рефлексии «постпостмодерную» ситуацию. Понимаемый как «маятник», «бытие между» и «после»¹, метамодернизм на данный момент, с одной стороны – примиряет всех, с другой – заставляет обращаться к анализу других переходных эпох в

¹ Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – С. 15–16.

Елена Эдуардовна ДРОБЫШЕВА

| Очерчивая контуры метамодернизма |

истории культуры. Именно поэтому феномен Флюксуса, как явления, связавшего теорию и практику модернизма и постмодернизма, привлекателен для исследования не только в искусствоведческом, но и в более широком социогуманитарном поле.

Контекст актуального художественного процесса постоянно меняется под влиянием суммы технологических, политических и экономических факторов, что вызывает необходимость выработки таких структур понимания, которые могли бы обеспечить одновременно и целостность, и гибкость самого дискурса о современном искусстве. Традиционные сферы искусствознания – история, теория и критика искусства – по понятным причинам пока не выработали более или менее универсальной исследовательской платформы в отношении новейших арт-практик. Проблема поиска формальных и содержательных характеристик жанров и стилей, но, прежде всего – *о*-пределения собственно границ *со*-временного (соответствующего своему времени) искусства – не утрачивает своей остроты и актуальности на любом культурно-историческом этапе.

Принято считать, что исследователю актуальности сегодня можно все, кроме того, чтобы «быть подобно вчерашнему историку искусства простым историографом некой сущности»². Особенно это касается таких «опасных» в плане оценочности феноменов, как авангард. Тьерри де Дюв подчеркивает, что в данном дискурсе необходим специфический подход: «Лишь обратившись к историкам искусства с философским уклоном, иногда просто к философам и всегда – к теоретикам, мы найдем особую форму написания истории, которая может

принимать или отвергать авангард», ставший «историческим объектом класса *искусство*», включенным в диалектический процесс «своего собственного деклассирования»³. Писать об авангардных, переходных, маргинальных или мультижанровых художественных феноменах – задача, которую невозможно решить без привлечения инструментария философии и теории искусства, культурологии и эстетики. Успешным примером такого опыта и является рецензируемое нами издание.

Оно посвящено теме, занимающей в дискурсе картографирования современных художественных процессов достаточно узкую нишу, – как с точки зрения хронологии, так и с точки зрения масштабов анализируемого феномена. Тем интереснее полученный результат, претендующий на теоретизирование онтологических и формальных аспектов развития искусства в XX веке и демонстрирующий эффективное использование жанрово-стилевого анализа, значительно укрепляющего методологическую базу современного искусствознания.

Актуальность обусловлена тем, что проблематика функционирования художественной группы как целостного явления пока не получила должного внимания со стороны историков и теоретиков искусства, анализ Флюксуса как явления недавнего прошлого имеет концептуально важное значение для понимания путей развития современного искусства, особенно в дискурсе становящейся интегративной научной парадигмы.

Особую значимость постановка и решение темы имеют также для трактовки ценностно-смысловых характеристик арт-практик постмодерна как «эпохи отсутствующей ясности», уклоняющейся от идеологической, жанрово-стилевой, технологической *о*-пределенности,

² Де Дюв Т. Именем искусства. К археологии современности / пер. с фр. А. Шестакова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – С. 28.

³ Там же. С. 29.

Елена Эдуардовна ДРОБЫШЕВА

| Очерчивая контуры метамодернизма |

склонной к ироничному снижению пафоса нарративности. Впрочем, и в сегодняшней ситуации «снятия» актуальности постмодерна, как отмечают авторы концепции метамодернизма, «ирония постмодерна никогда и никуда не девалась, сегодня ее власть – и как формы, и как содержания, – вероятно, сильнее, чем когда-либо»⁴.

Интрига эстетического и идеологического кейса Флюксуса завязана на его принципиально декларируемой антихудожественности. Архитектоника культуры включает в себя различного рода компенсаторные механизмы, позволяющие периодически рождаться «антихудожественным» и «антиэстетическим» феноменам, которые в конечном итоге все равно включаются в герменевтический круг понимания / объяснения происходящих в искусстве процессов. Проще всего было бы выключить те или иные экспериментальные объекты из сферы художественного, гораздо сложнее – обнаружить то, что Розалинда Краусс, называет «технической поддержкой»⁵ произведений искусства.

Жанрово-стилевой анализ, с помощью которого автор монографии методично «препарирует» наследие флюксуса, уложившееся в короткой, но весьма насыщенный временной период, оказывается «достаточно результативным, несмотря на очевидную рискованность и неочевидность его использования» для анализа явлений из области искусства, «трудно подда-

ющегося систематизации»⁶. Поскольку предметом исследования выступает сложно уловимая для типологии метафизическая интенция, используем здесь лексику авторов теории метамодернизма: речь идет скорее о некоей «структуре чувства», ставшей «доминантной культурной логикой»⁷ для достаточно локального, но емкого феномена. Тем сложнее выдержать ту концептуальную стратегию, которую избрал автор.

Категории *жанра* и *стиля* – базовые для искусствоведческих изысканий. Начиная с эпохи античности, исследователи оттачивают способы их применения. Общепринято считать, что понятие *стиль* «используется при характеристике художественного творчества в диапазоне от явлений эпохальных до специфики отдельных произведений»⁸. Современное искусство требует уточнения этих дискурсивных практик. Например, усиливается роль контекста формирования тех или иных характеристик: «Стиль проходит через долгий инкубационный период и навсегда сохраняет память о месте рождения», в отличие, например, от моды, в итоге стиль – это всегда «осмысленная проекция картины мира»⁹.

⁶ Меньшиков Л. А. Искусство как антиискусство. Теория и практика флюксус-движения в акционизме 1960–1970-х годов: Монография. – СПб.: Изд-во Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой, 2019. – С. 463.

⁷ Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – С. 38.

⁸ Дашкова Е. В. Понятие «стиль»: генезис и категориальные характеристики. URL: http://analculturolog.ru/journal/archive/item/374-article_3-6.html (дата обращения: 01.11.2021).

⁹ Боков А. В. Стили и тенденции в современной культуре // Architecture and Modern Information Technologies. – 2015. – № 3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stili-i-tendentsii-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения: 05.11.2021).

⁴ Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – С. 15–16.

⁵ Krauss R. Perpetual Inventory. October. 1999. Vol. 88. P. 86–116. URL: <http://www.jstor.org/stable/779226> (дата обращения: 01.11.2021).

Елена Эдуардовна ДРОБЫШЕВА

| Очерчивая контуры метамодернизма |

В случае с Флюксусом сама этимология названия арт-движения отсылает нас к процессуальности как базовой тенденции современного искусства, а проблема определения хронологических параметров данного феномена требует отдельного детального разбора в силу различий в трактовке термина. Как и в любом искусствоведческом исследовании, понятия, применяемые для анализа арт-практик эпох модерна и постмодерна, имеют концептуально важное значение, так как обеспечивают, во-первых, саму легитимацию конкретных феноменов как художественных, а во-вторых, создают теоретический и исторический фундамент для интерпретаций. Как отмечают авторы фундаментального труда «Искусство с 1900 года. Модернизм, антимодернизм, постмодернизм», для новейшего искусствознания концептуально важны «разделение искусства XX века на две половины, разъединенные Второй мировой войной» и вытекающая отсюда проблема «неоднозначности диалога между довоенным и послевоенным авангардом»¹⁰. В этом дискурсе Флюксус представляет уникальный переходный формат от модерна к постмодерну. Этой специфической ролью объясняется пристальный интерес автора монографии, а центральной исследовательской проблемой становится хронотопологический анализ данного явления.

Революционность Флюксуса на момент его возникновения заключалась в принципиальном отказе от привязки к определенному географическому положению. Напротив, Флюксус «вполне можно рассматривать как первый по-настоящему глобальный авангард; художники, композиторы, поэты и другие, внесшие свой вклад в корпус работы Флюксуса,

¹⁰ Искусство с 1900 года / Хэл Фостер и др. – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. – С. 15.

родом из Франции, Западной Германии, Японии, Кореи, Чехословакии, Дании и Соединенных Штатов»¹¹. Добавим: и из Литвы, учитывая происхождение лидера движения – Джорджа Мачунаса. Этот модус существования Флюксуса как транснационального феномена задал тренд развития всей художественной жизни последней трети XX века и начала нынешнего.

Произведенный в работе анализ эпатажной деятельности группы вносит весомую лепту в спор о продуктивности применения катастрофического дискурса в социогуманитаристике, оперирующего концептами «пост-» и «анти-», трактуемыми иногда буквально в ущерб онтологическим и аксиологическим аспектам. Следует отметить, что данная проблема располагается в русле более глобального вектора теоретизации — апофатического. «Современные исследователи называют апофатику основным методом науки XXI века. Апофатический метод как реакция на очевидную несостоятельность претензий на абсолютное знание становится все более востребованным в постмодернизме»¹². Найдя наибольшее применение в богословии, апофатическое мышление, тем не менее, «работает» на всем пространстве наук, изучающих социокультурное бытие во всей его полноте. Категории «антиценности», «антиискусства», «антикультуры» в исследовательской литературе должны употребляться в роли метафорических оценок. Как мы уже отмечали ранее в других работах, «такая лексическая практика – ничего более, чем уловка, поскольку введение подобных понятий в оборот не прояс-

¹¹ Doris D. Zen Vaudeville: A Medi(t)ation in the Margins of Fluxus // The Fluxus Reader / Ed. by K. Friedman. New York; Chichester: Academy editions, 1998. P. 91.

¹² Гуревич П., Спирина Э. Наука в горизонте апофатики // Философская антропология. – 2019. – № 1. – С. 7.

Елена Эдуардовна ДРОБЫШЕВА

| Очерчивая контуры метамодернизма |

няет существо дела относительно любого объекта рассмотрения, а только лишь запутывает и даже ведет в логический тупик»¹³.

В случае с Флюксусом самоназвание «антиискусство» или «неискусство» – очевидная часть стратегии бренда, как оценили бы сегодня это явление с позиции креативных индустрий. Автор справедливо отмечает, что «проблема отсутствия произведения как предмета для изучения <...> является в значительной мере надуманной»¹⁴. Важен выбор оптики исследования. И в дискурсе онтологии художественного творчества очевидно корректным будет говорить о трансформациях его формальных и содержательных характеристик, аксиологических и экзистенциальных акцентах на тех или иных его проявлениях. Поэтому предлагаемый подход, базирующийся на жанрово-стилевом анализе, эффективно работающем в случае с классическим искусством, применительно к наследию Флюксуса методологически совершенно оправдан.

Проведенное исследование отличается педантичной проработкой всех уровней и аспектов темы – исторического, мировоззренческого, концептуального, технологического, ценностного. Несмотря на декларируемую «антихудожественность», Флюксус в итоге предстает как *целостное явление* художественной жизни переходной от авангарда к постмодерну эпохи со всеми его атрибутами и действующими лицами: манифестами, акциями, адептами и критиками. В соответствии с магистральной це-

лю предпринято изучение и описание наследия Флюксуса в диапазоне от теоретической его проработки в виде манифестов до арт-практик, репрезентирующих основные концептуальные послы участников группы, а также анализа встроенности в глобальный процесс индустриализации культуры. Последнее особенно важно для современного социогуманитарного знания, оценивающего все происходящие процессы с точки зрения пространственного подхода.

В пределе заданной исследовательской логики автором решается содержание: объемный труд состоит из шести глав и впечатляющего библиографического списка, в русскоязычный научный оборот введено большое количество новых источников. Бесспорную фактологическую ценность представляют авторские переводы художественных манифестов и их критический анализ.

Поскольку метод жанрово-стилевого анализа заявлен в качестве базового, необходимо кратко остановиться на результатах его практического применения. Наиболее эффективно это демонстрируется во второй главе «Формально-стилевые особенности» на примере конкретных флюксус-практик. В виду того, что Флюксус реализован как двойственная система форм – искусство объектов и искусство действия, – изучение его наследия также предполагает бинарный подход. В рамках главы подробно проанализированы дадаистские истоки Флюксуса, его противоречивые неодадаистские искания, а также отличия от разворачивающегося в той же хронотопологической плоскости поп-арта. Особое внимание уделено «антимзыкальным арт-проектам», так называемым «антиконцертам», ставшим отражением идеи «уникальности текущего и ускользающего мо-

¹³ Дробышева Е. Э. О возможности «антиценностей» в архитектонике культуры // Вопросы культурологии. – 2009. – № 12. – С. 10.

¹⁴ Меньшиков Л. А. Искусство как антиискусство. Теория и практика флюксус-движения в акционизме 1960–1970-х годов: Монография. – СПб.: Изд-во Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой, 2019. – С. 8.

Елена Эдуардовна ДРОБЫШЕВА

| Очерчивая контуры метамодернизма |

мента времени»¹⁵. На примере партитур Й. Оно, Л. М. Янга и Д. Брехта описан их стилеобразующий потенциал как «инструктивной составляющей интермедиального искусства»¹⁶ и как промежуточного формата, объединяющего искусство объекта и искусство действия. Для понимания сегодняшнего движения всего комплекса арт-практик в сторону *мультиплекса*¹⁷ подобная научная аналитика может задать работающий вектор исследования.

Содержательно-стилевые особенности анализируются в третьей главе в дискурсе архитектурной целостности эпохи, через призму сочетания ряда факторов: социального, общекультурного, мировоззренческого, личностного. Такой подход является, по сути, парадигмальным, и может быть с успехом применен как в учебно-методической, так и в научно-исследовательской деятельности современного гуманитария. Взаимовлияние различных типов рациональности в гносеологическом поле, а также интердисциплинарные практики в художественном пространстве вызревали как раз в подобных «текучих», мобильных, принципиально открытых проектах. Влияние идеологии и риторики дзена на мироощущение художников переходного от модерна к постмодерну периода позволило им непротиворечиво соединить в своей деятельности различные уровни постижения и отражения сложносоставной реальности. Слоган «Art is Over» подобно хрестоматийному «Король умер. Да здравствует король!» в реальности «развязывал руки» худож-

никам во всех сферах активно трансформирующегося арт-пространства. «Стремление к разрушению границ между традиционными видами искусства – стратегия извлечения творчества из исторически определенных границ»¹⁸ – не что иное, как тотальная игра – со смыслами, формами, ценностями. Но игра, предельно монетизированная, сопровождается расцветом менеджерских и маркетинговых стратегий. Система «распространения создаваемых артефактов через сеть управляемых художниками магазинов»¹⁹ стала одной из форм индустриализации культуры, частью развития креативных индустрий и альтернативой традиционным культурным институциям.

Параграф «Флюксус как *антиискусство*» посвящен ключевому, на наш взгляд, вопросу о возможности и необходимости введения данного термина в лексикон эпохи. Анализируя историю возникновения и практику применения понятий «антиискусство» и «неискусство», автор монографии аккуратно применяет «бриту Оккама»: «Никакого оценочного пафоса, тем более связанного с идеями кризиса, смерти художественной деятельности как творческого процесса за этими терминами первоначально не было». Антиискусство предстает перед читателем не только как художественный прием, лишенный претензий на новизну, принципиально противостоящий модерности, но и как «часть многообразной жизни человечества в целом», имплицитно присущая ей форма рефлексии²⁰.

¹⁵ Меньшиков Л. А. Искусство как антиискусство. Теория и практика флюксус-движения в акционизме 1960–1970-х годов: Монография. – СПб.: Изд-во Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой, 2019. – С. 122.

¹⁶ Там же. С. 141.

¹⁷ Мультиплекс – авторское (Е. Д.) определение формата актуальных социокультурных процессов.

¹⁸ Меньшиков Л. А. Искусство как антиискусство. Теория и практика флюксус-движения в акционизме 1960–1970-х годов: Монография. – СПб.: Изд-во Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой, 2019. – С. 157.

¹⁹ Там же. С. 209.

²⁰ Там же. С. 161–163.

Елена Эдуардовна ДРОБЫШЕВА

| Очерчивая контуры метамодернизма |

В заключении необходимо отметить, что исследование предпринято в максимально точно выбранный момент: прошло уже достаточно времени для того, чтобы эмпирический материал в совокупности с концептуальным его обрамлением занял свою культурно-историческую нишу. При этом, отсутствие подобных масштабных исследований наследия Флюксуса обеспечило принципиальную новизну и оригинальность труда. Кроме этих – достаточно конкретных и частных – обстоятельств, важно отметить глобальные тренды в широком социогуманитарном пространстве: интерес к междисциплинарности как формату реализации художественных стратегий, актуальность проблематики культурных индустрий, занимающих все более заметное место в современной социокультурной архитектонике²¹, вопрос о роли переходных феноменов в пределе культурно-исторического развития.

Сегодня идут активные поиски концепта, максимально полно схватывавшего бы текущие процессы, как в искусстве, так и в целом в культуре. Реальность становления метамодернизма как нового этапа, идущего на смену постмодернизму во всей полноте его теорий и практик, становится все более отчетливой. Пока концепция метамодернизма находится в зачаточном состоянии²², только-только начинает осознаваться «поворот Истории и связанное с ним “ощущение поворота”, которые призваны определить современную культурную продук-

цию и политический дискурс»²³, но уже понятно, что мы находимся в мощном трансформационном потоке, сопровождающемся архитектурными подвижками, как в аксиологическом, так и в формально-стилистическом, технологическом и институциональном планах. Очевидно, что переходные от постмодерна к условному метамодерну формы художественной рефлексии надо будет исследовать в определенном алгоритме. Масштабное – с точки зрения анализируемой фактологии, применяемой методологии и глубины сделанных выводов – исследование может стать парадигмальной рамкой для подобных задач на современном нам материале.

Кроме всего прочего, необходимо отметить значимость рецензируемого труда в дискурсе современных проблем искусствознания, для которого важнейшее значение приобретают проблемы методологии исследования, и тому есть ряд причин «прежде всего, это наличие многих нерешенных вопросов, относящихся к искусству практически всех времен, но к современному нам искусству едва ли не в большей степени; это особый момент в истории культуры, отмеченный не только общим кризисом, но и доступностью для анализа огромного пласта материала, явно укладывающегося в некий логический цикл; это фактическое отсутствие сегодня в искусствоведческом дискурсе действительно глубокого измерения – философского, ценностного, – совершенно необходимого для формирования реального аналитического подхода»²⁴. В связи с этим в заключение еще раз

²¹ См. об этом: Дробышева Е. Э. Культурные индустрии в современной социокультурной архитектонике // Международный журнал исследований культуры. – 2017. – № 1 (26). – С. 6–13.

²² В качестве альтернативы выскажем предположение, что таким рабочим концептом может стать «цифровая эра».

²³ Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – С. 41.

²⁴ Козлова Ю. Методология искусствознания в ситуации современного кризиса культуры // Современные проблемы искусствознания: взгляд молодых /

Елена Эдуардовна ДРОБЫШЕВА

| Очерчивая контуры метамодернизма |

отметим детальную проработанность в монографии методологического подхода. Таким образом, главным достижением автора стал осуществленный на практике жанрово-стилевой анализ наследия группы Флюксус, позволяющий экстраполировать полученные результаты на прочие рядоположенные феномены текущего арт-процесса и прогнозировать их дальнейшее развитие и взаимодействие.

Список литературы

Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / пер. с англ. В. М. Липки; вступит. ст. А. В. Павлова. – Москва: РИПОЛ классик, 2020. – 342 с.

Де Дюв Т. Именем искусства. К археологии современности / пер. с фр. А. Шестакова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 192 с.

Меньшиков Л. А. Искусство как антиискусство. Теория и практика флюксус-движения в акционизме 1960–1970-х годов: Монография. – СПб.: Изд-во Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой, 2019. – 500 с.

Krauss R. Perpetual Inventory. October. 1999. Vol. 88. P. 86–116. URL: <http://www.jstor.org/stable/779226> (дата обращения: 01.11.2021).

Дашкова Е. В. Понятие «стиль»: генезис и категориальные характеристики // Аналитика культурологии. – 2009. – № 2 (14). URL: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/374-article_3-6.html (дата обращения: 01.11.2021).

Боков А. В. Стили и тенденции в современной культуре // Architecture and Modern Information Technologies. – 2015. – № 3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stili-i-tendentsii-v-sovremennoy-kulture> (дата обращения: 05.11.2021).

Искусство с 1900 года / Хэл Фостер и др. – М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. – 896 с. : ил.

Doris D. Zen Vaudeville: A Medi(t)ation in the Margins of Fluxus // The Fluxus Reader / Ed. by K. Friedman. — New York; Chichester: Academy editions, 1998. – P. 91–135.

Гуревич П., Спирина Э. Наука в горизонте апофатки // Философская антропология. – 2019. – № 1. – С. 6–25.

Дробышева Е. Э. О возможности «антиценностей» в архитектонике культуры // Вопросы культурологии. – 2009. – № 12. – С. 10–13.

Дробышева Е. Э. Культурные индустрии в современной социокультурной архитектонике // Международный журнал исследований культуры. – 2017. – № 1 (26). – С. 6–13.

Козлова Ю. Методология искусствознания в ситуации современного кризиса культуры // Современные проблемы искусствознания: взгляд молодых / Ред.-сост. Н. Ю. Данченкова. – М.: Государственный институт искусствознания, 2016. – С. 5–11.

Ред.-сост. Н. Ю. Данченкова. – М.: Государственный институт искусствознания, 2016. – С. 5.

Elena E. DROBYSHEVA

| Outline of Metamodernism |

Elena E. DROBYSHEVA

Vaganova Ballet Academy
 2, Rossi Street (ulitca Zodchego Rossi), Saint Petersburg, Russian Federation, 191023
 Professor of the Department of Ballet Master's Education
 Doctor of Science in Philosophy, Associate Professor
 ORCID: 0000-0002-5713-6756
 E-mail: pestelena@yandex.ru

OUTLINE OF METAMODERNISM

Annotation. The monograph by L. Menshikov «Art as anti-art. Theory and practices of Fluxus in Action Art of 1960–1970s» published in St. Petersburg in 2019 is reviewed in this article. As a basic discursive premise, the problem of searching for a relevant (itself) description of modern sociocultural architectonics is chosen, one of the ways of solving is to appeal to the concept of metamodernism proposed by the Dutch researchers R. Van den Acker and T. Vermeulen. Parallels are drawn between the current transitional stage of the development of culture and the era of the transition of Art Nouveau to the state of postmodern, as a vivid example and embodiment of which we can interpret the Fluxus movement. Fluxus's artistic and theoretical searches are evaluated as representative not only in a

fairly specific chronotope of the group's activities, but also within the general logic of the architectonic advances of the modern socio-cultural process. It is noted that the greatest heuristic efficiency in methodological terms is demonstrated by the use of genre-style analysis. It is concluded that the study of the legacy of the Fluxus group produced by L. Menshikov allows extrapolating the results into other ordered phenomena of the current art process and predicting their further development and interaction.

Key words: metamodernism; fluxus; modern culture; contemporary art; architectonics of modern culture; genre-style analysis.

References

Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism [Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma]. (2020). Moscow: RIPOL klassik publ.

De Dyuv T. (2014). *The name of art. To the archeology of our time* [Imenem iskusstva. K arheologii sovremenosti]. Moscow: Publ. house of the Higher School of Economics.

Men'shikov L. A. (2019). *Art as anti-art. Theory and practices of Fluxus in Action Art of 1960–1970s* [Iskusstvo kak antiiskusstvo. Teoriya i praktika flyuksusdvizheniya v aktsionizme 1960–1970-h godov] Saint-Petersburg: Publ. house of Vaganova Ballet Academy.

Perpetual Inventory Author(s): Rosalind Krauss Source (1999). *October*, vol. 88, 86–116. URL:

<http://www.jstor.org/stable/779226> (data obrascheniya: 01.11.2021).

Dashkova E. V. (2009). The concept of «style»: genesis and categorical characteristics [Ponyatie «stil'»: genezis i kategorial'nye harakteristiki]. *Analytics of Cultural Studies* [Analitika kul'turologii], 2 (14). URL: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/374-article_3-6.html (data obrascheniya: 01.11.2021).

Bokov A. V. (2015). Styles and trends in modern culture [Stili i tendentsii v sovremennoj kul'ture]. *Architecture and Modern Information Technologies*, 3 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stili-i-tendentsii-v-sovremennoj-kulture> (data obrascheniya: 05.11.2021).

Foster H. et al (Eds.). (2019). *Art since 1900* [Iskusstvo s 1900 goda]. Moscow: Ad Marginem Press Publ., Garazh Publ.

Doris D. (1998). Zen Vaudeville: A Medi(t)ation in the Margins of Fluxus. In Friedman K. (Ed.), *The Fluxus*

Elena E. DROBYSHEVA

| **Outline of Metamodernism** |

Reader (pp. 91–135). New York; Chichester: Academy editions.

Gurevich P., Spirova E. (2019). Science in the horizon of apophatics. [Nauka v gorizonte apofatiki]. *Philosophical anthropology* [Filosofskaya antropologiya], 1, 6–25.

Drobysheva E. E. (2009). On the possibility of «antiquities» in the architectonics of culture [O vozmozhnosti «antitsennostej» v arhitektonike kul'tury]. *Questions of cultural studies* [Voprosy kul'turologii], 12, 10–13.

Drobysheva E. E. (2017). Cultural industries in modern sociocultural architectonics research [Kul'turnye industrii v sovremennoj sotsiokul'turnoj arhitektonike]. *International Journal of Cultural* [Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury], 1 (26), 6–13.

Kozlova Y. (2016). Methodology of Art Science in the Situation of the Modern Crisis of Culture [Metodologiya iskusstvoznaniya v situatsii sovremennogo krizisa kul'tury]. In Danchenkova N. Y. (Ed.), *Modern Problems of Art Science: the View of the Young* [Sovremennye problemy iskusstvoznaniya: vzglyad molodyh] (pp. 5–11). Moscow: State Institute of Art Studies publ.

Международный журнал исследований культуры № 4 (45) 2021

Научное рецензируемое электронное издание

International Journal of Cultural Research # 4 (45) 2021

Peer-reviewed scientific e-journal

ISSN 2079–1100

www.culturalresearch.ru

Журнал входит в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
по специальностям
09.00.00 (философские науки)
24.00.00 (культурология)
17.00.00 (искусствоведение)

**ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)**
Министерства образования и науки Российской Федерации

WEB OF SCIENCE
RSCI

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Science Index

Интелпрос
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РОССИЯ

CYBERLENINKA
Научная электронная
библиотека

Google
scholar

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

ТЕМА НОМЕРА: СОВЕТСКАЯ ЭСТЕТИКА И НОВЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Приглашенный редактор выпуска: *Олег Владимирович АРОНСОН*

Ответственный редактор: *Алина Владимировна ВЕНКОВА*

The MAIN TOPIC of the ISSUE: SOVIET AESTHETICS AND NEW MATERIALISM

Guest Editor: *Oleg ARONSON*

Managing Editor: *Alina V. VENKOVA*

В оформлении обложки использован визуальный объект М. Степанова, 2020.

Cover Picture: visual object by M. Stepanov, 2020.

31.12.2021

Дизайн и оригинал макет

Издательство «ЭЙДОС»

www.eidos-books.ru

Design & layout

Publishing House EIDOS